МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

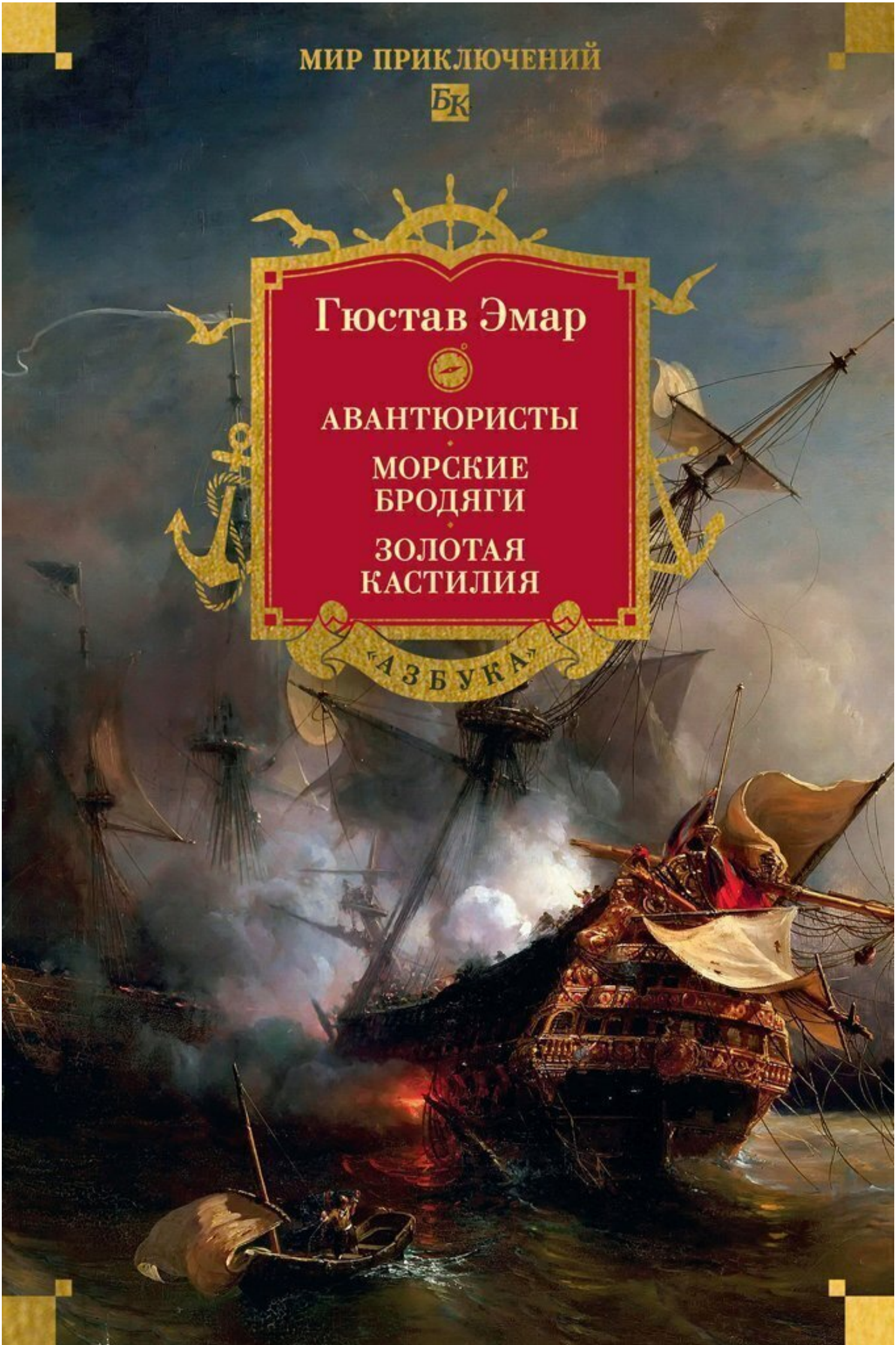
БК

Гюстав Эмар

АВАНТЮРИСТЫ

МОРСКИЕ БРОДЯГИ

ЗОЛОТАЯ КАСТИЛИЯ



«АЗБУКА»

Мир приключений (Азбука-Аттикус)

Густав Эмар

Авантюристы. Морские бродяги. Золотая Кастилия (сборник)

«Азбука»
1863, 1865

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Эмар Г.

Авантюристы. Морские бродяги. Золотая Кастилия (сборник) / Г. Эмар — «Азбука», 1863, 1865 — (Мир приключений (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-14127-8

С дальними странами, морской стихией, индейцами, золотыми приисками и прочими атрибутами приключенческой литературы французский писатель Гюстав Эмар (1818–1883) познакомился вовсе не в библиотеке. Еще мальчишкой он сбежал из дому и устроился юнгой на корабль, стремясь во что бы то ни стало добраться до «страны чудес» – Америки. Двадцать лет странствий позволили будущему писателю впрок запастись захватывающими сюжетами. В трех романах из знаменитого цикла «Короли океана»: «Авантюристы», «Морские бродяги» и «Золотая Кастилия» – с удивительной яркостью воплотился сам дух приключений: атмосфера свободы, битвы на земле и на море, захватывающие любовные истории, гордые и благородные герои – пираты, авантюристы, безжалостные к врагам, но честные и справедливые. В книге воспроизводятся иллюстрации, сделанные французскими художниками к первым изданиям романов Эмара.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-14127-8

© Эмар Г., 1863, 1865
© Азбука, 1863, 1865

Содержание

Авантюристы 7
Глава I 8
Глава II 13
Глава III 23
Глава IV 28
Глава V 33
Глава VI 40
Глава VII 48
Глава VIII 55
Глава IX 61
Глава X 67
Глава XI 74
Глава XII 80
Глава XIII 87
Глава XIV 94
Глава XV 101
Глава XVI 108
Глава XVII 114
Глава XVIII 121
Конец ознакомительного фрагмента. 125

Гюстав Эмар
Авантюристы
Морские бродяги
Золотая Кастилия

Серия «Мир приключений»

Иллюстрации Е. Гийо, Д. Вьержа и других французских художников

© А. Лютиков, статья, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Атти-кус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Авантюристы

Глава I
«Гостиница Французского Двора»

Протяженность Сены от Шансо, где она начинается, до Гавра, где она впадает в море, не больше двухсот лье, и, несмотря на это, Сену можно назвать одной из величайших рек, ведь со времен Юлия Цезаря до наших дней на ее берегах решались судьбы мира.

Туристы, живописцы, путешественники, отправляющиеся в дальние края на поиски красот, вряд ли сыщут что-то прекраснее этой петляющей меж равнин и холмов реки, на чьих берегах стоят многолюдные города, а деревушки заманчиво разбросаны среди зеленых просторов или прячутся в прибрежных рощах.

Наша история началась 26 марта 1641 года в одной из таких деревень, в нескольких лье от Парижа.

Была в той деревне всего одна улица. Узкая и длинная, она спускалась с самого верха довольно высокого холма, вилась вдоль маленькой речушки и обрывалась на самом берегу Сены. По обе стороны улицы тянулись низкие неказистые домики, большая часть которых была приспособлена под гостиницы для всякого рода путников, останавливавшихся на ночлег в этой деревне.

В начале улицы высился богатый монастырь, возле которого располагалось скрытое в глубине обширного сада внушительное строение, служившее гостиницей богатым людям, которых дела или поиск развлечений приводили в эту деревушку, окруженную со всех сторон роскошными жилищами знати.

О том, что в деревне существует такая гостиница, догадаться можно было, лишь войдя через нижнюю дверь ограды в сад, в глубине которого и высилось здание. Со стороны дороги имелся у гостиницы другой вход, через трактир, к которому и подъезжали экипажи.

Однако принимал трактирщик, он же хозяин гостиницы, не всех приезжих. Он был весьма разборчив и уверял, что гостиница его, удостоенная посещением короля и всесильного кардинала, не должна служить пристанищем для бродяг. Чтобы оправдать свое самоуправство, трактирщик заказал вывеску, на которой был изображен французский герб, по низу которого шло название, выведенное золотыми буквами: «Гостиница Французского Двора».

Гостиница пользовалась доброй славой не только в этих краях, но и в самом Париже, и, надо прибавить, не на пустом месте: хотя трактирщик был придирчив в выборе своих постояльцев, но прислуживал гостям и ухаживал за их лошадьми он с отменным рвением.

Стояли последние дни марта, и было еще довольно холодно. Голые, покрытые инеем ветви деревьев печально вырисовывались на фоне неба. Снег все еще плотно укрывал землю. Хотя было около десяти часов вечера, видно было как днем, потому что луна, плавая в облаках, освещала местность своими лучами.

Все спало в деревне, только из-за зарешеченных окон «Гостиницы Французского Двора» падали широкие полосы света, показывавшие, что там, по крайней мере, еще бодрствуют.

Однако путешественников в гостинице не было. Всем, приезжавшим днем и с наступлением ночи, трактирщиком было отказано. И теперь этот толстяк с широким умным лицом и лукавой улыбкой озабоченно ходил по огромной кухне, нет-нет да и бросая рассеянные взгляды на приготовления к ужину, которыми были заняты главный повар с подручными.

В это время пожилая женщина, маленькая и кругленькая, влетела в кухню и воскликнула:

– Правда ли, мэтр Пильвоа, что вы приказали Мариетте приготовить, как она уверяет, комнату с балдахином?

– И что сказала Мариетта? – спросил трактирщик строгим голосом.

– Что следует приготовить лучшую комнату.

– И какая же комната лучшая, мадам Тифена?

– Комната с балдахином, потому что в ней ее величество…

– Раз так, приготовьте комнату с балдахином, – перебил трактирщик.

– Однако, – осмелилась возразить мадам Тифена, ведь она пользовалась некоторой властью в доме: во-первых, как законная жена трактирщика и, во-вторых, как обладательница довольно скверного характера, – мне кажется, при всем моем к вам уважении…

– При всем моем к вам уважении, – воскликнул трактирщик, гневно топнув ногой, – вы дура, моя милая! Делайте, что я велел, и перестаньте жужжать у меня над ухом!

Мадам Тифена поняла, что ее муж и господин не расположен в этот вечер к пререканиям. Как женщина благоразумная, она ушла, оставляя за собой право при случае сполна отплатить мужу за полученный выговор.

Весьма довольный своим решительным поступком, трактирщик бросил торжествующий взгляд на слуг и направился к двери, ведущей в сад, оставив повара и его подручных молча удивляться необычному поведению хозяина. В тот миг, когда мэтр Пильвоа взялся рукой за ручку, дверь вдруг сама распахнулась перед его носом. Мэтр Пильвоа поспешно отскочил назад, пропуская в помещение мужчину.

– Наконец-то! – радостно вскрикнул незнакомец, бросив шляпу с пером на стол и скидывая плащ. – Ей-богу! Я думал, что оказался в безлюдной пустыне.

И прежде чем трактирщик, чрезвычайно удивленный бесцеремонностью гостя, успел открыть рот, тот придвинул к камину стул и преспокойно расположился возле огня.

Лет вошедшему на вид было двадцать пять. Длинные черные волосы в беспорядке падали на его плечи, черты его благородного лица свидетельствовали об уме, а в черных глазах читались мужество, пылкость и привычка повелевать. Вся физиономия незнакомца носила отпечаток величия, умеряемого, впрочем, доброжелательной улыбкой большого рта с красиво очерченными, яркими губами, обнажавшими ослепительно-белые зубы. Верхнюю губу украшали по моде того времени изящно завитые усы, а под бородой угадывался квадратный подбородок, говорящий об упрямом нраве.

Костюм незнакомца выглядел отнюдь не роскошно, однако был опрятен, скроен со вкусом и несколько походил на военный, чему способствовали два пистолета, заткнутые за пояс, и длинная шпага со стальным эфесом, висевшая на перевязи. Незнакомец был высок ростом, строен и, видимо, силен. Отвага, сквозившая во всей его наружности, выдавала в нем одного из тех людей, которых было в то время очень много: людей, с первого раза умевших требовать – полагая, что имеют на это право, – уважения от тех, с кем сводил их случай.

Между тем трактирщик, несколько оправившись от испуга и удивления, сделал несколько шагов к незнакомцу, поклонился ниже, чем ему самому хотелось бы, затем под влиянием направленного на него горящего взгляда стянул с головы колпак и проговорил не вполне уверенно:

– Милостивый государь…

Но незнакомец бесцеремонно перебил его:

– Вы трактирщик?

– Да, – буркнул мэтр Пильвоа, удивляясь, что вынужден отвечать, когда собирался расспрашивать.

– Хорошо! – продолжал незнакомец. – Велите отыскать и поставить в конюшню мою лошадь, она где-то в вашем саду. И протрите ее уксусом с водой. Боюсь, у нее содрана кожа.

Эти слова были произнесены таким повелительным тоном, что трактирщик от удивления не нашелся что ответить.

– Ну! – прикрикнул незнакомец, слегка нахмурив брови. – Что же ты стоишь, дурак, вместо того чтобы исполнить мои приказания?

С мэтра Пильвоа мгновенно слетела спесь, он попятился и вышел, шатаясь, как пьяный. Незнакомец проводил его насмешливым взглядом и обернулся к слугам, которые, украдкой поглядывая на него, тихо перешептывались.

– Поставьте для меня стол около огня и подавайте ужин. Да поскорее, черт подери, я умираю с голода!

Слуги, в душе радуясь случаю сыграть шутку со своим хозяином, не заставили повторять приказание дважды. В одно мгновение стол был перенесен, столовые приборы разложены, и трактирщик, возвратившись, нашел своего нежданного гостя уже расправляющимся с велико-

лепной куропаткой. Лицо Пильвоа украсилось оттенками радуги: сначала позеленело, потом пожелтело, потом покраснело. Того и гляди трактирщика мог хватить апоплексический удар.

– Это уж слишком! – возопил он, гневно топнув ногой.

– Что это с вами? – поинтересовался незнакомец, поворачивая голову и вытирая усы.

– Действительно, что это со мной? – поднял глаза к потолку трактирщик.

– Да, кстати, как там моя лошадь? Она в конюшне?

– Ваша лошадь, ваша лошадь, – бурчал Пильвоа, – до вашей ли теперь лошади!

– Да что же такое, позвольте спросить?! – воскликнул незнакомец, налив себе вина и разом осушив стакан. – Гм! Это юрансонское! – заключил он и с довольным видом поставил стакан. – Ни с чем не спутаешь!

Такое пренебрежение и бесцеремонность довели ярость трактирщика до точки кипения и заставили забыть всякую осторожность.

– Неслыханная дерзость! – вскричал он, хватая бутылку. – Ворваться в приличный дом без позволения хозяев! Живо убирайтесь отсюда, если не хотите, чтобы вам пришлось худо. Ищите себе другое пристанище, а я не могу и не желаю давать вам ночлег!

Незнакомец выслушал мэтра Пильвоа без малейших признаков волнения и, когда тот наконец замолчал, откинулся на спинку стула и посмотрел ему прямо в лицо.

– Теперь вы послушайте меня, – начал он, – и хорошенько запомните мои слова вашей дурацкой башкой. Ведь этот дом – гостиница, не так ли? Стало быть, он должен быть открыт для каждого путешественника, который за деньги ищет приюта и пищи. Вы взяли себе за правило принимать людей по выбору? Однако мне плевать на это, и я останусь здесь столько времени, сколько захочу. Я не запрещаю вам содрать с меня лишнее, эта ваше право хозяина. Ничего не имею против этого. Но если мне не будут прислуживать вежливо и проворно, если вы не предоставите мне приличной комнаты, в которой я смог бы заночевать, словом, если вы не поступите со мной по всем законам гостеприимства, я обещаю, что сорву вашу вывеску, а вас повешу на ее место. Теперь понятно? – прибавил незнакомец и так крепко сжал мэтру Пильвоа руку, что бедный трактирщик вскрикнул от боли. Затем незнакомец толкнул трактирщика, и тот отлетел к стене, едва удержавшись на ногах. – Служите мне и не перечьте!

И, уже не обращая никакого внимания на трактирщика, незнакомец спокойно продолжил свой прерванный ужин.

Трактирщик чувствовал себя побежденным и не пытался продолжить бессмысленное выяснение отношений. Напуганный и униженный, он теперь изо всех сил старался угодить странному гостю, столь бесцеремонно ворвавшемуся к нему в дом.

Путешественник, однако, оказался не злопамятен. Довольный достигнутым результатом, он не стал выяснять отношения дальше. Так что мало-помалу и хозяин, и гость скоро оказались в самых приятельских отношениях, а к концу ужина могли уже сойти за друзей.

Они стали разговаривать сначала о причудах погоды и дороговизне съестных припасов, потом о болезни короля и кардинала, потом мэтр Пильвоа налил полный стакан вина своему непрошеному гостю, набрался смелости и сказал, сокрушенно покачав головой:

– Знаете ли, вы ставите меня в ужасно неловкое положение…

– Вы опять за свое? – отозвался незнакомец, допивая стакан и пожимая плечами. – Я полагал, что этот вопрос решен.

– Умоляю вас, не горячитесь, – боязливо отвечал трактирщик, – я не имею ни малейшего намерения вас оскорбить.

– Так говорите прямо – в чем дело?

Трактирщик понимал, что отступать некуда, страх придал ему мужества.

– Поверьте, – начал он смиренно, – я слишком хорошо знаю свет, чтобы осмелиться быть невежливым с таким дворянином, как вы…

– Оставим это, – с улыбкой перебил незнакомец.

– Но видите ли, моя гостиница нанята уже неделю назад целым обществом дворян. Они должны появиться через час, а может быть, уже и через полчаса. Эти дворяне желают быть одни в гостинице, они взяли с меня клятву не принимать никаких других путешественников и заплатили мне за это.

– Вот и прекрасно, – сказал незнакомец с равнодушным видом.

– Прекрасно?! – вскричал трактирщик.

– Что же мне еще сказать? Вы строго исполнили свое обязательство, и никто не может ни в чем упрекнуть вас.

– Как же это?

– Вы ж никого тут не прячете? – с невозмутимым спокойствием поинтересовался незнакомец. – Это, признаюсь, было бы нечестно с вашей стороны.

– Здесь никого нет.

– Вот и я о том же!

– А вы? – растерянно поинтересовался трактирщик.

– О! Я – это другое дело, – рассмеялся незнакомец. – Вы меня не принимали. Напротив, это я сам насильно ворвался к вам. Ну, когда эти дворяне к вам явятся, вам останется только одно.

– Что?

– Рассказать в точности, что произошло между нами. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что это откровенное объяснение удовлетворит их. А если нет…

– А если нет, что мне делать?

– Пришлите их ко мне, и я берусь их уговорить. Люди нашего происхождения всегда понимают друг друга.

– Однако…

– Ни слова больше об этом… Да вот, кажется, и они, – прибавил незнакомец, прислушиваясь, и вновь небрежно откинулся на спинку стула.

Послышался топот лошадей по снежному насту, а затем в дверь постучали.

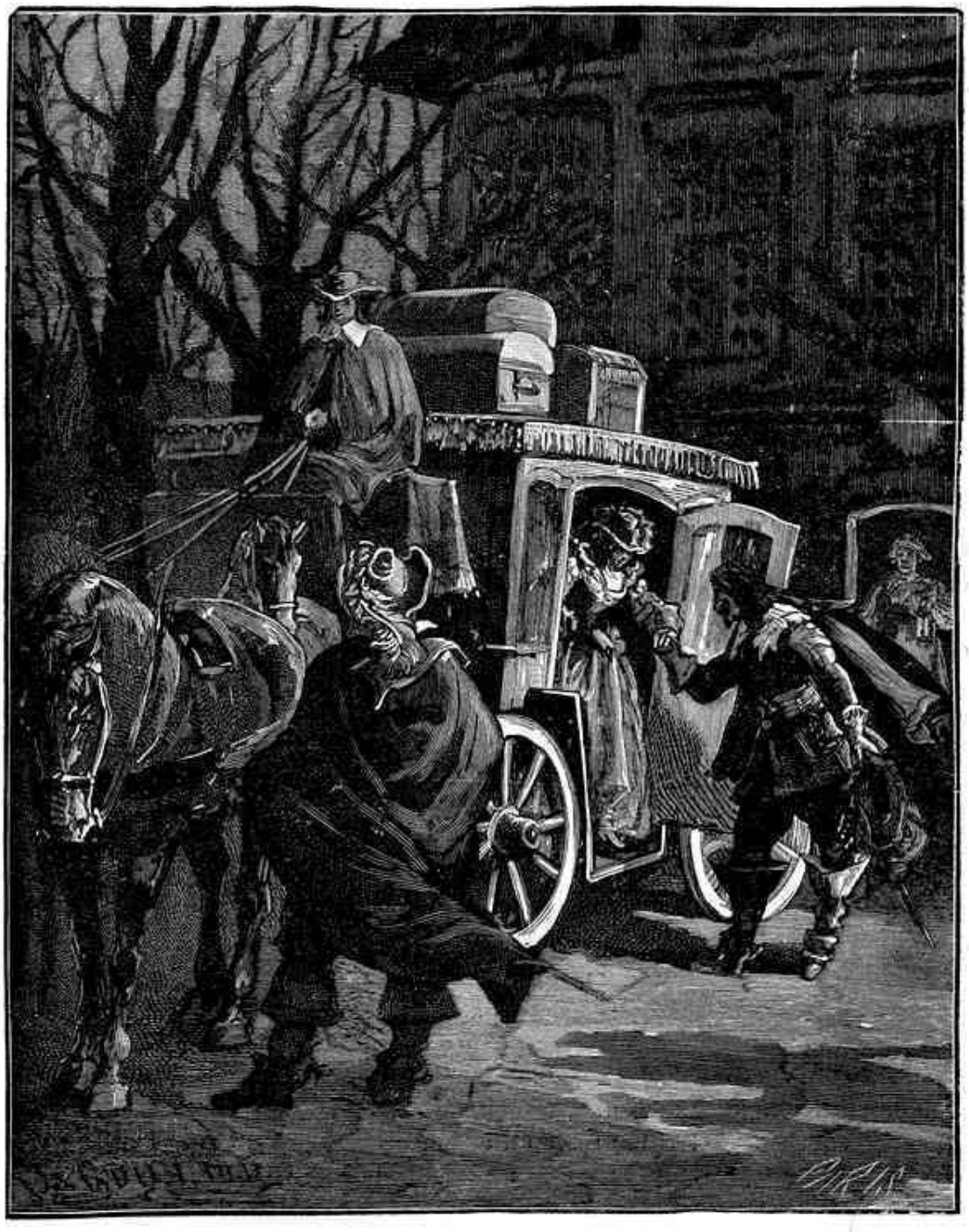
– Это они… – прошептал трактирщик.

– Нет никакой причины заставлять их ждать! Отворите им, хозяин! Сегодня очень холодно.

Трактирщик колебался с минуту, потом, не говоря ни слова, двинулся к двери.

Незнакомец старательно закутался в плащ, надвинул на глаза шляпу и с равнодушным видом принялся ожидать появления приезжих. Слуги забились в самый дальний угол кухни, предвидя грозу.

Глава II
Семейная сцена



Между тем приезжие шумели у ворот. Ясно было, что нерасторопность трактирщика выводит их из терпения. Наконец он решился выйти.

Как только по его приказанию конюх отодвинул засов и отворил ворота, несколько всадников въехали на двор. За ними следовала карета, запряженная четверкой лошадей. При свете фонаря, который держал слуга, трактирщик увидел, что путешественников семеро: трое господ, трое слуг и кучер на козлах. Все были закутаны в толстые плащи и вооружены.

Как только карета въехала на двор, всадники спешились. Один из них, имевший, по-видимому, некоторую власть над своими спутниками, подошел к трактирщику. Кучер повернул карету в сад, а слуги между тем затворяли ворота.

– Мои приказания исполнены? – спросил путешественник с сильным иностранным выговором, хотя сама речь его была совершенно правильной.

При этом довольно затруднительном вопросе мэтр Пильвоа почесал в затылке, а потом уклончиво ответил:

– Насколько было возможно.

– Что вы хотите сказать? – резко спросил путешественник. – Ведь указания были весьма определенные!

– Да, – смиренно отвечал трактирщик, – я даже скажу, что мне щедро заплатили вперед.

– Ну так что же?

– Я сделал что мог, – отвечал Пильвоа, все больше смущаясь.

– Гм! Значит, у вас кто-то есть?

– Увы! Есть, монсеньор, – отвечал трактирщик, опустив голову.

Путешественник в гневе помянул черта, но тут же взял себя в руки и спросил:

– Кто эти люди?

– Это один человек.

– А! Только один, – сказал мужчина, несколько успокаиваясь. – Стало быть, ничего не может быть легче спровадить его.

– Боюсь, что нет, – робко отвечал трактирщик. – Этот неизвестный мне путешественник, кажется, прегрубый тип. Не думаю, чтобы он удалился по собственной воле.

– Хорошо, хорошо, я беру это на себя. Где же он?

– Там, на кухне, греется возле огня.

– Хорошо. Комнаты приготовлены?

– Да, монсеньор.

– Займитесь этими господами и помните: никто из ваших людей не должен знать, что здесь будет происходить.

Трактирщик, обрадовавшись, что так легко отделался, почтительно поклонился и поспешил в сад, а путешественник, шепотом обменявшись несколькими словами со слугой, все это время остававшимся возле него, надвинул шляпу на глаза, отворил дверь и вошел на кухню.

Кухня была пуста, незнакомец исчез. Путешественник озабоченно огляделся по сторонам. Слуги тоже благоразумно попрятались. После минутного замешательства путешественник вышел в сад.

– Ну что, вы его видели, монсеньор? – поинтересовался трактирщик.

– Нет, но все равно, – отвечал путешественник, – ни слова моим спутникам. Он, видимо, убрался, а если нет, проследите, чтобы он не приближался к тем комнатам, которые вы нам отвели.

«Гм! Дело, видать, не совсем чисто», – подумал трактирщик и, озадаченный, пошел в дом.

Дело в том, что мэтр Пильвоа боялся. Приезжие имели угрюмые физиономии и грубые манеры. Кроме того, он заметил, что в саду между деревьями мелькают какие-то тени. Он остерегся исследовать это обстоятельство, но оно подтверждало худшие его опасения.

Тифена с фонарем в руке ждала в дверях, чтобы посветить путешественникам и проводить их в приготовленные комнаты. Один из приезжих отворил дверцу кареты и помог выйти даме.

Роскошно одетая, дама эта, по-видимому, страдала каким-то недугом, потому что двигалась с трудом. Однако она оттолкнула поданную мужчиной руку. Тифена, милосердная, как

все женщины, поспешила помочь даме взойти по довольно крутой лестнице, ведущей в комнату с балдахином.

Путешественники оставили кучера и лакея стеречь карету, из которой не стали выпрягать лошадей, и молча проследовали вслед за больной дамой.

Комната с балдахином, самая лучшая в гостинице, была меблирована с роскошью. Яркий огонь горел в камине, и несколько свечей, расставленных на столах, разливали свой свет. Еще одна незаметная дверь вела в помещение, сообщающееся с другими частями дома.

Войдя в комнату с балдахином, дама опустилась на стул и кивком поблагодарила хозяйку. Тифена послушно удалилась, удивленная и почти испуганная тем, какие мрачные субъекты окружали незнакомку.

– Господи боже мой! Что же здесь затевается? – спросила она у мужа в коридоре, по которому он прохаживался с озабоченным видом. – Эти люди меня пугают. Наша бедная гостья вся дрожит, и лицо ее, насколько я могла разглядеть под вуалью, бело как снег.

– Я так же испуган, как и вы, душа моя, – отвечал со вздохом мэтр Пильвоа, – но мы ничего не можем поделать. Это слишком знатные господа, друзья кардинала. Они могут погубить нас. Нам остается только, как приказано, удалиться в комнату и быть там до тех пор, пока не потребуются наши услуги.

Трактирщик и его жена ушли в спальню и не только заперли дверь на ключ, но еще и загородили ее креслами.

Незнакомец же, прежде чем исчезнуть из кухни, с притворным равнодушием следил за всеми передвижениями трактирщика и, как только тот вышел, чтобы впустить приезжих, бросил кошелек, полный золота, поварам, приложил палец к губам в знак молчания и, закутавшись в плащ, вышел через другую дверь.

Повара, уяснив себе, что незнакомец имеет тайные планы, в которые им не следует вмешиваться, разделили между собой деньги, так щедро им подаренные, и, памятуя приказания, полученные от хозяина, отправились спать.

Пока трактирщик принимал путешественников, незнакомец углубился в сад. Дойдя до калитки, он тихо свистнул. Тотчас появились два человека. У каждого была длинная рапира на боку, пистолеты за поясом и карабин в руке.

– Как дела? – спросил незнакомец. – Вы видели что-нибудь, Мигель?

– Капитан, – ответил тот, к которому относился вопрос, – я ничего не видел, но опасаюсь засады.

– Засады?

– Да. Дрейф заметил несколько человек подозрительной наружности, которые, кажется, хотят нас схватить.

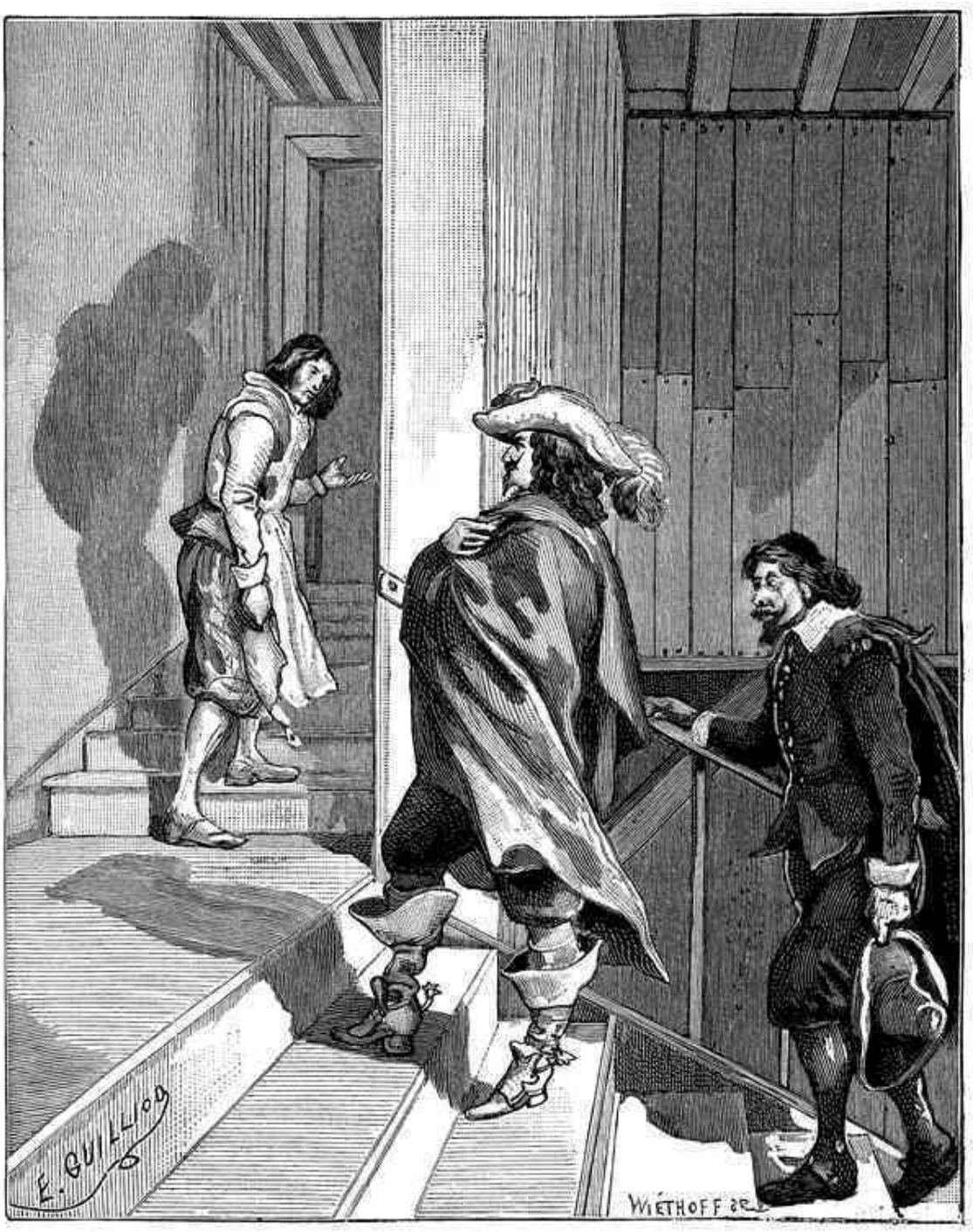
– Да бросьте, Мигель! Это были просто путешественники, приехавшие в гостиницу.

– Нет, капитан, напротив, они как две капли воды похожи на тех, что гонятся за нами уже третий день. Готов биться об заклад, это сыщики кардинала.

Незнакомец, по-видимому, размышлял.

– Далеко они? – спросил он наконец.

– Говори, Дрейф, – обратился Мигель к своему товарищу.



– Я видел наших преследователей часов в пять, – сказал Дрейф, бретонец, низенький и коренастый, с лукавой физиономией. – Я шел под нижними парусами, чтобы перегнать их. Они остались позади.

– Стало быть, у нас в запасе целый час.

– Около того, капитан.

– Это даже больше, чем требуется. Друзья, поклянитесь вашей матросской честью, что будете повиноваться мне во всем.

– Клянемся, – в один голос ответили матросы.

– Смотрите, я полагаюсь на вас.

– Так точно, – сказал Мигель.

– Что бы ни случилось, предоставьте мне действовать одному, пока я не дам вам специального сигнала прийти мне на помощь. Если в то время, когда мы будем находиться здесь, явятся сыщики кардинала, вы сбежите.

– Сбежим?! – воскликнули оба.

– Это необходимо, друзья мои! Кто же меня освободит, если мы все трое окажемся в плену?

– Справедливо, – заметил Мигель.

– Итак, решено?

– Да, капитан!

– Кстати, если меня схватят, вам будут нужны деньги для моего освобождения. Вот, возьмите.

Он передал им тяжелый кошелек, который матросы взяли без лишних слов.

– Теперь ступайте за мной и смотрите в оба.

– Не беспокойтесь, капитан, – сказал Мигель, – будем смотреть.

Но вернемся немного назад. Незнакомец, а за ним и оба моряка подошли к дому как раз в ту самую минуту, когда мэтр Пильвоа со своей супругой заперлись у себя в спальне, они проникли в коридор, в конце которого была комната путешественников. Карета, охраняемая кучером и слугой, все еще стояла в саду, но три человека проскользнули мимо, никем не замеченные…

Как только трактирщица вышла из комнаты с балдахином, путешественник, по-видимому пользовавшийся властью над своими спутниками, отворил дверь в смежную комнату, чтобы удостовериться, не подслушивает ли там кто-нибудь, потом сел около камина и сделал знак своим спутникам последовать его примеру. Только двое слуг остались стоять у двери, сжимая в руках карабины.

Несколько секунд в комнате, где теперь находилось десять человек, царило молчание. Наконец путешественник решился заговорить с молодой дамой, которая полулежала в кресле, склонив голову на грудь и безжизненно опустив руки.

– Дочь моя, – строго заговорил мужчина по-испански, – настала минута решительного и окончательного объяснения между нами, ведь скоро конец нашего продолжительного путешествия. Я намерен задержаться на сутки в этой гостинице. За это время вы должны собраться с силами, чтобы явиться в подобающем виде перед тем, кого я прочу вам в мужья.

Молодая женщина ответила на слова отца только глухим стоном. Тот продолжал, не обращая внимания на состояние дочери:

– Вспомните, что только по просьбе ваших братьев я согласился простить ваш проступок. Но с тем непременным условием, что вы будете повиноваться моим приказаниям.

– Где мое дитя?.. – прошептала молодая женщина голосом, прерывающимся от горя. – Что вы сделали с моим ребенком?

Мужчина нахмурил брови, бледность покрыла его лицо, но он тотчас взял себя в руки и воскликнул:

– Опять тот же вопрос! Не испытывайте мое терпение, напоминая о вашем преступлении и о бесчестье нашего дома.

При этих словах женщина вдруг выпрямилась и, подняв с лица вуаль, сказала гордо, смотря отцу прямо в глаза:

– Я не виновата, и вы это прекрасно знаете! Вы сами представили мне графа де Бармона, вы сами поощряли нашу любовь, по вашему же приказанию мы были тайно обвенчаны. Осмельтесь опровергнуть это!

– Молчать! – закричал мужчина, вскочив с места.

– Отец! – вскрикнули, бросаясь к нему, два других путешественника.

– Хорошо, я возьму себя в руки, – сказал он, понизив голос и снова усаживаясь. – Я задам вам только один вопрос, донья Клара: будете ли вы повиноваться мне?

Молодая женщина задумалась, потом, приняв решение, ответила твердо и смело:

– Выслушайте меня, отец. Вы сами сказали, что настала минута объяснения. Я ваша дочь и также стою за честь нашего дома, вот почему я требую, чтобы вы отвечали прямо, не изворачиваясь.

Донья Клара говорила с неподдельной решимостью отчаяния и была необыкновенно красива. Она сидела выпрямившись, гордо подняв голову с шелковистыми черными волосами, в беспорядке падавшими на ее плечи и представлявшими разительный контраст с ее мраморно-бледным лицом, и слезы медленно катились из ее больших, лихорадочно горевших глаз… Во всем ее облике было что-то роковое, как будто не принадлежавшее этому миру.

Вид плачущей дочери, казалось, растрогал отца. Смирив ярость, он отвечал голосом уже менее грубым:

– Слушаю вас.

– Я вам сказала уже, что я невиновна, – продолжала она, – и повторяю, что по вашему приказанию была тайно обвенчана с графом де Бармоном в церкви Мерсед в Кадисе. Вы это знаете, и, стало быть, нет нужды снова говорить об этом. Мой ребенок законный, и я имею право им гордиться. Каким же образом вы, герцог Пеньяфлор, будучи испанским грандом, не только похитили у меня в день нашей свадьбы супруга, вами же выбранного, и потом изгнали его, но и отняли у меня моего ребенка в час его рождения, да еще обвинили меня в ужасном преступлении! И теперь намереваетесь при живом муже выдать меня замуж за другого! Отвечайте же мне, где тут честь, о которой вы все время говорите, и по какой причине вы поступаете так жестоко с несчастной, которая обязана вам жизнью и с самых первых дней своего существования выказывала вам только любовь и уважение?

– Вы заплатите за свое своенравие! – гневно воскликнул герцог, вскакивая.

Вдруг он замолчал и замер, дрожа от ярости и одновременно от испуга: дверь комнаты внезапно отворилась, и на пороге появился человек. Гордо подняв голову, он с пылающим взором молча стоял, положив руку на эфес шпаги.

– Луи! – вскричала молодая женщина, бросаясь к нему. Но братья удержали ее и заставили сесть.

– Граф де Бармон… – прошептал герцог.

– Собственной персоной, герцог Пеньяфлор, – отвечал незнакомец с чрезвычайной учтивостью, – вы меня, кажется, не ждали?

Сделав несколько шагов по комнате, в то время как матросы, сопровождавшие его, стерегли дверь, граф де Бармон надел шляпу и, скрестив руки на груди, грозно спросил:

– Что здесь происходит? Кто смеет обижать графиню де Бармон?

– Графиню де Бармон! – с презрением повторил герцог.

– В самом деле, – иронически заметил граф, – я и забыл, что вы с минуты на минуту ждете документа, который аннулирует наш брак и позволит вам выдать дочь за человека, влияние которого помогло вам занять место вице-короля Новой Испании[1].

– Милостивый государь! – вскричал герцог.

– Как?! Разве я ошибся? Нет-нет, герцог, мои шпионы не хуже ваших, они хорошо мне служат, поверьте… Но этот недостойный поступок не будет совершен! Слава богу, я успел вовремя, чтобы помешать этому. Посторонитесь! – И он оттолкнул сыновей герцога, не дававших ему пройти. – Я ваш муж, графиня, следуйте за мной, я сумею вас защитить.

Братья, оставив сестру, почти лишившуюся чувств, устремились к графу, бросив ему в лицо перчатки и обнажив шпаги. Это было смертельным оскорблением. Граф страшно побледнел и также обнажил шпагу. Слуги, опасаясь матросов, пришедших вместе с графом де Бармоном, не предпринимали попыток вмешаться. Тогда герцог встал между тремя молодыми людьми, готовыми вступить в бой.

– Граф, – холодно сказал он своему младшему сыну, – предоставьте вашему брату наказать этого человека.

– Благодарю вас, отец, – ответил старший, становясь в позицию, между тем как младший брат опустил шпагу и сделал шаг назад.

---

[1] *Новая Испания* – испанское вице-королевство со столицей в Мехико, в описываемое время включавшее территории современной Мексики, южных штатов США, Центральную Америку (кроме Панамы), Антильские острова, северное побережье Южной Америки до устья Амазонки, а также Филиппины.

Донья Клара без сил рухнула на пол. Было что-то зловещее в зрелище, которое в эту минуту представляла комната: женщина, лежащая на полу в страшном нервном припадке, оставленная без помощи; ее отец, со сведенными бровями, с чертами лица, искаженными злобой, присутствующий на дуэли своего старшего сына с зятем; его младший сын, кусающий губы от досады, что не может помочь брату; матросы, приставившие пистолеты к горлу слуг, бледных от страха; а посреди комнаты, слабо освещенной несколькими коптящими свечами, два человека со шпагами в руках, готовые убить друг друга.

Дуэль продолжалась недолго – слишком сильная ненависть душила противников, чтобы они стали понапрасну терять время. Сын герцога, бывший нетерпеливее графа, наносил ему удар за ударом, которые граф, несмотря на свое искусство, отражал с трудом. Вдруг молодой человек поскользнулся, в это мгновение граф сделал молниеносное движение и его шпага вошла в грудь противника по рукоять. Молодой человек взмахнул руками, выронил свою шпагу и упал на пол, не издав ни звука. Он был мертв.

– Убийца! – закричал его брат, бросаясь на графа со шпагой в руке.

– Вероломный! – воскликнул граф, отражая занесенный над ним удар и выбивая из рук противника шпагу.

– Остановитесь! Остановитесь! – закричал обезумевший от горя герцог, бросаясь к молодым людям, схватившимся врукопашную.

Но это позднее вмешательство было бесполезно: граф, наделенный необыкновенной силой, легко сумел освободиться от молодого человека и, повалив его на пол, стал ему коленом на грудь.

Вдруг раздался топот лошадей, послышалось бряцание оружия, а затем и поспешные шаги нескольких человек, взбегавших по лестнице.

– А-а! – закричал герцог со свирепой радостью. – Вот наконец и мщение!

Граф, не удостаивая ответом своего врага, обернулся к матросам.

– Бегите! – крикнул он властным голосом. Те стояли на месте, не решаясь оставить графа. – Бегите, если хотите меня спасти, – тихо прибавил он.

Матросы схватили свои карабины за дуло, чтобы проложить себе путь, действуя ими как палицами, и бросились в коридор.

Граф с тревогой прислушивался к ругательствам и звукам ожесточенной борьбы, и вот через минуту уже со двора раздался крик, так хорошо известный морякам. Лицо графа прояснилось, он вложил шпагу в ножны и стал спокойно ждать, проговорив про себя:

– Они спасены! У меня есть надежда!

Глава III
Арест

Почти тотчас в комнату вбежало несколько человек. Судя по шуму, было понятно, что на лестницах и в коридорах находятся люди, готовые в случае надобности прийти на помощь. Все эти люди были вооружены. В них легко было узнать королевских или, лучше сказать, кардинальских гвардейцев. И только двое, с лукавыми кошачьими физиономиями, с бегающими глазами, одетые в черные платья, не имели оружия. Но, по всей вероятности, именно их надо было опасаться больше остальных, ибо их раболепная вежливость всего лишь скрывала неутолимое желание причинять вред. Один держал в руке какие-то бумаги. Он сделал несколько шагов вперед, подозрительно оглядел все общество и сказал высоким отрывистым голосом:

– Именем короля, господа!

– Что вам нужно? – спросил граф де Бармон, решительно подходя к нему.

Приняв это движение за демонстрацию враждебных намерений, человек в черном платье с живостью отскочил назад, но хладнокровие тут же вернулось к нему, и он ответил со зловещей улыбкой:

– Граф Луи де Бармон, если не ошибаюсь?

– К делу, милостивый государь, к делу! – надменно ответил граф. – Я – граф де Бармон.

– Капитан королевского корабля, – бесстрастно продолжал человек в черном, – командир «Эригона», фрегата его величества.

– Я вам уже сказал, что я тот, кого вы ищете, – нетерпеливо ответил граф.

– У меня действительно имеется к вам дело, граф. Вас нелегко нагнать! Вот уже целую неделю, как я рыщу за вами, почти потеряв надежду на встречу.

Все это было сказано с кротким видом, сладким голосом и с медоточивой улыбкой, которые могли бы взбесить и праведника, а тем более того, к кому они были обращены, ведь терпением граф де Бармон похвастаться никак не мог.

– Долго вы еще будете тянуть? – вскричал он, гневно топнув ногой.

– Имейте терпение, граф, имейте терпение, – ответил человек в черном бесстрастным тоном. – Боже мой, как вы вспыльчивы! Так как вы, по собственному вашему признанию, граф Луи де Бармон, командир «Эригона», фрегата его величества, – прибавил он, бросив взгляд на бумаги, которые держал в руках, – то в силу данных мне полномочий я вас арестовываю именем короля за дезертирство, за то, что вы без позволения бросили в чужих краях, то есть в Лисабоне, столице Португалии, ваш фрегат. Отдайте мне вашу шпагу, граф, – прибавил он, вздернув голову и устремив на графа странно блеснувший взгляд.

Граф де Бармон передернул плечами.

– Оружие дворянина никогда не будет отдано такому негодяю, как ты, – с презрением сказал он и, обнажив шпагу, бесстрастно сломал лезвие о колено, а обломки, растворив окно, бросил во двор. Потом он выхватил из-за пояса два пистолета и взвел курки.

– Граф, граф! – закричал сбир[2], с испугом отступая. – Это бунт. Подумайте, бунт против приказа его величества и его святейшества кардинала!

Граф презрительно улыбнулся и, подняв пистолеты, выстрелил в потолок. Затем он швырнул пистолеты в окно и, скрестив руки на груди, холодно сказал:

– Теперь делайте со мной, что хотите.

– Вы сдаетесь, граф? – спросил сбир с плохо скрытым страхом.

– Да, с этой минуты я ваш пленник.

---

[2] *Сбир* – здесь: судебный исполнитель.

Сбир с облегчением перевел дух: хоть и безоружный, граф все еще пугал его.

– Только, – продолжил граф, – дайте мне сказать два слова этой даме.

Он указал на донью Клару, которая начала приходить в себя благодаря хлопотам трактирщицы, прибежавшей на шум, несмотря на просьбы мужа не вмешиваться.

– Нет-нет, ни слова! – закричал герцог, бросаясь между дочерью и графом. – Уведите этого негодяя, уведите его!

Но сбир, видимо обрадовавшись легкости, с какой граф ему сдался, и не желая возбуждать его гнев, а более всего для того, чтобы показать свою власть, не подвергаясь никакому риску, возразил:

– Позвольте, позвольте, граф желает говорить с этой дамой.

– Но этот человек – убийца! – запальчиво крикнул герцог. – Перед вами лежит тело моего несчастного сына, убитого им.

– Я весьма сожалею, – отвечал сбир, – но ничего не могу сделать, обратитесь, к кому следует. Конечно, если хотите, я запишу ваше обвинение… Но вы, наверное, настолько же желаете поскорее освободиться от нас, насколько мы желаем поскорее уехать. Позвольте же графу спокойно проститься с дамой. Я уверен, что это не займет много времени.

Герцог бросил на сбира свирепый взгляд, но, не желая опускаться до препирательств с таким негодяем, ничего не ответил и отступил с мрачным видом.

Граф присутствовал при этом споре, не выказывая ни нетерпения, ни досады. С бледным лицом, нахмурившись, он ждал, готовый, без сомнения, решиться на какую угодно крайность, если бы ему отказали в его просьбе.

Сбиру стоило бросить на него взгляд, чтобы угадать, что происходило в его сердце. Не желая новых неприятностей, он миролюбиво сказал:

– Говорите, никто вам не мешает.

– Благодарю, – глухо ответил граф и повернулся к донье Кларе, которая смотрела на него горящими глазами. – Клара, – произнес граф твердо и внятно, – вы любите меня?

С минуту женщина молчала, взволнованно дыша.

– Вы любите меня? – повторил граф.

– Я вас люблю, Луи, – наконец ответила она слабым дрожащим голосом.

– Вы любите меня как вашего супруга перед Богом и перед людьми и как отца вашего ребенка?

Молодая женщина встала, ее черные глаза сверкали. Протянув руку вперед, она произнесла, задыхаясь от волнения:

– В присутствии моего отца, готового проклясть меня, перед телом моего убитого брата, при людях, слушающих меня, я клянусь, Луи, что я люблю вас как отца моего ребенка и, что бы ни случилось, останусь вам верна.

– Хорошо, Клара, – сказал граф. – Господь принял вашу клятву, Он поможет вам сдержать ее. Вспомните, что мертвая или живая – вы принадлежите мне, как я принадлежу вам, и никакие силы в мире не могут разъединить нас. Теперь прощайте – и не теряйте мужества.

– Прощайте! – прошептала она, падая на стул и закрывая лицо руками.

– Пойдемте, господа! Делайте со мной что хотите, – сказал граф, обращаясь к сбирам, невольно тронутым этой сценой.

Герцог бросился к дочери и, неистово тряся ее за плечи, заставил поднять лицо, залитое слезами. Глядя на нее взглядом, полным злобы, бушевавшей в его сердце, он крикнул, задыхаясь от бешенства:

– Приготовьтесь через два дня выйти за человека, которого я назначаю вам в супруги. А ребенка вашего вы не увидите никогда, его для вас не существует!

Молодая женщина отчаянно вскрикнула и упала без чувств на руки трактирщицы. Граф, в эту минуту выходивший из комнаты, обернулся к герцогу и, протянув к нему руку, сказал, заставив присутствующих похолодеть от ужаса:

– Палач! Будь ты проклят! Клянусь честным словом дворянина: я так страшно отомщу тебе и твоим близким, что память об этом мщении останется навечно. А если я не смогу уничтожить тебя, то нация, к которой ты принадлежишь, содрогнется от моей неутолимой ненависти. Между нами теперь война, война жестокая и беспощадная. Прощай!

Произнеся это страшное проклятие, граф де Бармон вышел твердой походкой, бросив последний взгляд на женщину, которую любил и с которой расставался, может быть, навсегда.

Коридоры, лестницы и сад гостиницы заполняли вооруженные люди: было просто чудо, что матросы, подручные графа де Бармона, успели бежать. Это придало графу надежду, и он шел уверенными шагами под внимательным надзором сбиров, не терявших его из виду. Сбирам давно сказали, что они будут иметь дело с морским офицером крайне вспыльчивого характера, необыкновенной силы и неукротимого мужества. Добровольная покорность пленника не внушала им особого доверия, они сочли ее за притворство и поэтому держались настороже.

Когда они вышли в сад, начальник сбиров заметил карету.

– Это именно то, что нам нужно! – сказал он, радостно потирая руки. – Мы так спешили сюда, что забыли взять карету… Прошу вас, садитесь, граф, – прибавил он, отворяя дверцу.

Граф сел, не заставляя себя просить дважды. Сбир закричал повелительным тоном, обращаясь к кучеру, сидевшему на козлах:

– Сойди! Именем короля, я беру эту карету. Уступи место одному из моих подчиненных… Эвелье, – обратился он к высокому сбиру дерзкой наружности и такому худому, что тот, кто стоял возле него, казалось, всегда видел только его профиль, – садись на место кучера и поедем!

Кучер не стал сопротивляться такому решительному приказу, слез с козел, и его место тотчас занял Эвелье, а начальник сбиров поместился в карете напротив своего пленника. Он закрыл дверцу, и лошади, повинуясь сильным ударам бича, тронулись, таща за собой тяжелую карету, которую сопровождали двадцать солдат.

В течение довольно долгого времени между пленником и сбиром не было произнесено ни одного слова. Граф думал о своем, сбир спал или, лучше сказать, притворялся спящим. В марте ночи уже коротки, и скоро широкие белые полосы начали показываться на горизонте. Граф, до сих пор остававшийся неподвижным, сделал легкое движение.

– Вы страдаете, граф? – спросил сбир.

Этот вопрос был задан тоном, совсем непохожим на тот, которым сбир до сих пор говорил. В голосе своего стража графу послышалось такое искреннее сострадание, что он невольно вздрогнул и пристально посмотрел на спросившего. Но, насколько он мог заметить при слабом свете начинающегося дня, человек, сидящий перед ним, имел все такую же равнодушную физиономию и такую же ничего не выражающую улыбку. Подумав, что ошибся, граф откинулся назад и ответил сухо, желая пресечь всякую попытку сбира завязать разговор:

– Нет!

Но сбир, вероятно, был расположен поговорить, потому что сделал вид, будто не замечает, каким образом принята его доброжелательность, и продолжил:

– Ночи еще холодные, свежий воздух насквозь продувает карету, и я боюсь, не озябли ли вы.

– Я привык переносить и холод, и жару, – отвечал граф, – притом, если бы даже я и не вполне привык, то скоро, вероятно, должен буду привыкать безропотно встречать любые невзгоды.

– Кто знает, граф! – сказал сбир, покачав головой.

– Как! Разве я не осужден на длительное заключение в крепости?

– Так значится в приказе, исполнение которого мне поручено.

Наступило минутное молчание. Граф рассеянно смотрел на окрестности, освещенные первыми лучами солнца. Наконец он обратился к сбиру:

– Могу я спросить, куда вы меня везете?

– Можете, – отвечал сбир.

– И вы ответите на мой вопрос?

– Мне это не запрещено.

– Итак, куда же мы едем?

– На Леринские острова.

Граф внутренне содрогнулся. Эти острова уже в те времена пользовались почти столь же ужасной известностью, какую они приобрели впоследствии, когда служили тюрьмой таинственной Железной Маске, человеку, на которого было запрещено смотреть под страхом смерти.

Сбир молчал, поглядывая на графа. Тот спросил снова:

– Где мы теперь?

Сбир наклонился к окну, выглянул и ответил:

– Мы подъезжаем к Корбейлю. Здесь будут менять лошадей. Если вы желаете отдохнуть, я могу приказать остановиться на час. Может быть, вам угодно немного перекусить?

Мало-помалу графа начинала интересовать личность этого странного человека.

– Хорошо, – сказал он.

Ничего не отвечая, сбир опустил стекло и закричал:

– Эвелье!

– Что? – отозвался тот.

– Остановись у гостиницы «Золотой лев».

– Хорошо!

Через десять минут карета остановилось на улице Сен-Сир перед дверью гостиницы. Сбир вышел из кареты, граф – за ним, и оба вошли в помещение. Часть конвоя осталась на улице, остальные сошли с лошадей и разместились в общей зале.

По знаку сбира, которого, судя по всему, здесь хорошо знали, трактирщик провел посетителей в комнату на первом этаже, довольно неплохо меблированную, с камином, где жарко горел огонь.

Граф машинально проследовал за сбиром и сел на стул возле камина, слишком занятый собственными мыслями, для того чтобы придавать большое значение происходящему вокруг. Когда трактирщик оставил их одних, сбир запер дверь и, сев напротив пленника, сказал:

– Теперь поговорим откровенно, граф.

Граф, удивленный этими словами, с живостью поднял голову.

– Мы не можем терять времени, ваше сиятельство, – продолжал сбир. – Выслушайте же меня, не перебивая. Я Франсуа Бульо, младший брат мужа вашей кормилицы. Вы узнаете меня?

– Нет, – отвечал граф, с минуту пристально разглядывая сбира.

– И неудивительно, – вам было восемь лет, когда я в последний раз имел честь видеть вас в замке Бармон. Но это все не важно! Я вам предан и хочу вас спасти.

– Как я могу быть уверен, что вы действительно Франсуа Бульо, младший брат мужа моей кормилицы, и что вы не стараетесь меня обмануть? – отвечал граф, с подозрением разглядывая сбира.

Сбир пошарил в кармане, вынул оттуда несколько бумаг и подал графу. Тот машинально взглянул на них: это было метрическое свидетельство и несколько писем, удостоверяющих личность сбира. Граф возвратил бумаги.

– Как же это вы меня арестовали так кстати, как раз чтобы оказать мне помощь? – спросил он.

– Очень просто, граф! Голландское посольство просило кардинала вас арестовать. Лаффема, приближенный кардинала, хорошо расположенный ко мне, выбрал меня для приведения в исполнение распоряжения начальства. Если бы дело шло о ком-то другом, я отказался бы, но я вспомнил о милостях вашего семейства ко мне и моему брату и, воспользовавшись случаем, который мне предоставляла моя должность, решил из чувства признательности спасти вас.

– Но это совсем не легко, мой бедный друг.

– Гораздо легче, чем вы думаете, ваше сиятельство! Я оставлю здесь половину нашего конвоя, человек двадцать, с нами будет только десять.

– Гм! И это тоже порядочно, – отвечал граф, невольно заинтересовавшись.

– Это было бы много, если бы в числе этих десяти человек не было семи, в которых я уверен. Значит, следует опасаться только троих. Я давно гоняюсь за вами, ваше сиятельство, – прибавил сбир, смеясь, – и все меры предосторожности мною приняты, вы сможете убедиться в этом. Под предлогом, который нетрудно придумать, мы проедем через Тулон и там остановимся часа на два в известной мне гостинице. Вы переоденетесь монахом нищенствующего ордена и незаметно ускользнете. Я постараюсь удалить тех конвойных, в которых не уверен. Вы направитесь к пристани с бумагами, которые я вам отдам, и отбудете на очаровательном люгере под названием «Чайка», который я нанял специально для вас. Хозяин люгера узнает вас по паролю, который я вам скажу, и вы отправитесь куда пожелаете. Не правда ли, этот план прост, ваше сиятельство, и я все предусмотрел? – прибавил сбир, радостно потирая ладони.

– Нет, друг мой, – отвечал граф, с волнением протягивая ему руку, – вы не предусмотрели одного.

– Чего, граф? – удивился сбир.

– Я не хочу бежать! – отвечал молодой человек, печально качая головой.

Глава IV
Остров Сент-Маргерит

Подобного ответа сбир вовсе не ожидал. Он посмотрел на графа с изумлением, означающим, что не понял его. Граф кротко улыбнулся и спросил:

– Это вас удивляет?

– Признаюсь, граф, удивляет, – ответил сбир с замешательством.

– Да, – продолжал де Бармон, – я понимаю, вам должен казаться странным отказ принять такое великодушное предложение. Не часто бывает, что пленник, которому предлагают свободу, добровольно остается в плену. Я должен вам объяснить такое странное поведение, и я объясню его немедленно, чтобы вы не настаивали и дали мне возможность действовать по собственному усмотрению.

– Я всего лишь ваш покорнейший слуга, ваше сиятельство. Вы, конечно, лучше меня знаете, как вам следует поступить, стало быть, вам нет никакой надобности объяснять мне ваши действия.

– Именно потому, что вы старый слуга моего семейства и даете мне в эту минуту доказательство безграничной преданности, я должен объяснить вам причины отказа, который так вас удивляет. Выслушайте же меня.

– Если вы непременно этого хотите, граф, я вам повинуюсь.

– Хорошо, садитесь возле меня. Помните, все, что я вам скажу, – тайна.

Сбир сел возле графа, как тот приказал ему, сохраняя, однако, почтительное расстояние.

– Во-первых, будьте уверены, – продолжал граф, – что я отказываюсь от вашего предложения не по какому-либо предубеждению против вас, я вам полностью доверяю. Более двухсот лет ваша фамилия связана с моей, и мы всегда могли похвалиться вашей преданностью. Отметив это важное обстоятельство, я продолжаю. Положим, что план, придуманный вами, удается, хотя мне кажется, очень трудно привести его в исполнение и малейшая случайность может в самое последнее мгновение поставить успех под вопрос. Но в случае удачи я буду вынужден бежать без всяких средств к существованию, без друзей, и я не только не смогу отомстить своим врагам, как замышляю, но, отданный, так сказать, на произвол судьбы, очень скоро опять попаду к ним в руки и стану объектом насмешек для тех, кого ненавижу. Я буду обесславлен, они станут меня презирать, и, когда жизнь потеряет для меня всякий смысл, когда все мои планы будут разрушены, мне останется только одно – застрелиться.

– Ах, ваше сиятельство! – вскричал Бульо, прижав к груди руки.

– Я не хочу потерпеть неудачу в страшной борьбе, что начинается ныне между моими врагами и мной, – невозмутимо продолжал граф. – Я дал клятву, и эту клятву я должен сдержать во что бы то ни стало. Я молод, мне только двадцать пять, до сих пор жизнь была для меня сплошным удовольствием, мне все удавалось – и осуществление честолюбивых планов, и достижение богатства, и обретение любви. Теперь меня коснулось горе… Что ж… Тот, кто не страдал, тот еще не мужчина! Страдание очищает душу и укрепляет сердце. Уединение – хороший советчик, оно позволяет не обращать внимания на маловажные обстоятельства и сосредоточиться на главном. В одиночестве рождаются великие идеи. Я должен закалить свою душу страданием, чтобы отплатить своим врагам сторицей за все, что я перенес. Думая о разбитой карьере, о погибшей будущности, я найду необходимые силы для совершения мщения! Когда мое сердце умрет для всякого другого чувства, кроме ненависти, тогда, только тогда я сделаюсь непреклонным и смогу безжалостно растоптать тех, кто теперь насмехается надо мной и думает, что уже уничтожил меня. И тогда горе тем, кто осмелится встать у меня на пути! Вас пугает то, что я говорю вам, мой старый слуга, – прибавил граф, смягчив голос, – что же было бы, если б вам позволено было читать в моем сердце! Гнев, бешенство, ненависть

к тем, кто безжалостно похитил у меня счастье ради того, чтобы удовлетворить мелкое и преступное честолюбие, – вот что вы нашли бы там.

– О граф! Позвольте старому слуге вашего семейства, человеку, преданному вам, умолять вас отказаться от этих ужасных планов мщения. Ах! Вы сами падете первой жертвой своей ненависти.

– Разве вы не помните, Бульо, – с иронией заметил граф, – что у нас говорят о нраве членов того рода, к которому я имею честь принадлежать?

– Да-да, граф, – отвечал сбир, печально качая головой, – помню и даже повторю, если вы того пожелаете.

– Повторите, друг мой.

– Вот, граф, эта поговорка:

Les Barmont-Senectaire
Haine de demon, coeur de pierre[3].

Граф улыбнулся:

– Ну! И вы все еще полагаете, что я готов запятнать честь моих предков?

– Я ничего такого не полагаю, сохрани меня Бог! – смиренно отвечал сбир. – Но меня пугает страшная будущность, которую вы себе готовите.

– Я принимаю эту будущность, только бы исполнить свою клятву!

– Ах, граф! Вы знаете, человек предполагает, а Бог располагает. Вы теперь пленник кардинала. Подумайте, прошу вас! Кто знает, выйдете ли вы когда-нибудь из тюрьмы, в которую я вас везу? Согласитесь же быть свободным!

– Нет, довольно. Кардинал не бессмертен. Если не до, то после его смерти – весьма недалекой, я надеюсь, – моя свобода будет мне возвращена. А теперь запомните хорошенько вот что: мое намерение настолько неизменно, что если, несмотря на мое нежелание, вы оставите меня здесь, первое, что я сделаю, став свободным, – это тотчас предам себя в руки кардинала. Вы поняли, не правда ли?

Бульо склонил голову, ничего не отвечая, и слезы покатились по его щекам. Эта безмолвная горесть, столь искренняя и столь трогательная, взволновала графа сильнее, нежели он думал. Он встал, взял руку бедного сбира и крепко пожал ее.

– Не будем больше говорить об этом, Бульо, – дружески сказал он, – я не стану злоупотреблять вашей преданностью. Но не скрою, она меня очень тронула, и я сохраню вечную признательность к вам. Обнимите меня, мой старый друг, и не будем поддаваться чувствам, ведь мы мужчины, черт побери!

– О, ваше сиятельство! Я не стану унывать, – отвечал сбир, бросаясь в открытые для него объятия, – ведь вы не сможете мне запретить думать о вас, где бы вы ни были.

– Я этому не противлюсь, друг мой, – отвечал граф, смеясь, – поступайте как хотите. Однако, – прибавил он уже серьезно, – признаюсь, я не прочь, оказавшись вдали от света, знать, что там происходит. Может случиться такое непредвиденное обстоятельство, которое изменит мои намерения и заставит меня вернуться на свободу.

– О, будьте покойны, ваше сиятельство! – вскричал сбир, почти обрадовавшись этому туманному обещанию. – Я устрою так, что вы будете знать все новости. Недаром я шесть лет служу кардиналу, он хороший учитель, я воспользовался его уроками и кое-что усвоил. Вы увидите меня в деле.

– Итак, решено! Теперь, кажется, неплохо бы позавтракать, прежде чем мы продолжим путь. Я чувствую зверский аппетит.

---

[3] У Бармон-Сенектеров ненависть демонская, сердце каменное *(фр.)*.

– Сейчас я прикажу трактирщику подать вам завтрак.

– Вы будете завтракать со мной, Бульо, – сказал граф, дружески ударяя сбира по плечу, – и надеюсь, что до нашего приезда на остров Сент-Маргерит всегда будет так.

– Конечно, это для меня большая честь, но…

– Я этого хочу, кроме того, ведь вы являетесь частью моего семейства.

Франсуа Бульо поклонился и вышел. Заказав обильный завтрак, он распорядился, чтобы часть конвойных отравлялась в Париж, и потом вернулся к графу в сопровождении трактирщика. Тот в несколько минут накрыл на стол, уставил его отменными блюдами и ушел, оставив своих гостей за трапезой.

Путешествие продолжалось без происшествий, о которых стоило бы упоминать. Пленник и его страж договорились обо всем окончательно. Сбир слишком хорошо узнал характер человека, с которым имел дело, и не пытался возвращаться к разговору, в котором все точки над «i» были уже расставлены.

Во времена, когда происходила наша история, во Франции не было, как ныне, сети железных дорог. Самый незначительный переезд требовал огромного времени. Тяжелые экипажи с трудом выдерживали тряску и вязли в непролазной грязи. Таким образом, несмотря на быструю езду, прошло семнадцать дней, прежде чем пленник и его конвой прибыли в Тулон.

Уже в ту эпоху Тулон был одним из важнейших портов Франции. Сердце графа сжалось при въезде в город. Здесь когда-то началась его военная карьера. Здесь он в первый раз вступил на корабль в качестве капитана, хранителя флага, с честью вынес уготованные ему судьбой испытания и, несмотря на свою молодость, приобрел огромную известность, почти славу.

Карета остановилась на Сенной площади у двери гостиницы «Мальтийский крест», которая, к слову, является, может быть, старейшей во всей Франции, потому что существует и поныне, хотя и внутренне, и внешне подверглась неизбежным переделкам.

Удобно разместив своего пленника в гостинице, Франсуа Бульо отправился в город. Если он и поставил часового у двери, то только для того, чтобы исполнять полученные приказания, а вовсе не из опасения, что пленник сбежит. Он даже не потрудился запереть дверь, поскольку был уверен, что граф де Бармон и не подумает выйти за порог.

Сбира не было около двух часов.

– Вы долго отсутствовали, – сказал граф, когда тот возвратился.

– Мне надо было закончить важные дела, – отвечал Бульо.

Граф, не прибавив ни слова, опять начал ходить взад и вперед по комнате, как он это делал до прихода сбира. Наступило минутное молчание. Бульо пребывал в явном замешательстве. Он суетливо двигался, делая вид, будто переставляет мебель. Наконец, видя, что граф не замечает его присутствия и продолжает молчать, он остановился перед ним и, пристально глядя ему в глаза, спросил шепотом:

– Вы меня не спрашиваете, где я был?

– К чему? – отвечал граф. – Вы, вероятно, ходили по своим делам.

– Нет, ваше сиятельство, по вашим!

– Да?

– Да. Вас ожидает «Чайка».

Граф улыбнулся и слегка пожал плечами:

– А-а! Вы опять об этом… А я-то считал, любезный Бульо, что мы договорились больше не возвращаться к этому вопросу. Вот для чего вы удлинили наш путь, направившись через Тулон! Меня это удивляло, я не понимал, почему вы избрали столь странную дорогу.

– Ваше сиятельство… – прошептал сбир, с мольбой сложив руки.

– Вы помешались, любезный Бульо! Однако вы должны знать, что если я принял решение, дурное или хорошее, то не изменю его никогда. Пожалуйста, прекратим этот разговор. Даю вам честное слово дворянина, что все это бесполезно.

Старый слуга испустил стон, похожий на предсмертный хрип.

– Да будет ваша воля, граф! – сказал он.

– Когда мы едем в Антиб?

– Сейчас, если вы желаете.

– Хорошо. Чем скорее, тем лучше.

Сбир поклонился и вышел, чтобы все приготовить к отъезду. Роли переменились, теперь пленник повелевал своим стражем.

Через час граф выехал из Тулона. Всю дорогу он и сбир вместе пили и ели и разговаривали о всяких посторонних предметах. Бульо окончательно убедился, что бесполезно продолжать настаивать: граф никогда не согласится на побег. Однако сбир не отказался совсем от своего намерения, а только отложил его, рассчитывая, что пылкая натура де Бармона не вынесет скуки и бессмысленности заточения.

Приехав в Антиб, Бульо по приказанию графа, которому как будто доставляло удовольствие мучить его, стал разыскивать лодку для переезда на остров Сент-Маргерит. Поиски не заняли много времени. Имея на руках приказ кардинала, Бульо взял первую же подвернувшуюся рыбачью лодку.

Оставляя твердую землю, граф обернулся, и странная улыбка тронула его губы. Бульо, обманутый улыбкой, значения которой не понял, наклонился к графу и прошептал:

– Если вы хотите, еще есть время.

Граф посмотрел на сбира, пожал плечами и ничего не ответил.

Группа Леринских островов, в сторону которых направлялась лодка, состоит из нескольких безымянных и двух больших островов. Первый остров носит имя Сент-Маргерит, а второй – Сент-Онора. В описываемое нами время был укреплен только этот остров. Тут жили рыбаки и имелись развалины монастыря, основанного святым Гонорием в 400 году.

Остров Сент-Маргерит был необитаемым. Никто и не думал селиться на нем, окруженном опасными подводными рифами. Хотя сам остров со своими гранатовыми, померанцевыми и фиговыми деревьями представлял собой поистине райское плодородное место. Но именно на этом острове была возведена крепость, впоследствии приобретшая печальную известность уже в качестве тюрьмы.

Крепость эта высилась над прибрежными скалами и занимала большую часть острова. Она состояла из трех башен, связанных между собой переходами. Широкий и глубокий ров опоясывал ее стены, покрытые желтоватым мхом.

За несколько лет до начала нашего рассказа, в 1635 году, испанцы неожиданно овладели островом Сент-Маргерит. Кардинал, чтобы избежать повторения подобной катастрофы, решил поместить в крепости гарнизон из пятидесяти вышколенных солдат под начальством старого офицера. Этого же офицера он назначил и на должность губернатора. Для старика такое назначение было чем-то вроде выхода на пенсию. В крепости, вдали от мирских забот, он вел вполне спокойную жизнь, заключив молчаливое мирное соглашение с контрабандистами, изредка посещавшими остров.

Старик-офицер был высок и худощав, с сухими чертами лица. Одной руки и одной ноги у него не было. Звали его де л'Урсьер. Характер он имел скверный, постоянно ворчал и бранил своих подчиненных. Надо сказать, что день, когда он, в ранге майора, уволился из полка, праздновали и офицеры, и солдаты – до такой степени не любили они своего почтенного сослуживца.

Кардинал де Ришелье знал толк в людях. Назначив майора де л'Урсьера губернатором острова Сент-Маргерит и превратив его в тюремщика, он нашел именно то место, которое как нельзя лучше подходило этому сварливому и злобному человеку.

Вот от него-то граф де Бармон и должен был теперь зависеть довольно долгое время, потому что кардинал, с легкостью сажая в государственную тюрьму дворянина, не торопился

выпускать его. И пленник мог быть уверен, что, не случись какого-нибудь из ряда вон выходящего случая, он умрет, забытый в тюрьме. Если, конечно, кардиналу не придет на ум, как это случалось иногда, отдать приказ отрубить бедолаге голову.

После переговоров и нескончаемых предосторожностей, призванных свидетельствовать о строгой дисциплине, налаженной комендантом, пленника в сопровождении конвоя впустили наконец в крепость.

Когда де л'Урсьеру доложили о прибытии посланца кардинала, тот как раз заканчивал завтрак. Майор застегнул мундир, надел шляпу, нацепил шпагу и отдал приказ впустить сбира. Франсуа Бульо поклонился и передал ему приказ. Губернатор пробежал бумагу глазами, после чего обратил внимание на графа, который стоял несколько позади. Он небрежно кивнул ему и сказал сухим и надменным тоном:

– Вы – граф де Бармон, так написано в этой бумаге.

– Да, – ответил граф, кланяясь.

– Я в отчаянии, решительно в отчаянии, – продолжил майор, – но у меня строгие приказания на ваш счет. Однако поверьте – гм! гм! – что я постараюсь соотнести мое природное человеколюбие с предписанной мне строгостью. Гм! гм! Будьте уверены, что я знаю обязанности дворян по отношению друг к другу.

Комендант, довольный своей речью, улыбнулся и гордо выпрямился. Де Бармон слегка поклонился и ничего не ответил.

– Вас сейчас проводят в вашу комнату, граф, гм! гм! – продолжал комендант, привычно покашливая. – Мне хотелось бы, чтобы эта комната была получше, но я вас не ждал, гм! гм! Позднее мы позаботимся о ваших удобствах. Берлок, – обратился он к солдату, неподвижно стоявшему у двери, – проводи этого господина – гм! гм! – в комнату под номером восемь, во вторую башню. Гм! гм! Она, кажется, самая удобная… К вашим услугам, милостивый государь, к вашим услугам, гм! гм!

Майор вышел в другую комнату, а граф в сопровождении Бульо и конвойных последовал за солдатом. Они миновали несколько переходов и остановились перед дверью, запертой на огромные запоры.

– Здесь, – сказал солдат.

Граф обернулся к Бульо и дружески протянул ему руку:

– Прощайте, мой старый друг. – Голос графа был кротким, но твердым, между тем как на губах его блуждала неопределенная улыбка.

– До свидания, ваше сиятельство, – с чувством воскликнул Бульо и пошел прочь, скрывая непрошеные слезы.

Дверь со зловещим шумом затворилась за пленником.

– Горе тем, кто осмелится помериться силой с графом де Бармоном, если он выйдет из тюрьмы… – шептал Бульо, в задумчивости спускаясь по лестнице, – а он выйдет, клянусь в этом, даже если ради его спасения мне придется подвергнуть опасности свою жизнь!

Глава V
Взгляд назад

Фамилия графов де Бармон-Сенектер была одной из самых старинных и самых знатных в Лондоне. Можно было смело утверждать, что начало рода терялось во мраке времен. Один Бармон-Сенектер сражался в Бувине рядом с Филиппом Августом. Жуанвильская хроника говорит о кавалере де Бармон-Сенектере, умершем от чумы в Тунисе в 1270 году, во время Восьмого крестового похода короля Людовика IX. Франциск I на поле сражения при Мариньяно пожаловал Ангеррану де Бармон-Сенектеру титул графа в награду за храбрость: он сражался на глазах короля в продолжение всей этой жестокой битвы. Графы де Бармон всегда делали военную карьеру и дали Франции несколько знаменитых полководцев.

Но с течением времени могущество и богатство этого рода уменьшилось. В правление короля Генриха III дело дошло почти до бедности. Однако, гордясь безукоризненным прошлым, очередной граф де Бармон продолжал высоко держать голову. И если для того, чтобы достойно нести свое имя, ему приходилось жить в провинции и испытывать жестокие лишения, никто никогда не догадывался об этом.

Граф поступил на службу к королю Наварры отчасти затем, чтобы благодаря войне улучшить свое положение, отчасти из восхищения перед доблестью своего государя, великое будущее которого, быть может, он угадал. Храбрый, молодой, пылкий красавец-граф был любимцем женщин. Среди его любовных приключений было одно, в Кагоре, с девицей, которую он успел похитить накануне свадьбы с очень богатым испанцем. Испанец, весьма щепетильный в вопросах чести, потребовал удовлетворения от графа, который, в свою очередь, нанес ему два серьезных укола шпагой. Это дело вызвало много шума и принесло графу большой почет среди утонченных молодых людей. Однако, против ожидания, испанец выздоровел от ран. Они опять дрались, и на этот раз граф так отделал своего противника, что тот волей-неволей должен был отказаться от новой дуэли. Именно это приключение внушило графу отвращение к волокитству, а вовсе не боязнь мести, в которой поклялся ему неудачливый испанский герцог, имя которого было Пеньяфлор. Со времени последней дуэли граф больше ничего об испанце не слышал, но укоры совести продолжал испытывать, ведь из пустой прихоти было разрушено счастье честного человека.

Храбро сражаясь рядом с королем во всех его войнах, граф наконец в 1610 году, после смерти Генриха IV, удалился в свое поместье, испытывая отвращение к французскому двору и чувствуя потребность в отдохновении после долгой службы.

Лет через пять, соскучившись в уединении, а может быть, в надежде прогнать докучливое воспоминание, которое, несмотря на время, не переставало его мучить, граф решил жениться на молодой девушке, принадлежавшей к одной из лучших местных фамилий, кроткой и прелестной, но такой же бедной, как и он. И теперь материальное положение его делалось день ото дня все хуже. Однако этот союз был счастливым. В 1616 году графиня родила сына, того самого графа Луи, историю которого мы взялись рассказать.

Граф оказался нежным отцом, однако сына воспитал в строгости, желая сделать из него такого же сурового, храброго и честного дворянина, каким был он сам.

Молодой Луи рано почувствовал, что за внешней пышностью жизни их семьи скрывается тайная нищета, и понял, что должен добиться для себя независимого положения, которое позволило бы ему не только не быть в тягость обожаемым родителям, всем жертвовавшим для него, но и вернуть померкший блеск семейному имени. Вопреки обычаю своих предков, которые служили королю в сухопутных войсках, он чувствовал в себе склонность к морской службе. Благодаря прилежному попечению старого и достойного аббата, который из привязанности к семейству сделался наставником Луи, он получил приличное образование, чем и

воспользовался. Описания путешествий – его любимое чтение – воспламенили воображение молодого графа. Все его мысли обратились к Америке, где, по словам моряков, золота имелось в изобилии. И теперь у него было только одно желание – увидеть эту таинственную землю и взять свою долю в богатой жатве, которую собирал каждый из побывавших там.

Отец его и особенно мать долго противились его просьбам. Старик, воевавший столько лет, не понимал, как его сын может предпочитать морскую службу службе в сухопутных войсках. Графиня в душе не желала видеть своего сына ни военным, ни моряком. Оба эти поприща пугали ее. Она опасалась неизвестности далеких странствий, и сердце ее страшилось разлуки, которая могла стать вечной.

Однако надо было решиться, и, поскольку молодой человек упорно стоял на своем, родители вынуждены были уступить и согласиться с его выбором, невзирая на возможные последствия.

Граф сохранил при дворе нескольких друзей, среди которых был и герцог де Бельгард, пользовавшийся большим расположением короля Людовика XIII, прозванного при жизни Справедливым, потому что он родился под знаком созвездия Весов. Граф де Бармон был прежде дружен и с герцогом д'Эперноном, произведенным в адмиралы в 1587 году. Признаться, графу не слишком хотелось обращаться к нему из-за слухов, распространившихся после убийства Генриха IV. Однако обстоятельства складывались таким образом, что ради благополучия сына граф должен был заставить умолкнуть свои чувства. Отправив письмо герцогу де Бельгарду, он написал и другое, к герцогу д'Эпернону, который в то время был губернатором Гвианы.

Оба ответа не заставили себя ждать. Старые друзья не забыли графа де Бармона и поспешили употребить свое влияние, чтобы услужить ему. Особенно герцог д'Эпернон, который благодаря своему адмиральскому званию мог быть исключительно полезен в деле помощи молодому человеку. Герцог писал, что с радостью берется представить Луи в высшем свете.

Это было в начале 1631 года. Луи де Бармону было тогда пятнадцать. Высокого роста, с гордой осанкой, одаренный редкой силой и большой ловкостью, молодой человек казался старше своих лет. С радостью узнал он, что его желание исполнилось и что больше нет никаких препятствий для его поступления во флот. В письме герцога д'Эпернона заключалась просьба к графу прислать своего сына в Бордо как можно скорее, чтобы он, герцог, немедленно мог определить его на военное судно, где юноша начнет постигать азы морской службы.

Через два дня после получения письма молодой человек, с трудом вырвавшись из объятий матери, почтительно простился с отцом и на хорошей лошади в сопровождении доверенного слуги уже ехал по дороге в Бордо.

Флот долгое время находился во Франции в небрежении. В Средние века морское дело было полностью предоставлено частным лицам, правительство не интересовалось им, в отличие от других континентальных государств, которые приобрели если не преимущество, то по крайней мере некоторое влияние на морях. Так, мы видим, что в царствование Франциска I, который, однако, был одним из самых воинственных французских королей, Анго, арматор из Дьеппа, у которого в мирное время португальцы отняли судно, снарядил целый флот с позволения короля, не имевшего возможности оказать ему поддержку, и блокировал лисабонский порт, прекратив военные действия только тогда, когда заставил португальцев направить во Францию посланников, чтобы смиренно просить мира у короля.

С открытием Нового Света и не менее важным открытием мыса Доброй Надежды мореплавание становилось все более оживленным, охватывая все большие и большие территории. Это заставило французскую корону осознать необходимость создания военного флота для защиты торговых судов от нападения пиратов.

Только в царствование Людовика XIII этот план начал приводиться в исполнение. Кардинал де Ришелье, государственный муж широчайшего кругозора, которого английский флот

заставил пережить немало неприятных минут во время продолжительной осады Ла-Рошели, издал несколько указов, относившихся к флоту, и основал школу навигации для воспитания желавших служить молодых дворян.

Франция обязана этому великому министру первой мыслью о военном флоте, которому суждено было бороться с испанским и голландским флотом, а в царствование Людовика XIV поколебать на время могущество Англии.

В эту-то школу, основанную Ришелье, и поступил виконт де Бармон благодаря поддержке герцога д'Эпернона. Старый герцог сдержал слово, данное своему товарищу по оружию: он не переставал покровительствовать молодому человеку, что, впрочем, не составляло большого труда, поскольку виконт выказывал необыкновенные и весьма редкие в то время способности в деле освоения избранной им профессии.

В 1641 году он был уже капитаном, командиром двадцатишестипушечного фрегата.

К несчастью, ни старый граф де Бармон, ни его жена не могли насладиться успехами сына и новыми перспективами, открывавшимися для их дома: оба умерли, один вслед за другим, оставив молодого человека сиротой в двадцать два года.

Луи, как почтительный сын, истинно любивший своих родителей, оплакивал их, особенно горевал он о матери, которая всегда была добра и нежна к нему. Но за те несколько лет, что он ходил в долгие плавания, Луи уже привык жить самостоятельно и полагаться только на самого себя. Поэтому потеря родителей была для него менее чувствительна и горестна, чем если бы он никогда не оставлял домашнего крова.

Являясь теперь единственным представителем своей фамилии, он стал серьезно смотреть на жизнь и удвоил усилия, чтобы вернуть былую славу имени, которое благодаря его рвению уже начинало сиять новым блеском.

Герцог д'Эпернон был еще жив. Но, забытый обломок поколения, уже почти совершенно исчезнувшего, этот больной старик, давно поссорившийся с кардиналом Ришелье, теперь не имел прежнего влияния и ничего не мог сделать для того, кому он так горячо покровительствовал еще несколько лет назад.

Однако граф де Бармон не терял бодрости духа. Дворянство не любило морскую службу, хорошие морские офицеры были редки, и граф решил, что, не вмешиваясь в политические интриги, он сумеет проложить себе путь наверх.

Случай, который невозможно было предвидеть, должен был разрушить его честолюбивые планы и навсегда погубить его карьеру. Вот как это произошло.

Граф де Бармон командовал тогда «Эригоном», двадцатишестипушечным фрегатом. После довольно продолжительного плавания у алжирских берегов, защищая французские торговые суда от берберийских пиратов[4], его фрегат вошел в Гибралтарский пролив, чтобы потом выйти в океан и возвратиться в Брест. Но в ту минуту, когда судно входило в пролив, на него вдруг обрушился встречный ветер, и после отчаянных попыток продолжить путь судно было вынуждено лавировать несколько часов и наконец укрыться в гавани города Альхесирас, на испанском берегу.

Зная по опыту, что пройдет дня три или четыре, прежде чем ветер позволит пересечь пролив, граф де Бармон приказал спустить лодку и отправился на берег. Город Альхесирас, очень древний, был невелик, невзрачен и малонаселен. Только с тех пор, как англичане овладели Гибралтаром, находящимся по другую сторону бухты, испанцы поняли важность Альхесираса и превратили его в образцовый порт.

[4] Берберийские пираты создали в начале XVI в. на средиземноморском побережье Северной Африки пиратское государство, в течение трех веков терзавшее средиземноморскую навигацию и торговлю.

У графа не было никакой другой причины ехать в Альхесирас, кроме беспокойства, свойственного морякам, побуждающего их садиться в шлюпку и оставлять свой корабль тотчас, как только они войдут в бухту.

Торговые связи тогда еще не были налажены так хорошо, как в теперешние времена, правительства еще не имели обыкновения посылать в иностранные порты консулов, чтобы защищать торговые сделки своих соотечественников. Военные суда, которые случай приводил в какой-либо порт, должны были оказывать поддержку находящимся там торговцам из родной страны, ежели их интересы ущемлялись.

Отдав приказание прибыть за ним на закате, капитан в сопровождении только одного матроса по имени Мигель, к которому он был очень привязан и который сопровождал его повсюду, отправился по извилистым улицам Альхесираса, с любопытством осматривая все, что попадалось ему на глаза.

Этот Мигель, с которым мы часто будем встречаться впоследствии, был малый огромного роста, лет тридцати, с умным лицом, питавший к своему капитану искреннюю преданность с тех пор, как четыре года назад тот спас его с риском для собственной жизни, бросившись на лодке в открытое море в ужасную погоду, чтобы оказать помощь, когда Мигель упал в воду с мачты, поправляя запутавшиеся снасти. С тех пор матрос не расставался с графом. Родившийся в окрестностях По, на родине Генриха IV, он был, подобно этому королю, весел, насмешлив и чуть скептичен. Превосходный матрос, отчаянно храбрый, обладавший необыкновенной силой, Мигель олицетворял собой типичного баска, натуру сильную и грубую, но честную и верную.

В сердце Мигеля, прозванного, конечно же, Баском, нашлось место еще только для одной такой же привязанности, которую Мигель питал к своему командиру. Это был бретонский матрос, мрачный и угрюмый, составлявший полную противоположность Мигелю. Из-за медлительного характера экипаж прозвал этого матроса Дрейфом, и тот так привык к этому имени, что почти забыл свое собственное.

Услугу, которую граф оказал Мигелю, Мигель оказал однажды Дрейфу, и по этой причине искренне привязался к бретонцу, хоть и насмехался над ним и поддразнивал его с утра до вечера.

Бретонец это понимал и при каждом удобном случае выказывал, насколько позволял его замкнутый, необщительный характер, свою признательность баску, полностью подчиняясь ему и никогда не возмущаясь требованиями, часто непомерными.

Мы так долго говорили об этих двух людях потому, что им придется играть важную роль в нашем повествовании и читателю необходимо узнать их как можно лучше.

Граф де Бармон и Мигель Баск продолжали прогуливаться по улицам, один размышляя и наслаждаясь солнцем, другой уважительно следуя в нескольких шагах позади и отчаянно куря трубку с таким коротким чубуком, что огонь почти касался губ. Скоро они дошли до окраины города и стали подниматься на холм по довольно крутой тропинке, заросшей по бокам кустами алоэ. С вершины холма открывалась панорама залива – к слову сказать, одна из прекраснейших в мире.

Было около двух часов пополудни – самое жаркое время. Горожане удалились в дома для сиесты, так что моряки не встретили по дороге ни одной живой души. И если бы книга «Тысяча и одна ночь», переведенная столетием позже, была известна в то время, граф без особых усилий вообразил бы себе, что это город из арабских сказок, жителей которого усыпил злой волшебник, – так вокруг было тихо и пустынно. Словно усиливая это впечатление, ветер стих, воздух был неподвижен, и обширная водная скатерть недвижно расстилалась внизу, под ногами графа, который рассеянно смотрел на свой фрегат, издали казавшийся небольшой лодкой. Мигель курил и, широко расставив ноги и заложив руки за спину – любимая поза моряков, – тоже любовался окрестностями.

– Смотрите-ка! – сказал он вдруг.

– Что такое? – спросил граф, обернувшись.

– Сюда галопом несется всадница. Что за странная фантазия прогуливаться в такую жару!

– Где? – спросил граф.

– Вон там, капитан, – ответил Мигель, протягивая руку.

Граф устремил взгляд в ту сторону, куда указывал Мигель.

– Эта лошадь взбесилась! – вскричал он, присмотревшись внимательнее.

– Вы так думаете, капитан? – спокойно спросил матрос.

– Я уверен! Посмотри! Всадница отчаянно вцепилась в гриву, несчастная погибла!

– Очень может быть, – философски заметил Мигель.

– Скорее, скорее! – вскричал капитан, бросаясь навстречу всаднице. – Надо спасти эту женщину даже ценой собственных жизней!

Матрос ничего не ответил, а только, чтобы не повредить трубку, вынул ее изо рта, положил в карман и потом ринулся вслед за своим капитаном.

Берберийская лошадь арабских кровей, с маленькой головой и тонкими породистыми ногами мчалась как ураган. Она бешено неслась по узкой тропинке, в глазах ее сверкали молнии, а из расширенных ноздрей как будто вылетал огонь. Всадница, ухватившись обеими руками за длинную гриву, обезумев от страха, чувствовала себя уже погибшей и время от времени глухо вскрикивала. Далеко позади нее, почти неприметными точками на горизонте, во весь опор скакали несколько всадников. Тропинка, по которой мчалась лошадь, вела прямо к глубочайшей пропасти, и пропасть эта приближалась с головокружительной быстротой. Только безумец или человек, наделенный мужеством льва, мог пытаться спасти несчастную. Однако оба моряка, не рассуждая и не колеблясь, стали по правую и левую сторону тропинки и молча ждали. Они поняли друг друга.

Прошло две или три минуты, и лошадь пролетела мимо графа и матроса подобно вихрю, но они все же успели кинуться к ней и ухватиться за поводья. С минуту бешеное животное тащило их за собой. Шла борьба человека с животной силой. Наконец лошадь была побеждена и, хрипя, повалилась на землю. Граф подхватил на руки молодую женщину, столь чудесно спасенную, унес ее с дороги и почтительно опустил на землю. Всадница от страха лишилась чувств.

Граф, догадываясь, что подъезжавшие мужчины приходились родственниками или друзьями той, которой он оказал такую важную услугу, привел в порядок свою одежду и молча ждал, с восхищением глядя на красавицу, распростертую у его ног.

Это была прелестная семнадцатилетняя девушка, с тонкой и гибкой талией, с нежными чертами лица. Ее черные волосы, длинные и шелковистые, выбились из-под сетки, удерживавшей их, и душистыми локонами рассыпались по плечам. Костюм, чрезвычайно богатый, указывал на знатное происхождение молодой особы. Впрочем, так же как и аристократизм, присущий всему ее облику. Легкий румянец говорил о том, что всадница быстро возвращается к жизни.

Мигель Баск с невозмутимым спокойствием, из которого ничто не могло его вывести, оставался при лошади, которая стояла, дрожа всем телом, но уже не оказывала сопротивления. Мигель снял с нее подпругу, сорвал пук травы и начал обтирать, восхищенно бормоча:

– Какое благородное и прекрасное животное! Было бы жаль, если бы оно упало в эту ужасную пропасть. Я рад, что оно спаслось!

О молодой девушке благороднейший матрос вовсе не думал, весь его интерес сосредоточился на лошади. Обтерев и снова взнуздав, он подвел ее к графу.

– Вот, – сказал он с довольным видом, – теперь она усмирена. И ребенок может вести ее в поводу.

Между тем всадники быстро приближались и скоро подъехали к французским морякам.

Глава VI
Увлечение

Всадников было четверо. Двое казались важными людьми, двое других были в одежде слуг. В нескольких шагах от графа двое первых спешились, бросили поводья слугам и, с шляпами в руках подойдя к графу, учтиво поклонились. Граф также отвечал вежливым поклоном, украдкой рассматривая их. Первый был человек лет шестидесяти, высокого роста, с благородной осанкой, лицо его было красиво и на первый взгляд доброжелательно. Но, приглядевшись внимательнее, можно было приметить по мрачному огню черных глаз, что эта доброжелательность была только маской. Выдающиеся вперед скулы, довольно низкий лоб, нос, загнутый как птичий клюв, и квадратный подбородок выдавали злой нрав этого человека, смешанный с упрямством и гордыней.

На мужчине был богато расшитый охотничий костюм, а массивная золотая цепь, называвшаяся тогда фанфаронкой, несколько раз обвивала его шляпу с султаном из страусиных перьев. Фанфаронку ввели в моду авантюристы, возвращавшиеся из Новой Испании, и, как ни была эта мода смешна, горделивые кастильцы с восторгом принялись ей следовать.

Спутник этого знатного господина был гораздо моложе его, но одет столь же богато. Весь облик молодого человека казался настолько обыкновенным и незначительным, что можно было пройти мимо, не обратив на него никакого внимания, если бы не бегающие серые глаза и рот с тонкими насмешливыми губами.

Старший из всадников поклонился во второй раз.

– Милостивый государь, – сказал он, – я герцог Пеньяфлор. Та, кому вы спасли жизнь, подвергая опасности собственную, – моя дочь донья Клара Пеньяфлор.

Граф де Бармон был уроженец Лангедока и говорил по-испански так чисто, словно на родном языке.

– Я рад, – ответил он с любезным поклоном, – что послужил орудием Провидения и спас вашу дочь.

– Мне кажется, – заметил второй всадник, – следовало бы оказать помощь донье Кларе, милая кузина наверняка серьезно пострадала.

– Не беспокойтесь, – ответил граф, – причиной обморока было всего лишь волнение. Если не ошибаюсь, мадемуазель уже начинает приходить в себя.

– В самом деле, – сказал герцог, – я, кажется, видел, что она пошевелилась. Лучше ее не трогать и дать опомниться, таким образом мы избегнем потрясения, последствия которого очень опасны для созданий нервных и впечатлительных – таких, как моя милая дочь.

Все это было сказано холодным, сдержанным голосом, весьма отличающимся от того, каким должен бы говорить отец, дочь которого чудом избежала смерти. Молодой офицер не знал, что и думать об этом истинном или притворном равнодушии. Не исключено, что это была только показная испанская спесь и герцог просто стеснялся проявлять свои чувства при посторонних, а на самом деле он любил свою дочь так сильно, как только позволяла его высокомерная и честолюбивая натура.

– Милостивый государь, – продолжал герцог, посторонившись, чтобы представить сопровождавшего его господина, – имею честь рекомендовать вам моего родственника и друга, графа дона Стенио де Безар-Суза.

Оба поклонились. Граф не имел никакой причины сохранять инкогнито, он понял, что настала минута сказать, кто он такой.

– Господа, – сказал он, – я граф Луи де Бармон-Сенектер, капитан флота его величества французского короля и командир фрегата «Эригон», в настоящее время стоящего на якоре в бухте Альхесираса.

Услышав имя графа, герцог страшно побледнел, брови его сдвинулись, и он бросил на Луи де Бармона быстрый пронзительный взгляд. Но смятение его продолжалось не более секунды. Сильнейшим усилием воли испанец сумел скрыть чувства, охватившие его, придал своему лицу прежнее бесстрастное выражение и с улыбкой поклонился. Лед был растоплен. Когда все трое узнали друг в друге людей благородного происхождения, их обращение друг с другом тотчас изменилось. Они сделались так же любезны, как прежде были холодны и сдержанны. Герцог первый возобновил разговор самым дружеским тоном:

– Вероятно, чтобы посетить эти края, вы пользуетесь перемирием, объявленным некоторое время тому назад нашими странами?

– Извините, герцог, я не знал, что военные действия прекратились. Я давно уже в море и не получаю известий из Франции. Случай привел меня к этим берегам. Несколько часов тому назад я укрылся в бухте Альхесираса, чтобы переждать, пока не переменится ветер, чтобы пересечь пролив.

– Я благословляю этот случай, граф, ему я обязан спасением своей дочери.

Донья Клара открыла глаза. Она была еще очень слаба, но постепенно начинала припоминать, что произошло.

– О! – промолвила она тихим, дрожащим голосом. – Без этого кабальеро я бы умерла.

Она силилась улыбнуться, устремив на молодого человека большие глаза, наполненные слезами. Не передаваемое словами выражение признательности читалось в этом взгляде.

– Как вы себя чувствуете, дочь моя? – спросил герцог.

– Теперь я совершенно оправилась, благодарю вас, отец, – ответила донья Клара. – Когда я почувствовала, что Морено перестал повиноваться узде и понес, я сочла себя погибшей и от страха лишилась чувств… Но где же бедный Морено? – спросила она. – Не случилось ли с ним несчастья?

– Успокойтесь, сеньорита, – ответил граф с улыбкой и указал на коня, – он цел и невредим и совсем успокоился. Вы можете даже, если вам угодно, без всякого опасения возвратиться домой верхом.

– Конечно, я поеду на добром Морено, – сказала донья Клара, – я нисколько не сержусь на него за его шалость, хотя она могла дорого обойтись мне.

– Граф, – сказал герцог, – смею надеяться, что мы не расстанемся на этом. Вы воспользуетесь нашим дружественным гостеприимством и посетите наш замок.

– К несчастью, я не хозяин своим поступкам, герцог. Долг службы требует моего немедленного возвращения на фрегат. Уверяю вас, я весьма сожалею, что не могу ответить на ваше благосклонное предложение иначе как отказом.

– Неужели вы так скоро выходите в море?

– Нет, напротив, я надеюсь, – отвечал граф, сделав ударение на этих словах, – остаться здесь еще на некоторое время.

– Раз так, – возразил, улыбнувшись, герцог, – я не принимаю вашего отказа и уверен, что скоро мы увидимся и познакомимся поближе.

– Это мое искреннейшее желание, – отвечал молодой человек, украдкой бросив взгляд на донью Клару, которая покраснела и потупилась.

Граф простился со всеми и направился к Альхесирасу, между тем как всадники удалились шагом в противоположном направлении. Капитан шел, задумавшись, вспоминая странное приключение, героем которого он так неожиданно сделался. Он воскрешал в памяти малейшие подробности случившегося, восхищаясь необыкновенной красотой девушки, которой имел счастье спасти жизнь.

Постоянно занимаясь делами службы, почти всегда находясь в море, граф, хотя ему было уже почти двадцать пять лет, не был влюблен и даже никогда не думал о любви. Женщины, которых он видел до сих пор, не произвели никакого впечатления на его сердце, мысли его

всегда оставались свободны, и никакое серьезное чувство еще не смутило спокойствия его души. Поэтому с некоторым испугом, смешанным с удивлением, думал он о встрече, которая прервала его спокойную прогулку. Граф де Бармон вдруг обнаружил, что красота доньи Клары и ее милые слова произвели на него сильное впечатление и что ее образ преследует его.

– Полно, полно! – сказал он, несколько раз покачав головой, как бы для того, чтобы прогнать докучливую мысль. – Я, верно, сошел с ума.

– О чем это вы, капитан? – спросил Мигель Баск, воспользовавшийся восклицанием графа, чтобы дать волю соображениям, которые он горел нетерпением выразить вслух. – Надо признаться, этой молодой особе здорово повезло, что мы подоспели вовремя.

– Действительно повезло, – отвечал граф, – без нас девушка погибла бы.

– Это правда. Бедняжка!

– Это было бы ужасно. Она так молода и хороша!

– Недурна. Только я нахожу ее немножко худощавой и чересчур уж бледной.

Граф улыбнулся. Ободренный матрос продолжал:

– Позволите ли вы дать один совет, капитан?

– Какой? Говори, не бойся.

– Бояться-то я не боюсь, черт меня побери. Только мне бы не хотелось вас огорчить.

– Огорчить меня, Мигель? Чем?

– Вот видите ли, капитан, когда вы сказали ваше имя старому герцогу…

– И что же случилось?

– Случилось то, что он вдруг побледнел как смерть, нахмурил брови да так страшно на вас посмотрел, что мне представилось, будто он хочет вас убить. Вам не кажется это странным, капитан?

– Это невозможно, ты ошибаешься.

– Вы этого не заметили, потому что смотрели на донью Клару, а я все видел и знаю точно, о чем говорю.

– Но послушай, Мигель, я никогда не встречался с этим господином. С какой же стати он должен меня ненавидеть? Ты мелешь чепуху, друг мой.

– Нет, капитан, я знаю наверное, что говорю. Встречались вы с ним или нет, это не мое дело. А то, что он вас знает, и даже достаточно хорошо, об этом я могу побиться об заклад.

– Если ты утверждаешь, что он знает меня, пусть будет так. Но мне, по крайней мере, точно известно, что я никогда и ничем его не оскорбил.

– Этого никогда нельзя знать наверняка, капитан. Видите ли, я баск и давно знаю испанцев. Это странный народ. Они горды, как петухи, и злопамятны, как демоны. Поверьте мне, остерегайтесь их всегда, это не повредит. К тому же у этого старика лицо очень хитрое, он мне не нравится.

– Во всех твоих рассуждениях нет здравого смысла, Мигель. И я, верно, такой же сумасшедший, как и ты, раз слушаю тебя.

– Хорошо, хорошо, – матрос покачал головой, – мы еще увидим, ошибся ли я.

На том разговор и закончился. Однако слова Мигеля задели Луи де Бармона больше, чем он хотел показать. И на фрегат граф возвратился с озабоченным видом.

На другой день к десяти часам утра к фрегату подплыла щегольская шлюпка. В шлюпке сидели герцог Пеньяфлор и граф де Безар-Суза, его неразговорчивый родственник.

– Право, любезный граф, – сказал герцог добродушным тоном после первых слов приветствий, – вы, вероятно, сочтете меня бесцеремонным, но я появился, чтобы вас увезти.

– Увезти? – с улыбкой переспросил молодой человек.

– Истинная правда. Представьте себе, граф, моя дочь непременно хочет вас видеть и говорит только о вас. Она делает со мной почти все, что ей заблагорассудится, – чему, вероятно, вы не удивитесь. И вот по ее пожеланию я здесь, чтобы привезти вас в замок.

– Действительно, – сказал, поклонившись, дон Стенио, – сеньорита донья Клара непременно хочет видеть вас, капитан.

– Однако… – начал граф.

– Я решительно ничего не желаю знать, – живо возразил герцог, – вы должны решиться, любезный граф, вам придется повиноваться, вы знаете, что слово дамы – закон. Едем же! Не беспокойтесь, это недалеко, всего в двух милях отсюда.

Граф, в душе испытывавший сильное желание увидеть донью Клару, заставил упрашивать себя только из приличия. Отдав необходимые приказания своему лейтенанту, он отправился с герцогом Пеньяфлором в сопровождении Мигеля Баска, ставшего тенью своего капитана.

Таким образом началось знакомство, которое почти тотчас переросло в любовь, имевшую такие ужасные последствия для обоих молодых людей. Герцог и неразлучный с ним кузен осыпали графа уверениями в дружбе, предоставили ему полную свободу в замке и как будто не замечали привязанности, возникшей между доньей Кларой и Луи де Бармоном.

Тот, впервые поглощенный страстью, предавался чувству всем своим доверчивым и необузданным сердцем. Донья Клара, наивная молодая девушка, воспитанная в суровой строгости испанских нравов, была андалузкой с головы до пят. Со счастливым трепетом приняла она признание в любви, которую разделяла с первой минуты.

Итак, казалось, в замке все были счастливы. Только Мигель Баск портил картину своим хмурым видом: чем быстрее дело приближалось к развязке, которой так желали молодые люди, тем мрачнее и озабоченнее он становился.

Наконец фрегат снялся с якоря и отправился в Кадис. Герцог Пеньяфлор, его дочь и дон Стенио тоже отплыли на этом фрегате: герцогу нужно было отправиться в Севилью, где у него было большое имение. Он с радостью принял сделанное ему графом предложение доставить его в Кадис, расположенный всего в двадцати с небольшим милях от Севильи.

На другой день по прибытии фрегата в Кадис Луи де Бармон надел свой парадный мундир и отправился к герцогу Пеньяфлору. Герцог принял графа с самым дружеским расположением. Ободренный приемом, граф, преодолевая робость, стал по всей форме просить руки доньи Клары. Герцог благосклонно принял это предложение, сказав, что ожидал его и что оно отвечает его искреннему желанию, так как составит счастье обожаемой им дочери. Он лишь заметил, что, хотя между обеими странами заключено перемирие, однако мир еще не подписан, хотя, по всей вероятности, это скоро случится. И тем не менее он боится, как бы известие о браке не повредило карьере графа, настроив кардинала против него. Эта мысль уже неоднократно приходила в голову молодому офицеру, поэтому он опустил голову, не смея отвечать, так как, к несчастью, не имел никакого основательного довода, чтобы опровергнуть возражение герцога. Тот поспешил ему на помощь, сказав, что знает очень простой способ устроить все ко всеобщему удовольствию и обойти это, казалось бы, непреодолимое затруднение. Граф, трепеща от радости и надежды, спросил, какой же это способ. Тогда герцог объяснил, что дело идет всего лишь о тайном браке. Но когда война закончится и в Париж отправят посольство, обо всем тут же будет объявлено кардиналу, которого уже не оскорбит этот брачный союз.

Мечты молодого человека о счастье были так близки к краху, что он не нашел ни малейшего возражения на предложение герцога. Брак, хотя и тайный, будет тем не менее действителен, а до остального ему было мало дела. И он согласился на все условия, которые выдвинул герцог. В том числе и на следующее: брак совершится будто бы втайне от герцога Пеньяфлора, на случай если враги постараются настроить против него короля. Ведь тогда герцог Пеньяфлор сможет сослаться на свое неведение и таким образом избежать недоброжелательности тех, кто ищет случая погубить его.

Граф не совсем понял, какое дело испанскому королю до его брака, но так как герцог говорил весьма убедительно и, по-видимому, очень боялся неудовольствия короля, граф согласился на все.

Через два дня, ночью, молодые люди были тайно обвенчаны в церкви Мерсед священником, согласившимся за немалую мзду помочь этому не совсем законному делу. Мигель Баск и Дрейф были свидетелями у де Бармона, который по настоятельной просьбе герцога не сообщил о своей тайне ни одному из офицеров команды. Тотчас после обряда венчания свидетели новобрачной увезли ее, между тем как ее молодой муж, весьма раздосадованный, возвратился на свой фрегат.

Когда на следующий день граф явился к герцогу, тот сказал ему, что, для того чтобы лишить недоброжелателей всякого повода к сплетням, он счел за лучшее отослать дочь на некоторое время к родственнице, живущей в Гранаде. Граф ничего не ответил на это и ушел, сделав вид, будто его убедили неправдоподобные доводы тестя. Он начинал находить поступки герцога странными и решил действовать, чтобы рассеять сомнения, поселившиеся в его душе.

Дрейф и Мигель Баск были отправлены разузнать все, что можно. Через две недели графу, к его немалому удивлению, стал известен результат их поисков: донья Клара находилась не в Гранаде, а в очаровательном городке Санта-Мария, расположенном напротив Кадиса на противоположном берегу рейда. Собрав все необходимые ему сведения, он с Мигелем Баском, который говорил по-испански, как уроженец Севильи, послал письмо донье Кларе и с наступлением ночи в сопровождении своих верных матросов высадился на берегу в Санта-Марии. Граф поставил матросов караулить, а сам направился прямо к дому, в котором жила донья Клара.

Дверь отворила сама донья Клара. Радость супругов была безмерна. Незадолго до восхода солнца граф покинул свою жену. А к десяти часам он отправился, как обычно, с визитом к тестю, ничем не выдав, что знает местонахождение доньи Клары.

Герцог принял графа, как всегда, весьма любезно. Так продолжалось около месяца. Однажды граф получил неожиданное известие о возобновлении военных действий между Францией и Испанией. Он был вынужден оставить Кадис, но перед этим хотел нанести последний визит герцогу и потребовать от него откровенного объяснения своего поведения. А в том случае, если это объяснение не удовлетворит его, де Бармон решил похитить собственную жену.

Когда граф пришел к герцогу, доверенный слуга герцога сообщил ему, что его господина вдруг потребовал к себе король и он уехал в Мадрид час назад, не имея возможности, к своему величайшему сожалению, проститься с графом. При этом известии у графа де Бармона возникло предчувствие несчастья. Он побледнел, но сумел справиться с волнением и холодно спросил слугу, не оставил ли его господин письма или записки. Слуга ответил утвердительно и подал графу запечатанный конверт. Дрожащей рукой граф сорвал печать и пробежал письмо глазами. То, что заключалось в этом письме, произвело на него такое впечатление, что он пошатнулся, и если бы слуга не бросился его поддержать, то, несомненно, упал бы.

– Да! – прошептал Луи де Бармон. – Мигель был прав!

Он в бешенстве скомкал письмо, но сумел взять себя в руки и, дав слуге несколько луидоров, поспешно удалился.

– Бедный молодой человек! – прошептал слуга, печально качая головой.

Глава VII
Отчаяние

В нескольких шагах от гостиницы, где останавливался герцог, Луи де Бармона нагнал Мигель.

– Скорее, скорее шлюпку, мой добрый Мигель! – вскричал граф. – Речь идет о жизни и смерти!

Состояние командира напугало матроса. Он хотел спросить, что случилось, но тот дал ему знак молчать и только повторил приказание сейчас же достать лодку. Мигель понурил голову.

– Увы! Я предвидел это, – горестно прошептал он и бросился к гавани. Понимая, что граф торопится, Мигель Баск нанял десятивесельную лодку. Вскоре на пристани показался граф де Бармон.

– Десять луидоров вам и вашему экипажу, если вы будете в Пуэрто через двадцать минут! – вскричал он, бросаясь в лодку.

От сильного толчка та чуть не перевернулась. Матросы взялись за весла, и лодка заскользила по воде. Граф де Бармон, не сводя глаз с городка Санта-Мария, беспрестанно повторял задыхающимся голосом:

– Скорее, скорее!

Они стрелой пролетели мимо фрегата, который готовился сняться с якоря. Наконец они достигли Санта-Марии.

– Никто не должен идти за мной! – крикнул капитан, спрыгнув на берег.

Но Мигель не обратил ни малейшего внимания на этот приказ и бросился вслед за своим командиром, не желая оставлять его в таком ужасном положении. Хорошо, что матрос решился на это, – когда он добежал до дома, где жила донья Клара, он увидел, что молодой человек лежит без сознания на земле, дом пуст, а донья Клара исчезла. Матрос взвалил капитана себе на плечи и добежал до шлюпки, где уложил его так осторожно, как только мог.

– Куда плыть? – спросил один из гребцов.

– К французскому фрегату, и как можно скорее, – отвечал Мигель.

Лодка подплыла к фрегату, Мигель заплатил гребцам обещанную мзду и с помощью матросов поднял капитана на судно, а затем перенес в каюту. Прежде всего необходимо было сохранить тайну и не возбудить подозрений команды и начальства, поэтому Мигель в своем рапорте лейтенанту приписал состояние, в котором находился капитан, падению с лошади. Потом, сделав знак Дрейфу следовать за ним, спустился в каюту. Граф де Бармон лежал неподвижно, как мертвый. Судовой врач фрегата ухаживал за ним, но не мог пробудить его к жизни. Казалось, она покинула его навсегда.

– Отошлите ваших помощников, довольно будет и нас с Дрейфом, – сказал Мигель доктору.

Врач все понял и знаком отпустил помощников. Когда дверь затворилась за последним из них, матрос отвел доктора в сторону и тихо сказал:

– Майор, командир узнал страшное известие, вызвавшее тяжелый кризис. Я сообщаю это вам, майор, потому что врач – это все равно что духовник.

– Можешь быть спокоен, мой милый, – отвечал майор, – тайна командира в надежных руках.

– Я убежден в этом. Пусть весь экипаж думает, будто командир упал с лошади, понимаете?.. Я уже написал об этом лейтенанту, подавая рапорт.

– Очень хорошо. Я подтвержу твои слова.

– Благодарю, майор. Мне остается задать вам еще один вопрос.

– Говори.

– Вы должны получить от лейтенанта разрешение, чтобы из всего экипажа никто, кроме Дрейфа и меня, не ухаживал за командиром. Видите ли, майор, мы его старые матросы, он может быть с нами откровенен. Кроме того, ему будет приятно видеть нас возле себя. Вы получите разрешение от лейтенанта, майор?

– Да, мой друг, я знаю, ты человек честный и очень привязан к командиру, знаю также, что он полностью доверяет тебе. Не тревожься, я все устрою. Пока граф болен, только ты и твой товарищ будете входить сюда вместе со мной.

– Крайне вам признателен, майор. Если представится случай, я отблагодарю вас. Говорю вам по чести, как баск, вы – предостойнейший человек.

Врач расхохотался и, прекращая разговор, сказал:

– Вернемся к нашему больному!

Несмотря на все принятые врачом меры, обморок графа продолжался целый день.

– Потрясение слишком сильно, – заметил врач, – могло произойти кровоизлияние в мозг.

Только к вечеру, когда фрегат, оставив далеко позади кадисский рейд, давно уже шел под парусами, состояние графа несколько улучшилось.

– Сейчас он придет в себя, – сказал доктор.

Действительно, судорога пробежала по телу Луи де Бармона, он открыл глаза, но взгляд его был мутным и диким. Он поводил глазами, как бы стараясь понять, где находится и почему лежит в постели. Три человека участливо наблюдали за этим возвращением к жизни. Правда, выглядело все это довольно тревожно. Особенно был обеспокоен врач. Лоб его нахмурился, брови сдвинулись от волнения. Вдруг граф приподнялся и сказал резким и повелительным голосом, обращаюсь к Мигелю:

– Лейтенант, почему вы не собрали экипаж к сражению? Ведь испанский корабль удаляется от нас!

Врач сделал Мигелю знак.

– Извините, командир, – отвечал матрос, потакая фантазии больного, – все готово к сражению.

– Очень хорошо, – сказал больной.

Потом вдруг мысли его переменились и он прошептал:

– Она придет, она мне обещала!.. Нет! Нет! Она не придет… Теперь она умерла для меня!.. Умерла! Умерла! – повторил он глухим голосом.

Потом вдруг громко вскрикнул:

– О! Как я страдаю, боже мой! – И слезы полились из его глаз.

Граф закрыл лицо руками и опять упал на постель. Оба матроса тревожно всматривались в бесстрастное лицо врача, стараясь прочесть на нем, чего они должны опасаться и на что надеяться. Внезапно врач облегченно вздохнул, провел рукой по лбу, влажному от пота, и, обернувшись к Мигелю, сказал:

– Слава богу! Он плачет, он спасен!

– Слава богу! – повторили матросы, набожно перекрестившись.

– Не кажется ли вам, что он повредился рассудком, майор? – спросил Мигель дрожащим голосом.

– Нет, это не сумасшествие, а всего лишь бред. Он скоро заснет, не оставляйте его. Проснувшись, он не будет помнить ничего. Если попросит пить, дайте приготовленное мною лекарство, которое я оставил на столе.

– Слушаюсь, майор.

– Теперь я пойду, а если случится что-нибудь непредвиденное, сейчас же дайте мне знать. Впрочем, я еще зайду ночью.

Врач ушел. Его слова вскоре подтвердились: мало-помалу граф де Бармон заснул тихим и спокойным сном. Оба матроса стояли неподвижно возле его постели. Никакая сиделка не смогла бы ухаживать за больным с такой трогательной заботой, как эти два человека, внешне черствые и грубые, но такие добросердечные.

Так прошла ночь. Врач несколько раз приходил и всегда уходил через несколько минут с довольным видом, приложив палец к губам. К утру, при первом луче солнца, ворвавшемся в каюту, граф сделал движение, открыл глаза и, слегка повернув голову, сказал слабым голосом:

– Мой добрый Мигель, дай мне воды.

Матрос подал ему стакан.

– Я совсем разбит, – прошептал граф, – стало быть, я был болен?

– Да, немного, – отвечал матрос, – но теперь все прошло, слава богу. Надо только запастись терпением.

– Мне кажется, я чувствую, как фрегат движется… Разве мы под парусами?

– Так точно, командир.

– Кто же приказал сниматься с якоря?

– Вы сами вчера вечером.

– А! – Граф возвратил стакан.

Голова его тяжело упала на подушку, и он замолчал. Однако он не спал, глаза его были открыты, взор беспокойно блуждал по стенам каюты.

– Вспоминаю! – прошептал он, и слезы снова брызнули из его глаз. Потом он резко повернулся к Мигелю Баску. – Это ты меня поднял и принес на фрегат?

– Я, капитан.

– Благодарю. Однако, может быть, было бы лучше дать мне умереть…

Матрос недовольно пожал плечами и проворчал:

– Блестящая мысль!

– О, если бы ты знал! – сказал граф горестно.

– Я все знаю. Не предупреждал ли я вас с самого первого дня?

– Это правда, мне следовало бы тебе поверить. Увы! Я уже тогда любил ее.

– Знаю… Да она и заслуживает этого.

– Не правда ли, она все еще меня любит?

– Кто в этом сомневается? Бедное милое существо!

– Как ты добр, Мигель!

– Я справедлив.

Снова наступило молчание. Через несколько минут граф возобновил разговор.

– Ты нашел письмо? – спросил он.

– Нашел, капитан.

– Где оно?

– Здесь.

Граф с живостью схватил конверт.

– Читал? – спросил он.

– Для чего? – отвечал Мигель. – Там, должно быть, сплошь вранье да гадость, а я не любитель читать подобные вещи.

– Вот, возьми.

– Чтобы разорвать?

– Нет, чтобы прочесть.

– Зачем?

– Ты должен знать, что заключается в этом письме, я так хочу.

– Это другое дело. Давайте.

Он взял письмо и развернул его.

– Читай громко, – сказал граф.

– Славное поручение даете вы мне, капитан! Но если вы требуете, я должен повиноваться.

– Я прошу тебя, Мигель.

– Хорошо, капитан, начинаю.

Он начал читать вслух это странное послание. Оно было весьма лаконичным, но действие, которое оно и призвано было произвести, оказалось ужасным. Каждое слово было рассчитано, чтобы нанести удар. Вот содержание письма:

Граф, вы не женились на моей дочери. Я обманул вас. Этот брак ложный. Вы никогда ее не увидите, она умерла для вас. Уже много лет ваша фамилия и моя ненавидят друг друга. Я вас не отыскивал, нас свел сам Господь. Я понял, что Он предписывает мне мщение. Я повиновался Ему. Кажется, мне навсегда удалось разбить ваше сердце. Любовь, которую вы питаете к моей дочери, искренна и глубока. Тем лучше. Вы обречены на страдание. Прощайте, граф. Послушайтесь меня, не старайтесь со мной увидеться. Иначе моя месть будет еще ужаснее. Моя дочь выходит через месяц за того, кого она любит и кого одного она любила всегда.
Дон Эстеван Сильва, герцог Пеньяфлор

Матрос закончил читать и устремил на своего командира вопросительный взгляд. Тот несколько раз покачал головой и ничего не ответил. Мигель возвратил письмо, и капитан тотчас спрятал его под изголовье.

– Что вы будете делать? – спросил матрос.

– Позже, – отвечал граф де Бармон мрачным голосом, – позже ты узнаешь. Я не могу сейчас принять никакого решения, я слаб, мне нужно подумать.

Мигель одобрительно кивнул. В эту минуту вошел доктор. Он пришел в восторг, увидев, что командир уже хорошо выглядит, и обещал, радостно потирая руки, что через неделю тот и вовсе встанет с постели.

Действительно, доктор не ошибся: граф быстро выздоравливал. Наконец он смог встать, а еще через несколько дней ничего, кроме мертвенной бледности его лица, не напоминало о болезни. Силы его полностью восстановились. Но эта бледность осталась навсегда.

Граф де Бармон ввел свой фрегат в устье Тахо и приказал бросить якорь в виду Лисабона. Он вызвал лейтенанта в свою каюту и долго с ним о чем-то беседовал, после чего отправился на берег вместе с Мигелем Баском и Дрейфом.

Фрегат остался под командованием первого лейтенанта. Граф де Бармон покинул его навсегда. Этот поступок могли бы назвать бегством, но граф решил во что бы то ни стало вернуться в Кадис. За те несколько дней, что прошли после его разговора с Мигелем Баском, граф обдумал все и пришел к выводу, что донья Клара была так же, как и он, обманута герцогом. Все в обращении молодой женщины с ним доказывало это. В стремлении осуществить свою месть герцог перешел границы: донья Клара любила графа, он был уверен в этом. Она повиновалась отцу, вынужденная к тому насилием. Когда граф пришел к этому заключению, ему оставалось только одно – вернуться в Кадис, собрать все необходимые сведения, отыскать герцога и объясниться с ним в последний раз в присутствии его дочери. Остановившись на этом решении, молодой человек немедленно осуществил его. Конечно, он рисковал при этом испортить свою карьеру и подвергнуться преследованию за измену, так как война между Францией и Испанией была в полном разгаре.

Он нанял судно и в сопровождении двух верных матросов, которым объяснил свои намерения и которые не захотели оставить его, вернулся в Кадис.

Благодаря отличному знанию испанского языка граф не возбудил никаких подозрений в этом городе и без труда выяснил все, что ему было нужно. Герцог уехал в Мадрид. Граф немедленно отправился туда же.

Такой знатный вельможа, как герцог Пеньяфлор, испанский гранд первого ранга, не может путешествовать, не оставляя следов. Так что граф всегда находил, по какой дороге тот двинулся. Оказавшись в Мадриде, Луи де Бармон верил, что его страстное желание объясниться с герцогом исполнится в самом скором времени.

Но надежда его была обманута. Герцог сначала был на аудиенции у короля, а потом уехал в Барселону. Это походило на какой-то гибельный рок. Но граф не унывал, верхом проехал он Испанию и добрался до Барселоны, и там узнал, что герцог накануне уехал в Неаполь. Эта погоня принимала размеры Одиссеи, герцог точно чувствовал, что его преследуют. Однако на самом деле все обстояло иначе: он выполнял поручение, данное ему королем.

Граф навел справки и узнал, что с герцогом следуют оба его сына и дочь. Через два дня граф де Бармон отправился в Неаполь на судне контрабандистов. Мы не будем вдаваться во все подробности упорной погони, которая продолжалась несколько месяцев. Скажем только, что граф не застал герцога и в Неаполе, как не заставал в Мадриде и Барселоне. Он проехал всю Италию и въехал во Францию, преследуя неуловимого врага, который ускользал прямо у него из-под носа.

Граф и не подозревал, что за время преследования их роли значительно переменились. И вот каким образом: герцогу было интересно узнать, как поступит де Бармон. Он думал, что война вынудит графа покинуть Испанию. И все же он слишком хорошо знал решительный характер молодого человека, чтобы предположить хоть на одно мгновение, что тот примет нанесенное ему оскорбление, не постаравшись отомстить. Пеньяфлор оставил в Кадисе доверенного человека, которому поручил в случае появления графа пристально наблюдать за его действиями и уведомлять обо всем, что он предпримет. Человек этот добросовестно и очень ловко исполнил трудное поручение, и, в то время как граф преследовал герцога, он преследовал графа, не теряя его из виду, останавливаясь, где останавливался он, и отправляясь за ним тотчас, как только тот отправлялся в путь. Когда наконец он удостоверился, что граф действительно преследует его господина, он перегнал графа, догнал герцога в окрестностях Пиньероля и сообщил ему все, что узнал.

Герцог, в душе напуганный упорным преследованием своего врага, притворился, будто не придает никакой важности этим известиям, и презрительно улыбнулся, слушая донесение слуги. Но, несмотря на это, он не пренебрег предосторожностями и, так как мир был почти подписан и испанский уполномоченный находился в Париже, отправил к нему этого самого слугу с письмом. В письме заключался официальный донос на графа де Бармон-Сенектера. Кардинал Ришелье без колебаний отдал приказ арестовать графа, и полицейские агенты его преосвященства под командой Франсуа Бульо выехали из Парижа в погоню за несчастным офицером. Де Бармон, находясь в полном неведении относительно того, что происходило, продолжал свой путь и даже обогнал герцога, который, решив, что теперь может не опасаться своего врага, ехал не торопясь.

Но расчет герцога был неверен. Он не учел, что агенты кардинала, не зная, где искать графа де Бармона, будут вынуждены ехать наугад, к тому же никто, кроме Бульо, не имел представления, как выглядит граф, а Бульо, как нам теперь известно, хотел дать беглецу возможность спастись.

Итак, вы уже знаете о том, какое бурное объяснение произошло между тестем и зятем. Граф был в конце концов арестован, доставлен на остров Сент-Маргерит и отдан в руки майору де л'Урсьеру.

Теперь мы будем продолжать наш рассказ с того места, на котором остановились.

Глава VIII
Заключенный

Мы сказали, что майор де л'Урсьер, комендант крепости, велел отвести графа де Бармон-Сенектера в помещение, которое будет служить ему тюрьмой до тех пор, пока кардинал не соизволит возвратить ему свободу. Это помещение оказалось довольно просторной, почти круглой формы комнатой, с выбеленными стенами в пятнадцать футов толщиной. Свет в комнату проникал через две узкие бойницы, забранные решетками: внутренней и наружной. Частые отверстия не только едва пропускали свет, но и полностью скрывали обзор. Часть комнаты занимал большой камин, напротив камина стояла деревянная кровать с тонким тюфяком. Когда-то кровать была выкрашена желтой краской, но от времени совсем побелела. Стол, скамейка, стул, ночной столик, железный подсвечник дополняли более чем скромную меблировку. Комната эта находилась на самом верхнем этаже башни, чья плоская крыша, по которой день и ночь прохаживался часовой, служила ей потолком.

Солдат отодвинул запоры и отпер замки двери, обитой железом, и граф твердым шагом вошел в свое узилище. Окинув взглядом холодные печальные стены, в которых ему предстояло теперь жить, он сел на стул, скрестил руки на груди, опустил голову и погрузился в размышления.

Солдат или, лучше сказать, тюремщик ушел и, вернувшись через час, нашел графа в том же положении. Человек этот принес простыню, одеяло, немного дров. Два солдата, следовавшие за ним, несли сундук с одеждой и бельем заключенного. Оставив поклажу в углу комнаты, они ушли. Тюремщик тотчас застелил постель, потом вымел комнату и затопил камин. Исполнив все это, он подошел к заключенному.

– Ваше сиятельство, – вежливо обратился он.

– Что вам угодно, друг мой? – спросил граф, с кротостью взглянув на своего тюремщика.

– Комендант хочет поговорить с вами. Он должен сообщить вам нечто важное.

– Я к услугам господина коменданта, – коротко отвечал граф.

Тюремщик поклонился и вышел.

– Чего хочет от меня этот человек? – прошептал граф, оставшись один.

Ожидание его было непродолжительным. Дверь снова отворилась, и появился комендант. Заключенный поднялся и молча поклонился, ожидая, когда тот заговорит. Комендант сделал тюремщику знак уйти, потом, после поклона, сказал с холодной вежливостью:

– Граф, дворяне должны оказывать друг другу помощь. Хотя приказания, полученные мной от кардинала, очень строги, я желаю облегчить ваше пребывание в этих стенах, насколько мне позволяют мои обязанности. Я пришел сюда, чтобы поговорить с вами об этом.

Граф не подал виду, что угадал, куда клонит комендант:

– Господин комендант, я должен быть признателен за такой шаг с вашей стороны. Будьте же добры, объясните мне, в чем состоят полученные вами указания и каким образом вы можете смягчить их. Но прежде всего, поскольку я нахожусь здесь у себя, – прибавил он с меланхолической усмешкой, – сделайте мне одолжение и сядьте.

Майор поклонился, но не сел.

– Это ни к чему, граф, – сказал он, – то, что я должен вам сказать, не займет много времени. Прежде всего прошу вас оценить мою деликатность: я распорядился прислать сюда сундук с вашими вещами, не осмотрев его, хотя имел на то право.

– Вижу и очень вам благодарен.

Майор поклонился.

– Вы сами военный, граф, – продолжил он, – и знаете, что его преосвященство монсеньор кардинал хоть и великий человек, но не слишком щедр к офицерам, которых старость или раны вынуждают выйти в отставку.

– Это правда, – заметил граф.

– В особенности это касается комендантов крепостей. Хоть они и назначены королем, но вынуждены покупать за наличные места своих предшественников и старость встречают в полнейшей нищете, если не накопят денег заранее.

– Я этого не знал. Я думал, что должность начальника крепости – это награда.

– Так оно и есть, граф. Покупается место только в таких крепостях, которые, как эта, служат государственной тюрьмой.

– А! Очень хорошо.

– Вы понимаете, что это делается по причине тех выгод, которые комендант имеет право извлекать из общения с вверенными ему заключенными.

– Понимаю как нельзя лучше. Много ли несчастных, подвергшихся немилости его преосвященства, содержится в этом замке?

– Увы! Вы единственный. Вот по этой причине я и желал бы мирно договориться с вами.

– Поверьте, я сам желаю того же.

– Я в этом убежден и потому приступлю прямо к делу.

– Приступайте! Я слушаю вас с вниманием.

– Мне приказано не позволять вам общаться ни с кем, кроме вашего тюремщика, не давать вам ни книг, ни бумаги, ни перьев, ни чернил, никогда не позволять вам выходить из этой комнаты. Кажется, кто-то очень опасается, что вы убежите отсюда, и его преосвященство хочет вас удержать.

– Я очень признателен его преосвященству, но, к счастью для меня, – улыбаясь, отвечал граф, – вместо того чтобы иметь дело с тюремщиком, я завишу от храброго воина, который, строго исполняя свои обязанности, считает бесполезным мучить заключенного, уже и без того несчастного, так как он заслужил немилость и короля, и всесильного кардинала.

– Суждение ваше обо мне верно, граф. Как ни строги эти инструкции, я один распоряжаюсь в этой крепости. Тут мне нечего опасаться контроля, и, надеюсь, я буду в состоянии смягчить предписанную в отношении вас строгость.

– Каковы бы ни были ваши намерения на этот счет, позвольте мне, в свою очередь, говорить с вами откровенно, как подобает честному офицеру. Так как, без сомнения, я останусь в заключении очень долго, деньги для меня совершенно бесполезны. Не будучи богат, я пользуюсь, однако, некоторым достатком и очень этому рад, потому что этот достаток позволяет мне выразить вам признательность за то снисхождение, которое вы оказываете мне. Услуга за услугу, милостивый государь. Я буду давать вам десять тысяч в год вперед, а вы, с вашей стороны, позволите мне иметь, разумеется за мой счет, все вещи, которые могут скрасить тяготы моего заключения.

У майора закружилась голова: за всю свою жизнь он не видел такой большой суммы.

Граф продолжал, не показывая, что заметил, какое действие произвели его слова:

– Итак, решено. К той сумме, которую король назначил вам для моего содержания, мы будем прибавлять двести ливров в месяц, то есть две тысячи четыреста в год на бумагу, перья, книги и прочее… даже положим для круглого счета три тысячи. Вы согласны?

– О! Этого много, даже слишком много.

– Нет, потому что я помогаю благородному человеку, который останется мне признателен.

– Я останусь вам признателен вечно! Прошу вас не сердиться на меня за мою откровенность, но вы заставите меня желать, чтобы вы оставались здесь как можно дольше.

– Как знать, майор, может быть, мой отъезд окажется для вас выгоднее моего пребывания здесь, – сказал граф с лукавой улыбкой. – Позвольте мне вашу записную книжку.

Майор передал. Граф вырвал листок, написал несколько слов карандашом и подал майору:

– Вот чек на тысячу шестьсот ливров, которые вы можете получить из банка «Дюбуа, Лусталь и К°» в Тулоне.

Комендант с радостным нетерпеньем схватил бумагу.

– Но мне кажется, что тут на восемьсот ливров больше той суммы, о которой мы условились.

– Правда, но эти восемьсот ливров назначены на покупку разных вещей, значащихся вот в этом списке. Я прошу вас достать их для меня.

– Завтра вы их получите, граф.

Поклонившись почти до земли, комендант, пятясь задом, вышел.

– Я не ошибся, – весело прошептал граф, когда тяжелая дверь закрылась за майором, – я не ошибся, я верно оценил этого человека, в нем сосредоточились все пороки, но самый главный его порок – жадность! Кажется, я смогу делать с ним все, что захочу. Но не следует спешить, мне надо действовать очень осторожно.

В уверенности, что его не потревожат несколько часов, граф отпер сундук, чтобы удостовериться, правду ли сказал комендант и точно ли все вещи в целости. Действительно, все оказалось на месте.

Предвидя вероятный арест, граф, перед тем как пуститься в погоню за герцогом Пеньяфлором, купил несколько вещей, которые теперь с величайшим удовольствием нашел в сундуке. Кроме одежды и белья, там лежала очень тонкая и крепкая веревка длиной в сотню метров, две пары пистолетов, кинжал, шпага, порох и пули. Эти вещи, которыми граф запасся на всякий случай, комендант конфисковал бы без всякого зазрения совести, если бы обнаружил их.

Еще в сундуке лежали стальные инструменты, а в двойном дне, старательно скрытом, – тяжелый кошелек с суммой в двадцать пять тысяч ливров золотом, не считая другой суммы, почти столь же значительной, испанскими дублонами, зашитыми в широкий кожаный пояс.

Как только граф удостоверился, что комендант ему не солгал, он старательно запер сундук, повесил стальную цепочку с ключом себе на шею и спокойно сел у камина.

Размышления его были прерваны тюремным сторожем. На этот раз тюремщик принес не только полный набор постельного белья, гораздо лучше того, который он доставил прежде, но еще и ковер, зеркало и даже туалетные принадлежности. Стол он накрыл скатертью, на которую поставил довольно вкусный обед.

– Комендант просит у вас извинения, – сказал тюремщик, – завтра он пришлет вам все, что вы потребовали, а пока он прислал вам книги.

– Хорошо, друг мой, – отвечал граф, – как вас зовут?

– Ла Гренад.

– Комендант вас назначил служить мне, Ла Гренад?

– Да.

– Друг мой, я нахожу, что вы человек хороший, вот вам три луидора. Если я буду вами доволен, то каждый месяц буду давать вам столько же.

– Если б вы ничего не дали мне, – отвечал Ла Гренад, взяв деньги, – это не помешало бы мне служить вам со всем усердием, на которое я способен. Я беру эти три луидора только потому, что такой бедный человек, как я, не имеет права отказываться от подарка такого щедрого мсье, как вы. Но, повторяю, я готов служить вам, и вы можете распоряжаться мною, как вам угодно.

– Однако мы с вами не знакомы, Ла Гренад, – с удивлением сказал граф, – откуда у вас такая преданность мне?

– Я готов сказать, если это вас интересует. Я дружен с мсье Франсуа Бульо, которому многим обязан. Это он приказал мне служить вам и повиноваться во всем.

– Как добр этот Бульо! – воскликнул граф. – Хорошо, друг мой, я найду способ отблагодарить вас. А теперь ступайте.

Тюремщик подложил дров в камин, зажег лампу и вышел.

– Ах! – сказал граф, смеясь. – Прости, Господи! Я, несомненно, пленник, но, по сути, такой же хозяин в этой крепости, как и комендант. И в тот день, когда я захочу, я выйду отсюда, и этому не воспротивится никто. Что подумал бы кардинал, если бы знал, каким образом исполняются его приказания?..

Он сел за стол, развернул салфетку и с аппетитом принялся за обед.

Все пошло именно так, как было условлено между заключенным и комендантом. Прибытие графа де Бармона в крепость оказалось крайне прибыльно для майора, который с тех пор, как получил командование над этой крепостью, не имел еще случая извлечь хоть какую-нибудь выгоду из своего положения. Поэтому он обещал себе возместить сполна отсутствие доходов за счет своего единственного пленника.

Как уже было сказано, комната графа была меблирована прилично, насколько только возможно. Ему дали – разумеется, за очень большую сумму – все книги, какие он просил, и даже позволили прогулки на площадке башни. Граф был счастлив, насколько позволяли обстоятельства, в которых он находился. Никто не предположил бы, видя, как он усердно трудится над математикой и навигацией – он чрезвычайно заботился об усовершенствовании своего морского образования, – что человек этот лелеет в сердце мысль о мщении и что эта мысль не оставляет его ни на мгновение.

С первого взгляда намерение графа позволить своим врагам заключить себя в тюрьму, когда так легко было остаться на свободе, может показаться странным. Но граф принадлежал к числу людей, словно высеченных из гранита, намерения которых остаются неизменными, которые, раз приняв какое-то решение, с величайшим хладнокровием рассчитав возможности успеха и неудачи, идут прямо по намеченному пути, не обращая внимания на препятствия, встречающиеся на каждом шагу, и преодолевают их, потому что они решили, что все должно быть именно так. Такие характеры возвеличиваются в борьбе, и намеченная цель бывает рано или поздно достигнута.

Граф понял, что всякое сопротивление кардиналу кончится для него верной гибелью. Множество доказательств подтверждало это. Убежав от стражей, которые вели его в тюрьму, он остался бы на свободе, это правда. Но, изгнанный, он был бы вынужден покинуть Францию и скитаться в чужих краях, одинокий, без средств, вечно настороже, вечно остерегаясь, не имея возможности узнать что-либо о человеке, которому жаждал отомстить. Граф был молод, он мог ждать. Кроме того, как он сказал Бульо в минуту откровения, он искал страдания для того, чтобы убить в себе всякое человеческое чувство, еще оставшееся в сердце, и явиться перед врагом совершенно неуязвимым.

И кардинал Ришелье, и Людовик XIII к тому времени были серьезно больны. Смерть их могла привести к смене царствования через два, три, четыре года, никак не позже, и одним из последствий этой двойной кончины должен был стать выход на свободу всех узников тюрем, заключенных покойным министром. Графу было двадцать пять лет. Следовательно, у него впереди оставалось много времени. Он знал, что, оказавшись на свободе, он вступит во все свои права и в качестве врага кардинала Ришелье будет хорошо принят при дворе. Таким образом у него появится возможность воспользоваться всеми выгодами своего положения для борьбы с ненавистным герцогом Пеньяфлором.

Только людям, одаренным непоколебимым характером и уверенностью в себе, способным на такой холодный расчет, только им, так решительно полагающимся на случай, всегда удается все, что они хотят сделать, если только смерть не остановит их.

Через Ла Гренада, с молчаливого согласия коменданта, который на все закрывал глаза с очаровательной беспечностью, граф не только узнавал, что происходило вне стен тюрьмы, но и получал письма от своих друзей и даже отвечал на них.

Однажды Ла Гренад передал ему за завтраком конверт. Это было письмо от герцога де Бельгарда, а доставил его Мигель Баск – добрый моряк не захотел жить вдали от своего командира и сделался рыбаком в Антибе, а Дрейф определился к нему в помощники.

Прочитав письмо, граф поручил Ла Гренаду просить коменданта уделить ему несколько минут. Майор знал, что каждое посещение пленника приносит выгоду, и поспешил явиться.

– Вы знаете новость? – тотчас спросил граф.

– Какую новость, граф? – спросил майор с удивлением, так как действительно ничего не знал.

Живя на окраине королевства, комендант узнавал все новости только последним.

– Кардинал умер, я узнал это из достоверного источника.

– О-о! – только и сказал майор, сложив руки.

Эта смерть могла лишить его места.

– Его величество король Людовик Тринадцатый очень болен, – прибавил граф.

– Боже мой, какое несчастье! – вскричал комендант.

– Это несчастье может быть счастьем для вас, – заметил граф.

– Счастьем?! Когда я могу лишиться своего места! Ах, граф! Куда же я денусь, если меня прогонят отсюда?

– Весьма вероятно, что так оно и случится, – сказал де Бармон. – Вы всегда были большим приятелем покойного кардинала.

– К несчастью! – прошептал майор, растерявшись и понимая намек графа.

– Но есть способ устроить это дело.

– Какой же способ? Скажите, умоляю вас!

– Вот какой. Выслушайте меня внимательно. То, что я вам скажу, очень важно.

– Я слушаю, граф.

– Вот письмо к герцогу де Бельгарду. Поезжайте немедленно в Париж через Тулон, где вы получите по этому чеку две тысячи ливров на дорожные расходы. Герцог ко мне очень расположен. Он примет вас хорошо. Передайте ему письмо и повинуйтесь во всем, что он скажет.

– Да-да, граф.

– А если не позже, чем через месяц…

– Не позже, чем через месяц… – повторил комендант, едва переводя дух от нетерпения.

– …вы привезете мне сюда мое полное и окончательное помилование, подписанное его величеством Людовиком Тринадцатым…

– Как?! – вскричал комендант с удивлением.

– …я немедленно отсчитаю вам, – холодно продолжал граф, – пятьдесят тысяч ливров, чтобы вознаградить за те неудобства, которые доставит вам мое освобождение.

– Пятьдесят тысяч ливров! – вскричал майор, и глаза его алчно сверкнули.

– Да, пятьдесят тысяч ливров, – подтвердил граф. – Сверх того, я обязуюсь, если вы желаете, оставить вас на этой должности. Ну как, решено?

– Но как же я должен действовать в Париже, граф?

– Согласно указаниям, которые вы получите от герцога де Бельгарда.

– То, что вы от меня требуете, очень затруднительно.

– Ну, не так уж… Правда, если это поручение для вас неудобно…

– Я этого не говорил.

– Как хотите. Так беретесь вы или нет?

– Берусь, граф, и беру пятьдесят тысяч!

– И едете?

– Завтра же.

– Нет, сегодня вечером.

– Хорошо, сегодня.

– Вот письмо и чек. Да, кстати! Постарайтесь связаться в Антибе с рыбаком Мигелем.

– Я его знаю, – улыбнулся майор.

– А-а! – сказал граф. – Кроме того, не плохо бы отыскать сбира, который привез меня сюда, его зовут Франсуа Бульо.

– Я знаю, где его найти, – отвечал майор с той же хитрой улыбкой.

– Очень хорошо! Раз так, любезный комендант, мне нечего больше прибавить. Остается только пожелать вам благополучного пути.

– Путь будет благополучным, граф, клянусь вам.

– Правда. Сумма-то порядочная. Пятьдесят тысяч!..

– Я не забуду этой цифры.

С этими словами майор простился со своим пленником и удалился, низко кланяясь.

– Кажется, скоро я буду свободен! – вскричал граф, оставшись один. – Ах, герцог, наконец-то мы сразимся на равных!

Глава IX
Де л'Урсьер

Если бы граф де Бармон мог сквозь толстые стены увидеть выражение лица коменданта, когда тот вышел из его комнаты, он не стал бы так громко провозглашать свою победу и не считал бы себя столь близким к освобождению. Как только у майора исчезла необходимость опасаться проницательного взгляда пленника, его лицо немедленно приняло выражение циничной злобы, глаза засверкали мрачным огнем, а на тонких бледных губах мелькнула насмешливая улыбка.

Наступила ночь, и темнота сгущалась с каждой минутой. Майор вернулся в свою комнату, надел толстый плащ, надвинул на глаза шляпу и позвал своего помощника. Тот явился немедленно. Это был человек лет сорока, с умным лицом, черты которого выражали кротость, даже доброту.

– Я сейчас еду в Антиб, – сказал комендант, – куда меня призывают важные дела. Вероятно, мое отсутствие продолжится несколько дней. На это время я поручаю вам командование крепостью. Наблюдайте в особенности за тем, чтобы заключенный не смог, если захочет – что, впрочем, вряд ли, – попытаться бежать. Эти попытки, как правило, не удаются, но роняют авторитет коменданта.

– Буду наблюдать с величайшим старанием, господин майор.

– Есть у нас в гавани какая-нибудь рыбачья лодка? Я предпочел бы не брать лодок из крепости – гарнизон у нас совсем маленький.

– Кажется, лодка рыбака Мигеля Баска, которой вы обычно пользуетесь, час тому назад находилась в гавани. Но, может быть, он отправился, по своему обыкновению, забросить сеть.

– Гм! – хмыкнул майор. – Даже если и так, я не хочу заставлять бедного человека терять время. Эти рыбаки небогаты. Каждая минута, отнятая у них, лишает их и без того ничтожной прибыли, которую может им принести рыбная ловля.

Офицер поклонился, очевидно разделяя филантропические мысли своего начальника, хотя на лице его отразилось удивление.

– Нет ли здесь других лодок? – поинтересовался с равнодушным видом майор.

– Люгер контрабандистов готовится в эту минуту выйти в море.

– Хорошо. Предупредите хозяина, что я собираюсь отправиться на его судне, да поспешите, я тороплюсь.

Офицер ушел исполнять приказание. Майор взял из железной шкатулки несколько бумаг, вероятно важных, спрятал эти бумаги в карман, закутался в плащ и вышел из крепости. По дороге часовые отдавали ему честь.

– Ну что? – спросил он офицера, который шел ему навстречу.

– Я говорил с хозяином, он ждет вас.

– Благодарю. Теперь возвращайтесь в крепость и внимательно следите за пленником до моего возвращения.

Простившись с офицером, майор пошел к пристани, где его ждала шлюпка с люгера. Как только комендант взошел на люгер, паруса были поставлены и к нему почтительно приблизился хозяин.

– Куда мы направляемся, господин комендант? – спросил он, снимая шляпу.

– А-а! Это вы, Нико? – Комендант, часто имея дело с контрабандистами, знал большинство из них по именам.

– Я к вашим услугам, господин комендант, – вежливо ответил хозяин люгера.

– Скажите, – продолжал майор, – не хотите ли вы заработать десять луидоров?

Моряк расхохотался.

– Вы, верно, смеетесь надо мной, господин комендант, – сказал он.

– Вовсе нет, – нетерпеливо произнес майор, – вот вам доказательство, – прибавил он, вынимая из кармана горсть золота. – Я жду ответа.

– Вам известно, господин комендант, что десять луидоров – сумма порядочная для такого бедного человека, как я. И конечно, я вовсе не прочь заработать желтенькие. Что я должен сделать?

– Ах! Дело очень простое – нужно доставить меня на Сент-Онора, где мне хочется прогуляться.

– Это ночью-то? – удивленно спросил хозяин судна. Майор прикусил губу, понимая, что сказал глупость.

– Я большой любитель всего живописного и хочу полюбоваться видом монастырских развалин при лунном свете.

– У всех свои причуды, – пожал плечами хозяин судна, – и так как вы мне платите, господин комендант, то мне до этого нет никакого дела.

– Так и везите же меня на Сент-Онора. А потом, высадив на берег, ждите, не отплывая слишком далеко. Вы согласны?

– Вполне.

– Я очень люблю уединение и непременно хочу, чтобы никто из ваших людей не сходил на остров, пока я буду там.

– Весь экипаж останется на люгере, не беспокойтесь.

– Хорошо, вот деньги.

– Благодарю.

Легкий люгер понесся к острову Сент-Онора, мрачные очертания которого вырисовывались на горизонте.

Скоро легкое суденышко оказалось рядом с островом. Хозяин велел лечь в дрейф и спустить шлюпку на воду.

– Господин комендант, – сказал он, почтительно снимая шляпу и останавливая майора, который ходил взад и вперед по палубе, – шлюпка ждет вас.

– Уже? Прекрасно!

В ту минуту, как майор спускался в шлюпку, хозяин люгера остановил его:

– Есть у вас пистолет?

– Пистолет? – переспросил майор, обернувшись. – Зачем? Ведь этот остров необитаем.

– Абсолютно.

– Стало быть, я не подвергаюсь никакой опасности.

– Ни малейшей. Я задал вопрос совсем не потому.

– Почему же?

– Сейчас темно, луны нет, в десяти шагах невозможно ничего разглядеть. Как же я узнаю, что вы вернулись на берег, если вы не предупредите меня сигналом?

– Да, правда! Как же быть?

– Вот пистолет. Он не заряжен, но на полке есть порох.

– Благодарю, – сказал майор, взяв пистолет и заткнув его за пояс.

Он спустился в шлюпку, и четыре сильных матроса взялись за весла.

– Счастливого пути! – крикнул хозяин люгера.

Майору показалось, что пожелание было произнесено насмешливым тоном, но он не придал этому никакого значения и стал всматриваться в очертания острова. Скоро нос шлюпки заскрипел по песку, – они добрались. Майор сошел на берег и, приказав матросам возвращаться на судно, двинулся вперед большими шагами, сразу исчезнув в темноте.

Однако вместо того, чтобы выполнять приказание, три матроса в свою очередь тоже сошли на берег и отправились вслед за майором, стараясь держаться так, чтобы их не было

заметно, а четвертый в это время спрятал шлюпку за узким рифом. После чего он с ружьем в руке снова вышел на берег и, устремил глаза в темноту, стал на одно колено в позе охотника, подстерегающего дичь.

Между тем майор продолжал свой путь в направлении развалин, величественный силуэт которых, начинавший уже вырисовываться на фоне темного неба, казался еще более таинственным из-за окружающего его мрака. Убежденный, что его приказание исполнено беспрекословно, – он не имел никакой причины не доверять хозяину люгера, всегда старавшемуся ему угодить, – майор шел, не оборачиваясь, не принимая никаких мер предосторожности, которые он считал ненужными, и совершенно не подозревал, что несколько человек следовали за ним и наблюдали за всеми его действиями. По легкости, с какой майор находил дорогу в темноте, нетрудно было догадаться, что он не в первый раз посещает это место, казавшееся столь уединенным.

Пробравшись через развалины монастыря, де л'Урсьер вступил в монастырскую церковь, великолепный образец чистейшего римского стиля. Купол церкви обрушился, среди разбитых колонн видны были только хоры и клирос.

Внимательно осмотревшись, будто ожидая увидеть кого-то, майор решился наконец три раза хлопнуть в ладоши. В тот же миг в двух шагах от него возникла человеческая фигура. Появление ее было таким внезапным, что майор вздрогнул и сделал шаг назад, быстро положив руку на эфес шпаги.

– А-а! Что ж вы так испугались? – насмешливо спросил незнакомец. – Уж не принимаете ли вы меня за привидение?

Незнакомец был закутан в толстый плащ, складки которого полностью скрывали его, а шляпу с широкими полями он опустил так, что лицо его решительно нельзя было увидеть. Только ножны длинной рапиры, приподнимающие плащ, показывали, что, кто бы ни был этот человек, он пришел на встречу не безоружным.

– Я к вашим услугам, милостивый государь, – сказал майор, поднося руку к шляпе, но не снимая ее.

– И без сомнения, готовы мне служить, – улыбаясь, произнес незнакомец.

– А это смотря по обстоятельствам, – невежливо ответил майор, – времена изменились.

– Та-ак! – сказал незнакомец все с той же насмешкой. – И что же нового? Очень хотелось бы узнать.

– Вы и сами все прекрасно знаете.

– Все равно скажите мне, что же это за важные новости вдруг изменили наши дружеские отношения?

– Нечего тут насмехаться. Я вам служил – вы мне платили, мы квиты.

– Может быть… Но продолжайте. Вы мне хотите предложить, вероятно, какое-то новое условие?

– Я ничего не хочу вам предлагать, я пришел, потому что вы изъявили желание меня видеть, вот и все.

– А вашим пленником вы все еще довольны?

– Больше прежнего. Этот очаровательный молодой человек, конечно же, не заслуживает своей несчастной участи. Я искренне сочувствую ему.

– Черт побери! Стало быть, все обойдется дороже… Я не учел вашего сочувствия и вижу, что ошибся.

– Что вы хотите сказать? – вскричал майор, приняв обиженный вид.

– Именно то, что говорю. Вы не обманете меня вашей внезапной совестливостью. Вот уже полтора года вы тянете деньги с двоих. Кардинал умер и король при смерти – вот что вы хотите мне сообщить, не правда ли? Грядет новое царствование, и вполне вероятно, что из духа противоречия новое правительство пойдет наперекор предшествовавшему и первое, что

оно сделает, – раскроет темницы. Вы хотели мне сказать еще, что граф де Бармон, имеющий при дворе преданных друзей, скоро должен быть освобожден. Я знаю все это так же хорошо, как вы, и даже лучше вас, но что мне за дело!

– Как – что за дело?

– Конечно, если у графа де Бармона есть преданные друзья, то есть также и смертельные враги. Запомните это хорошенько.

– Ну и что же из того?

– А то, что через четыре дня вы получите приказ, подписанный самим Людовиком Тринадцатым.

– Что же будет значиться в этом приказе?

– О боже мой! Так, ничего особенного, просто-напросто граф будет немедленно переведен с острова Сент-Маргерит в Бастилию, а тот, кто попадает в Бастилию, – голос незнакомца зазвенел такой злобой, что майор невольно вздрогнул, – навсегда вычеркивается из числа живых. Он выходит оттуда или мертвым, или сумасшедшим. Понимаете ли вы меня теперь?

– Да, я понимаю. Но откуда вам знать, не убежит ли граф за эти четыре дня, о которых вы говорите?

– О! При таком коменданте, как вы, эта случайность кажется мне невероятной.

– Э-э! Рассказывают весьма необыкновенные вещи о побеге пленников…

– Но меня одно успокаивает относительно этого побега.

– Что же?

– Граф сам объявил, что не согласится никогда бежать и не хочет быть свободным.

– Вы ошибаетесь, теперь он передумал и хлопочет через своих друзей об освобождении.

– А-а! Вот оно что! – сказал незнакомец, и его глаза молнией сверкнули в темноте.

Комендант поклонился. Наступило молчание, во время которого не слышалось другого шума, кроме полета ночных птиц.

– Прекратим пустую болтовню, – сказал незнакомец твердо, – сколько вы хотите за то, чтобы пленник не убежал до получения приказа короля?

– Двести тысяч, – быстро ответил майор.

– Не правда ли, я был прав, когда сказал, что все обойдется дорого? – насмешливо заметил незнакомец.

– Дорого или нет, а это моя цена, и я ничего не сбавлю.

– Хорошо, вы получите эти деньги.

– Когда?

– Завтра.

– Это слишком поздно.

– Что? – надменно спросил незнакомец.

– Я сказал, что это слишком поздно, – невозмутимо повторил майор.

– Когда же вы хотите их получить?

– Сейчас.

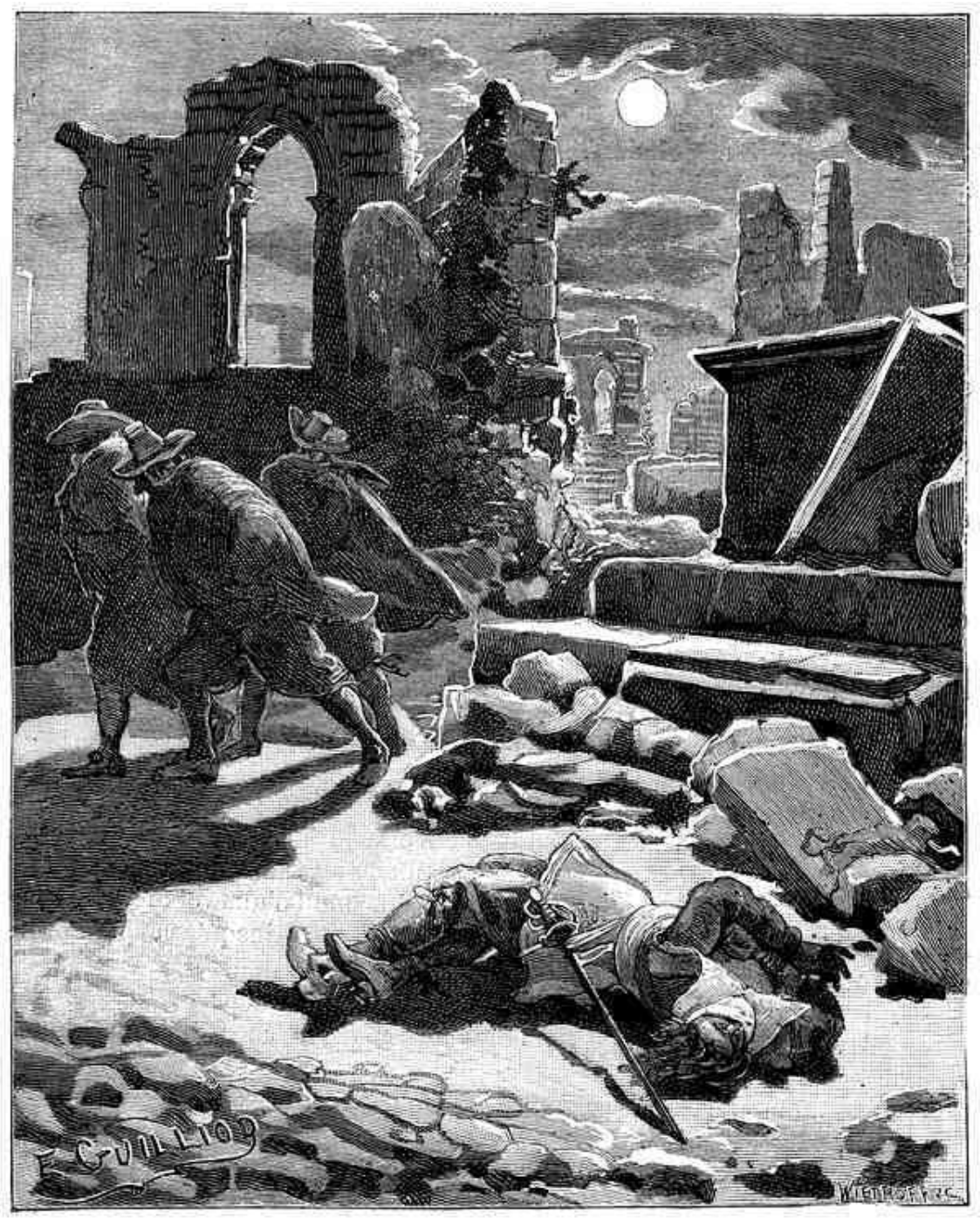
– Неужели вы думаете, что я ношу при себе двести тысяч?

– Я этого не говорю, но я могу отправиться с вами в Антиб, где вы и отсчитаете мне всю сумму.

– Все бы хорошо, если бы не одно обстоятельство.

– Какое же?

– Если я вам назначил свидание здесь, если я прихожу сюда переодетый и один, то, вероятно, у меня есть на то причины.



– Причины остаться неизвестным…
– Вы очень проницательны. Однако мы можем договориться.
– Не вижу, каким образом, если только вы не согласитесь на мое требование.
– Вы знаете толк в брильянтах.
– Знаю немного.
– Этот брильянт стоит сто тысяч экю, возьмите.
Он подал футляр из черной шагреневой кожи. Майор быстро схватил его.
– Но каким образом я удостоверюсь, что вы не обманываете меня?
– Как вы недоверчивы! – рассмеялся незнакомец.
– Дела должны оставаться делами. Я рискую своей шкурой, чтобы услужить вам.

– О вашей шкуре не беспокойтесь. На этот счет вам нечего бояться. Но я исполню ваше желание.

Вынув из-под плаща фонарь, он направил свет на брильянт. Майору было достаточно одного взгляда, чтобы удостовериться в размерах награды, назначенной ему.

– Вы довольны? – спросил незнакомец, пряча фонарь.

– Вот доказательство, – ответил майор, забирая футляр и подавая незнакомцу связку бумаг.

– Что это? – спросил незнакомец.

– Бумаги, очень важные для вас. Вы почерпнете из них сведения о друзьях графа и о средствах, к которым они могут прибегнуть, чтобы вернуть ему свободу.

– Право, – вскричал незнакомец, с живостью схватив бумаги, – я не жалею, что так дорого заплатил за ваше содействие! Теперь мы все сказали друг другу.

– Похоже.

– Прощайте же! Когда вы мне понадобитесь, я вас предупрежу.

– Вы уже уходите?

– Что еще делать в этом совином гнезде? Кажется, пора каждому из нас возвращаться к тем, кто его ждет.

Махнув майору рукой, незнакомец повернулся, чтобы уйти. Но, как только он оказался за развалинами алтаря, его схватили несколько человек, схватили так быстро, что он не только не смог защититься, но и очутился связанным и с кляпом во рту, прежде чем успел опомниться от удивления. Не произнеся ни звука, нападавшие исчезли в темноте, оставив его кататься по земле в бессильной ярости.

Майор тем временем шел к берегу. Там, по совету Нико, он выстрелил из пистолета в воздух. Шлюпка подплыла, майор сел в нее и через двадцать минут снова очутился на судне, где Нико почтительно принял его, держа шляпу в руке. Шлюпку подняли, люгер распустил паруса и поплыл с попутным ветром.

Глава X
Люгер «Чайка»

Люгер «Чайка» имел водоизмещение девяносто тонн, а четыре пушки делали его больше похожим на пиратский корабль, чем на мирное каботажное судно. Уже около года этот легкий люгер курсировал вдоль берегов Прованса и Леринских островов, и ничего худого о нем никогда не говорили. Хозяин этого судна, Нико, слыл честным и добрым малым, хотя немного грубым и задиристым. Эти недостатки, присущие, впрочем, почти всем морякам, нисколько не уменьшали доброй славы, которой пользовался командир «Чайки».

Майор де л'Урсьер по прибытии на люгер тотчас отправился в каюту и, открыв дверь, с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть от удивления. В каюте находился человек. Он сидел за столом, небрежно потягивая ром, смешанный с водой, и курил огромную трубку, пуская вокруг себя огромные облака синеватого дыма, ореолом клубившиеся над его головой. В этом человеке майор узнал Мигеля Баска, рыбака. После секундного замешательства майор вошел в каюту. Присутствие этого человека на люгере выглядело довольно странным, однако майор не имел никакой причины предполагать, что Мигель Баск относится к нему враждебно и его следует опасаться.

Поднося к губам стакан, Мигель сказал насмешливым тоном:

– Э! Да это, если не ошибаюсь, наш достойный комендант! Рад вас видеть, майор.

– Скажите на милость, – ответил майор, подражая Баску, – да это наш Мигель! По какому случаю я застаю вас здесь, когда были все основания предполагать, что вы заняты в этот час рыбной ловлей?

– Ба-а! – сказал Мигель насмешливо. – Рыбу можно ловить везде, и здесь – не хуже, чем в другом месте… Что же вы не садитесь, майор, или вы боитесь унизиться, сев рядом с таким человеком, как я?

– С чего бы это? – ответил майор, присаживаясь.

– Вы не курите? – спросил Мигель.

– Нет, это развлечение для моряков.

– Это правда, майор, – но вы пьете, я полагаю?

Матрос наполнил до краев второй стакан и протянул майору:

– Ваше здоровье, майор. Уж вас-то я не ожидал увидеть здесь.

– Серьезно?

– Право, так.

– Ну, говоря откровенно, и я не думал вас здесь встретить.

– Вы с Сент-Онора?

– Вам это известно, коли вы здесь.

– Так это мы на вас потратили два часа, лавируя между островами, рискуя наткнуться на какой-нибудь риф, вместо того чтобы заниматься нашими делами?

– Как это – вашими делами? Разве вы заделались контрабандистом?

– Я занимаюсь всем, – лаконично отвечал Мигель Баск, снова наполняя свой стакан.

– Но за коим чертом вы здесь? – спросил майор.

– А вы? – ответил Мигель Баск вопросом на вопрос.

– Я… я… – в замешательстве начал майор.

– Вы колеблетесь, – с насмешкой продолжал матрос, – хотите, я скажу?

– И зачем же я здесь?

– Вы ездили на остров Сент-Онора любоваться природой, не так ли? – сказал Мигель с громким хохотом.

– Действительно, я всегда имел склонность ко всему живописному… Но я вспомнил, что забыл сказать Нико, где мне надо сойти на берег.

Он сделал движение, чтобы встать.

– Не нужно, – сказал матрос, жестом приказывая сидеть.

– Как же не нужно? Напротив, нельзя медлить…

– А я говорю, что вам придется пока посидеть, майор, – решительно перебил матрос, – мне надо поговорить с вами.

– Поговорить со мной?! – с изумлением вскричал майор.

– Так точно, – в голосе Мигеля Баска звучал сарказмом, – я должен вам сказать нечто очень важное. В вашей чертовой крепости это невозможно: там множество солдат и тюремщиков, которые, стоит вам нахмурить брови, схватят меня и без церемоний бросят в какую-нибудь яму, где и оставят гнить. Это очень неприятно, честное слово. Здесь гораздо удобнее, я не боюсь, что вы заключите меня в тюрьму, поэтому и хочу воспользоваться представившимся случаем высказать вам то, что у меня на сердце.

Майор не на шутку встревожился, еще не зная точно, чего именно должен опасаться. Уж слишком поведение матроса, который всегда был с ним вежлив до раболепия, казалось ему странным. Однако он не показал виду и, небрежно облокотившись о стол, сказал:

– Хорошо, поговорим, если вам так хочется, мой добрый Мигель. Спешить некуда.

Матрос чуть подвинул стул и очутился прямо напротив де л'Урсьера. Допив ром, он вдруг сказал, стукнув пустым стаканом о стол:

– Премилая у вас страсть, майор, ездить по ночам любоваться впотьмах развалинами монастыря, премилая страсть! К тому же, как я узнал, она вам приносит большие барыши.

– Что вы хотите сказать? – вскричал майор, побледнев.

– То, что говорю! Уж не верите ли вы в случайность, майор?

– Но…

– В случайность, по которой встретили меня здесь и по которой нашли на пустынном острове брильянт в триста тысяч? Ведь и та и другая случайности совершенно невозможны.

На этот раз майор и не пытался отвечать, он понял, что попался. Мигель продолжал насмешливым тоном:

– Конечно, действовать так, как это делаете вы, очень умно. Можно быстро разбогатеть, загребая обеими руками. Только ремесло-то это очень ненадежно.

– Вы меня оскорбляете, негодяй! – пролепетал майор. – Берегитесь, я позову…

– Полноте, – перебил матрос, – плевал я на ваши оскорбления. У меня есть занятие поважнее. А если вы хотите позвать кого-то – попробуйте. И вы увидите, что получится.

– Но это измена!

– Еще бы! Ведь мы все более или менее изменники! И вы изменник, и я изменник, это уж точно. Пустой разговор. Будет гораздо лучше, если мы вернемся к нашему делу.

– Говорите, – пробормотал майор с мрачным видом.

– Я хочу, чтобы у вас не оставалось никаких сомнений относительно того, что здесь происходит. Эй, Нико! – закричал он громко, слегка ударив стаканом по столу. – Иди сюда, приятель!

На лестнице раздались тяжелые шаги, и тотчас лукавое лицо Нико появилось в дверях.

– Что-то нужно? – спросил он, делая вид, будто не замечает присутствия майора.

– Да пустяк, – отвечал матрос, указывая на офицера, побледневшего от волнения, – хочу задать простой вопрос, чтобы доставить удовольствие этому господину.

– Говори.

– Кто теперь командует люгером «Чайка», в каюте которого мы находимся в данную минуту?

– Ты.

– И все на люгере, включая и тебя, обязаны мне повиноваться?

– Непременно, да еще и без малейшего возражения.

– Очень хорошо. Положим, Нико, я прикажу тебя схватить майора, привязать ему к ногам два ядра и бросить в море. Что ты сделаешь, приятель?

– Что я сделаю?

– Да.

– Я повинуюсь.

– Без возражений?

Нико пожал плечами.

– Приказываешь? – сказал он, протянув свою широкую руку к майору, который задрожал всем телом.

– Не будем торопиться, – ответил Мигель Баск, – возвращайся на палубу, но не уходи далеко. Вероятно, ты скоро мне понадобишься.

– Будь по-твоему, – ответил Нико и исчез.

– Теперь вы все узнали, господин майор, – сказал Мигель Баск, небрежно повернувшись к испуганному коменданту, – и начинаете понимать, что, как я ни ничтожен по сравнению с вами, однако, по крайней мере на время, вы находитесь в моей власти.

– Это так… – произнес майор слабым, дрожащим голосом.

– А раз так, я думаю, мы быстро поймем друг друга.

– Приступайте же к делу без дальнейших околичностей.

– Хорошо! – вскричал Мигель Баск. – Вот это мне нравится. Благоволите вручить мне брильянт, который ваш сообщник передал вам в развалинах.

– Это грабеж! Я был о вас лучшего мнения, – произнес майор презрительно.

– Называйте это как хотите, – хладнокровно возразил матрос, – слова ничего не значат, а брильянт отдайте.

– Нет, – ответил майор, – этот брильянт составляет все мое богатство, и вы получите его только вместе с моей жизнью.

– Это меня не остановит. Я вас убью, если будет нужно, а после возьму брильянт!

Он зарядил пистолет. Наступило молчание.

– Вы непременно хотите отнять у меня этот брильянт?

– И брильянт, и еще кое-что.

– Я вас не понимаю.

Матрос встал, приставил пистолет к груди майора и, нахмурив брови, сказал:

– Вы меня поймете.

Майор чувствовал, что погиб, – этот человек убьет его.

– Остановитесь, – пробормотал он.

– Так вы согласны?

– Да, – сказал майор прерывающимся от бешенства голосом и вынул из кармана футляр. – Возьми и будь проклят!

Мигель заткнул пистолет за пояс, раскрыл футляр и внимательно рассмотрел брильянт.

– Тот самый! – сказал он, закрыл футляр и спрятал в карман.

Несчастный комендант следил за его движениями тусклым взором. Мигель Баск сел на прежнее место, налил себе рому в стакан, выпил одним глотком и, откинувшись на спинку стула, принялся набивать трубку.

– Теперь поговорим, – заметил он.

– Как – поговорим? – спросил майор. – Разве мы еще не поговорили?

– Конечно нет! Гм! Как вы торопитесь. Мы еще ничего не сказали друг другу.

– Чего же еще вы хотите от меня?

– Это звучит как упрек. Но я приписываю его вашей досаде и не сержусь. Неприятно, когда человека, проведшего всю жизнь в бедности, вдруг лишили состояния, которого он наконец добился, причем лишили в одно мгновение. Выслушайте же меня, майор, – продолжал Мигель Баск, приняв добродушный вид и положив локти на стол, – состояние, которого вы лишились, легко будет вернуть, это зависит только от вас.

Майор вытаращил глаза, не зная, должен ли он верить словам матроса, но так как он ничем не рисковал, позволив Мигелю объясниться, то приготовился слушать с самым сосредоточенным вниманием. Его собеседник между тем продолжал:

– Не важно, как я узнал, но знаю наверняка – неопровержимым доказательством чему служит брильянт, – что, с одной стороны, вы притворялись, будто принимаете живейшее участие в судьбе графа де Бармона, у которого вы, не в упрек вам будь сказано, посредством этого притворного сострадания выманили значительную сумму денег, а с другой стороны, вы изменяли ему без стыда и совести, оказывая услуги его врагам, от которых также получали хорошую плату. И не станем задерживаться на этом, – сказал Мигель, движением руки останавливая майора, который хотел что-то сказать. – Видите ли, я вбил себе в голову, что, несмотря на интриги врагов, граф будет освобожден, и освобожден именно мною. Вот мой план – слушайте хорошенько, господин комендант, потому что дело это касается вас больше, чем вы, по-видимому, предполагаете… Граф узнал о смерти кардинала Ришелье. Это я передал ему известие в письме герцога де Бельгарда. Вы видите, я знаю все или почти все. Он тотчас попросил вас к себе, вы явились. О чем вы говорили? Говорите начистоту, я слушаю вас.

– Зачем мне пересказывать вам наш разговор? – насмешливо спросил майор.

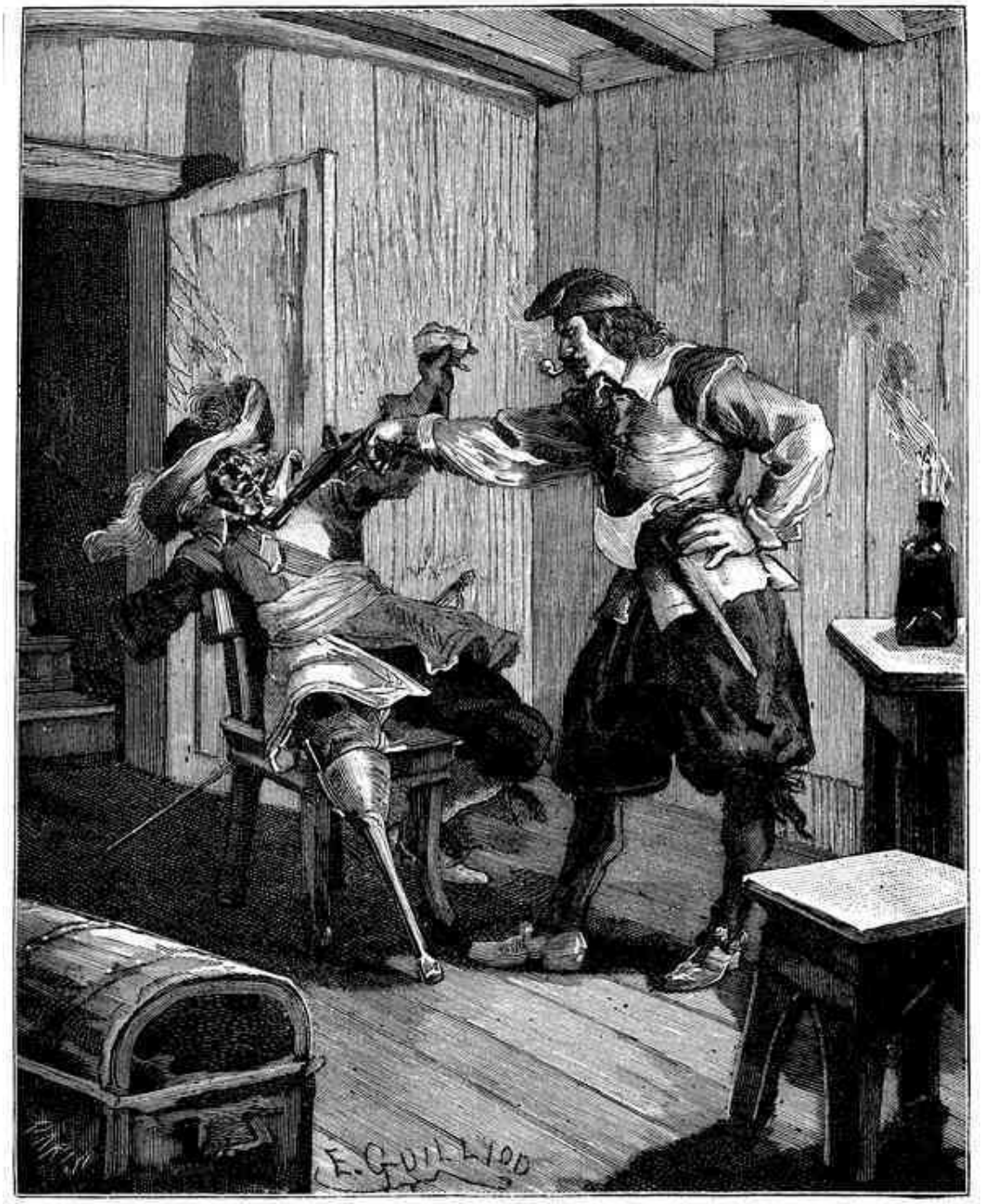
– Для моего личного удовольствия, – ответил Мигель, – и для вашей собственной пользы. Не спешите радоваться, майор, вы все еще в моих руках. Говорите, это в ваших же интересах.

– В моих интересах? – удивленно переспросил майор.

– Не беспокойтесь, когда придет время, я вам все объясню.

Старый офицер подумал и наконец решился говорить, дав себе слово, если представится случай, заставить матроса дорого поплатиться за причиненные беспокойство и унижение.

– Граф де Бармон, – начал комендант, – просил меня съездить в Париж для переговоров с герцогом де Бельгардом, чтобы привезти ему приказ об освобождении, который герцог должен был получить от короля.



– Хорошо. А когда же вы намеревались ехать в Париж?
– Я и уехал.
– А-а! – сказал Мигель, смеясь. – Вы, кажется, слегка заплутали в дороге. И это все?
– Почти.
– Гм! Стало быть, есть еще кое-что?
– Почти ничего.
– Все равно, говорите, я очень любопытен. Граф ничего вам не обещал?
– Обещал.
– Сколько?
– Пятьдесят тысяч, – нехотя сказал майор.

– Э-э! Сумма хорошая, а вы собирались заработать ее довольно странным образом. Но не будем об этом. А не желаете ли вы вернуть себе брильянт и к тому же получить пятьдесят тысяч, обещанные вам графом?

– Вы насмехаетесь надо мной?

– Напротив, никогда еще я не был так серьезен. До прибытия графа в крепость вы были бедным человеком, всю жизнь перебивались кое-как и, сидя, как сова на старой стене, на вашем острове, подвергались риску умереть без единого су. Вот уже года полтора, как ваши дела совершенно изменились. Из тех денег, которые вы выманивали у графа, и из тех, которые давали вам его враги, вы успели сколотить довольно кругленькую сумму. Предположим, вы получите пятьдесят тысяч от графа и я возвращу вам брильянт – это составит состояние совершенно независимое, позволяющее вам провести остаток жизни в радости и довольстве. Согласны вы на это?

– Конечно. Но пятьдесят тысяч я не получу, а брильянт вы у меня забрали.

– Это правда, но я уже говорил, что от вас, и только от вас, зависит опять получить его.

– Что же я должен сделать?

– Вот этого я и ждал от вас, майор! Стало быть, вы согласны вступить в переговоры?

– Я вынужден. Разве у меня есть выбор в данную минуту?

– Выбор есть всегда, стоит только захотеть, майор, и вы это знаете так же хорошо, как и я. Поскольку вы человек умный, то должны понимать, что, когда составишь себе состояние более или менее честными средствами, надо сохранить его во что бы то ни стало. Поэтому вы с большим вниманием будете выслушивать предложения, которые, как вы можете догадаться, я приготовился сделать вам.

– Да говорите же, наконец! А я решу, позволяет ли мне честь принять их, или я должен отказаться.

Мигель Баск рассмеялся в ответ на эту спесивую речь, которой майор старался замаскировать свое согласие.

– Вместо того чтобы ехать в Париж, – сказал Мигель Баск, – возвращайтесь на Сент-Маргерит, ступайте к графу, скажите ему, что он свободен, и вместе с ним вернитесь на люгер, который будет вас ждать. Когда вы с графом окажетесь на люгере, мы снимемся с якоря, и тогда я возвращу вам брильянт, отсчитаю пятьдесят тысяч, а так как вы, без сомнения, не захотите после этого вновь принять начальство над крепостью, я доставлю вас и ваше богатство, куда вам будет угодно, туда, где вы сможете наслаждаться им без опасения.

– Но что я скажу графу, – заметил майор, – чтобы убедить его, будто он освобожден по приказу короля?

– Это меня не касается. Это ваше дело, черт побери! Вы обижаете себя, любезный майор, заставляя меня сомневаться в силе вашего воображения. Ну? Принимаете ли вы мое предложение?

– Кто докажет, что вы меня не обманываете и что, когда я выполню все свои обязательства, вы так же строго выполните и ваше?

– Даю слово честного человека. Пусть я и простой матрос, но мое слово стоит слова дворянина.

– Допустим… – ответил майор и опустил глаза под сверкающим взглядом Мигеля.

– Итак, решено?

– Да.

– Хорошо. Эй, Нико! – закричал Мигель Баск.

Хозяин люгера явился с быстротой, доказывавшей, что он в продолжение всего разговора находился поблизости.

– Я здесь.

– Где мы сейчас находимся? – спросил Мигель Баск.

– В пяти милях от Сент-Маргерит.

– Хорошо. Будем держаться здесь до рассвета. На восходе солнца подплывем к острову.

– Хорошо.

– Господин комендант, кажется, желает немножко отдохнуть. Не можешь ли ты разместить его где-нибудь, чтобы он мог поспать часа три-четыре?

– Ничего не может быть легче. Спать нынешней ночью мне не придется, так же как, впрочем, и тебе. Стало быть, моя каюта в распоряжении господина майора, если ему будет угодно.

Комендант действительно чувствовал себя разбитым, и не только от усталости, но и от пережитого за этот вечер волнения. Уверенный, что ему нечего опасаться, он без церемоний принял предложение хозяина люгера и ушел в каюту, дверь которой Нико вежливо распахнул перед ним.

Оба моряка вернулись на палубу.

– На этот раз, – сказал Мигель Баск, – кажется, мы все придумали хорошо и наш план удастся.

– Готов согласиться с тобой! А все-таки с этим старым бакланом трудно было справиться!

– Не так уж и трудно, – рассмеялся Мигель, – кроме того, у него не было выбора. Волей-неволей он должен был согласиться.

Как и было решено, всю ночь люгер крейсировал на расстоянии пяти миль от берега. С восходом подошли к острову. Возле берегов ветер стих, так что потребовалось довольно много времени для того, чтобы судно вошло в гавань. Там люгер лег в дрейф. Нико спустил шлюпку, а Мигель Баск отправился в каюту предупредить майора.

Комендант уже проснулся. Освеженный сном, он смотрел теперь на все более трезво и понимал, что предложенный ему способ выйти из затруднительного положения, в которое он сам себя от жадности поставил, был для него даже выгоден. Почти весело поздоровался он с Мигелем Баском, без всякого внутреннего сопротивления пожал руку, протянутую ему, и спросил:

– Где мы теперь?

– Мы на месте, майор.

– Уже? Не кажется ли вам, что немного рано выходить на берег?

– Уже девять часов.

– Так поздно? Черт побери! Кажется, я неплохо поспал. Я чувствую себя отлично.

– Тем лучше, это хороший знак. Вы помните все наши договоренности, не правда ли?

– Конечно.

– И вы исполните их добросовестно?

– Даю вам честное слово и, что бы ни случилось, сдержу его.

– Мне приятно слышать это. Вы, кажется, лучше, чем мне поначалу показалось.

– Ба-а! – рассмеялся майор. – Вы меня еще не знаете!

– Шлюпка готова. Идемте.

– Вперед. Теперь я так же тороплюсь закончить это дело, как и вы.

Майор спустился в шлюпку, которая тотчас направилась к берегу. С сильно бьющимся сердцем Мигель, стоя на палубе, тревожно провожал взглядом легкую шлюпку.

Глава XI
Прощай, Франция!

Как только майор де л'Урсьер сошел на остров Сент-Маргерит, в крепости поднялся переполох. Накануне, оставляя остров, комендант объявил, что отсутствие его продлится неделю, а может быть, и все две. Помощник его, капитан, которому он передал командование на время своего отсутствия, поспешно бросился навстречу майору, горя любопытством узнать причину столь скорого возвращения.

Поначалу майор отвечал уклончиво, мол, известия, полученные им в дороге, заставили его немедленно вернуться. Беседуя таким образом, они вошли в крепость, и майор в сопровождении помощника отправился прямо в свой кабинет.

– Милостивый государь, – сказал он, как только они остались одни, – немедленно выберите из гарнизона десять решительных человек. Поручение, которое я даю вам, весьма ответственное. Исполнение его может принести вам большие выгоды. Но все должно оставаться в глубочайшем секрете. Это государственная тайна.

Капитан с признательностью поклонился. Очевидно, ему было лестно доверие начальника. Майор продолжал:

– Велите высадить себя на берег немного ниже Антиба и придержите лодку, она понадобится вам для возвращения. Устройте все таким образом, чтобы войти в город ночью, не привлекая к себе внимания. Разместите ваших людей, как считаете нужным, не возбуждая их недоверия, но так, чтобы иметь их под рукой в любую минуту. Завтра, в десять утра, явитесь к губернатору, вручите ему письмо, которое я вам дам, и будьте готовы исполнить его распоряжения. Вы поняли меня?

– Совершенно, господин комендант.

– Подчеркиваю, я прошу вас соблюдать величайшую осторожность. Помните – от успеха этого поручения, вероятно, зависит ваша карьера.

– Полностью повинуюсь вам, господин комендант. Я надеюсь, что по возвращении я получу от вас только похвалы.

– Надеюсь… Ступайте же. Вам надо выйти через полчаса. Пока вы собираетесь, я напишу письмо.

Капитан, почтительно поклонившись, удалился в самом лучшем состоянии духа и пошел готовиться к отъезду, не имея ни малейшего представления об измене, замышляемой майором.

Под начальством майора де л'Урсьера был гарнизон из пятидесяти солдат, подчиненных трем офицерам, одному капитану и двум поручикам. И этот самый капитан, помощник де л'Урсьера, мог оказаться помехой в исполнении задуманного плана, – коменданту пришлось бы придумывать, как объяснить подчиненному отсутствие письменного приказа об освобождении графа. После удаления капитана с майором оставались лишь два офицера, которые, в силу незначительности занимаемых ими постов, не могли позволить себе никаких сомнений в действиях начальства и не рискнули бы не исполнять приказаний, тем более что де л'Урсьер за все десять лет на должности коменданта крепости ни разу не подал ни малейшего повода к оскорбительным для его чести предположениям.

Вынужденный обстоятельствами изменить долгу и навсегда удалиться за пределы отечества, майор хотел извлечь из своего неприятного положения максимальную выгоду. А предпринятые им меры предосторожности позволяли надеяться, что, когда измена его откроется, сам он будет уже находиться вне всякой опасности.

При этом майор не лишен был похвального чувства справедливости, весьма неожиданного в таком человеке и при подобных обстоятельствах: он не хотел, чтобы другие разделили

с ним тяжесть его предательства, не хотел навлекать подозрений в сообщничестве на бедных офицеров, которые обязаны были повиноваться ему по долгу службы.

Он написал губернатору Антиба подробное письмо, где рассказал о задуманной им измене, которая уже свершится, когда губернатор прочтет это послание. В письме он изложил причины, вынуждающие его действовать подобным образом, взяв на себя всю ответственность за этот поступок и полностью снимая со своих офицеров и солдат подозрения не только в каком-либо соучастии, но и в осведомленности, даже косвенной, о своих намерениях.

Исполнив эту обязанность, майор запечатал письмо и оставил его на столе в ожидании возвращения своего помощника. Теперь де л'Урсьеру уже нельзя было отступать – надо было во что бы то ни стало идти вперед и преуспеть в задуманном. Крах составленного плана был чреват верной гибелью. Эта мысль избавила майора от последних сомнений и вернула ему спокойствие, необходимое для того, чтобы действовать хладнокровно, то есть в соответствии с обстоятельствами, в которые он попал.

Вошел капитан:

– Я готов, господин комендант. Солдаты уже находятся в рыбачьей лодке. Через десять минут мы покинем остров.

– Вот и письмо, которое вы должны отдать в собственные руки губернатору Антиба. Помните мои инструкции?

– Я исполню их в точности.

– Итак, прощайте! Да хранит вас Господь! – сказал майор, вставая.

Офицер поклонился и вышел. Майор, стоя возле приоткрытого окна, провожал взглядом капитана до тех пор, пока тот, выйдя из крепости, не сел в рыбачью лодку, которая тут же подняла парус и поплыла при попутном ветре.

– Уф! – выдохнул облегченно майор, закрывая окно. – С одним делом покончено, теперь перейдем к другому.

Но прежде старый офицер, запершись в комнате, стал жечь одни бумаги, откладывая другие, потом он сложил кое-какие вещи в легкий саквояж. Взять с собой надо было только самое необходимое, иначе можно было возбудить подозрения. Старательно упрятав под плащом небольшую железную шкатулку, очень тяжелую и, вероятно, набитую деньгами, он отпер дверь и позвал дежурного. Солдат явился.

– Попроси сюда поручиков де Кастэ и де Мерсея, мне нужно поговорить с ними, – сказал майор.

Поручики немедленно явились, весьма заинтересованные столь неожиданной аудиенцией: комендант не имел привычки беседовать со своими офицерами.

– Господа, – сказал он, отвечая на их поклон, – приказ короля заставил меня поспешно вернуться, чтобы доставить нашего заключенного, графа де Бармона, в Антиб, куда уже отправился ваш капитан с конвоем, достаточным для того, чтобы пресечь всякую попытку к бегству со стороны заключенного. Я действовал таким образом потому, что королю угодно, чтобы этот переезд графа из одного места в другое выглядел внешне как освобождение заключенного. На время моего отсутствия, которое продлится не более двух дней, вы, господин де Кастэ, как старший по чину, должны принять командование крепостью. Я не сомневаюсь, господа, что вы справитесь со своими обязанностями.

Офицеры поклонились, а майор продолжил:

– Прикажите, чтобы заключенного привели ко мне. Я извещу его об освобождении, – тут майор позволил себе ухмылку, значения которой офицеры не могли понять, – а вы тем временем велите отнести все его вещи в шлюпку контрабандистского люгера, на котором я вернулся. Ступайте, господа.

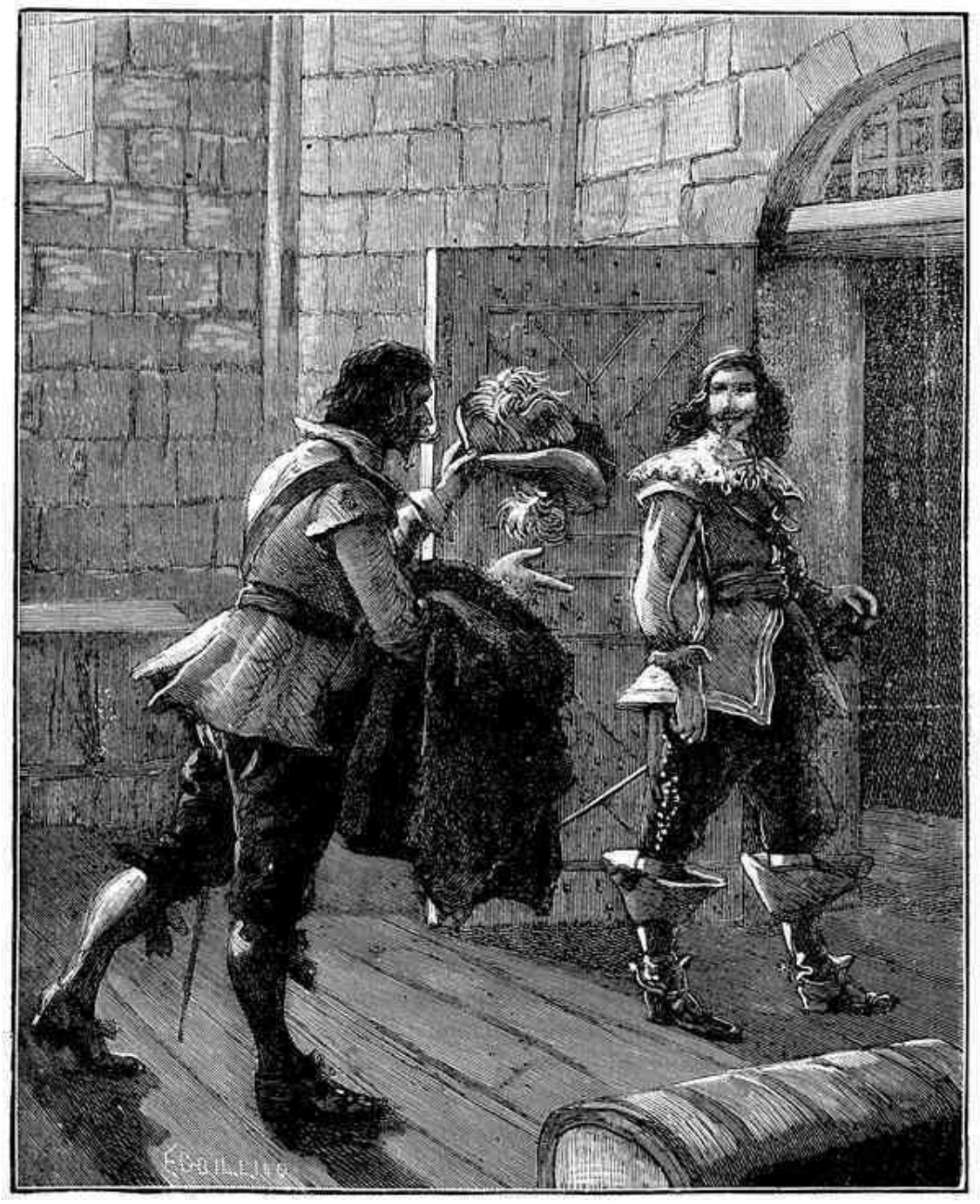
Граф де Бармон очень удивился, когда Ла Гренад отворил дверь его тюрьмы и пригласил следовать за ним, пояснив, что его хочет видеть комендант. Граф думал, что майор отправился

в Париж, как они условились накануне, и не понимал причины его появления в крепости после данного им торжественного обещания.

Еще одно обстоятельство крайне удивило графа: с тех пор как он был заключен в тюрьму, комендант никогда не требовал его к себе, а, напротив, всегда сам приходил к нему. Еще больше он удивился, когда Ла Гренад сказал, чтобы он уложил вещи в сундук и запер его на ключ.

– Но для чего эти нелепые предосторожности? – спросил граф.

– Всякое может случиться, – лукаво ответил тюремщик, – предосторожности никогда не помешают. На вашем месте я надел бы шляпу и взял плащ.



Солдат говорил и одновременно помогал графу укладываться.

– Шляпу-то я возьму, – засмеялся молодой человек, – а плащ к чему? Я не боюсь простудиться по дороге из тюрьмы до комнаты коменданта.

– Вы не хотите взять свой плащ?

– Конечно нет.

– Ну так его возьму я. Сами увидите, он вам понадобится.

Молодой человек молча пожал плечами и вышел. Тюремщик даже не потрудился затворить за ним дверь.

Майор ждал своего пленника, большими шагами расхаживая по комнате. Ла Гренад ввел графа, положил его плащ на стул и вышел.

– А-а! – рассмеялся майор. – Я вижу, вы обо всем догадались.

– О чем же я догадался, позвольте вас спросить, господин комендант?

– Ведь вы оделись по-дорожному?

– Это дурак Ла Гренад, не знаю почему, заставил меня надеть шляпу и непременно захотел принести сюда мой плащ.

– Он был прав.

– Почему?

– Граф, имею честь сообщить: вы свободны.

– Я свободен! – вскричал граф, побледнев от волнения.

– Король соблаговолил подписать приказ о вашем освобождении. Я получил его по приезде в Антиб.

– Наконец-то! – воскликнул граф. – Можете вы показать мне этот приказ?

– Извините, граф, но это запрещено.

– Почему же?

– Таков общий порядок.

– Хорошо, я не настаиваю. Но можете ли вы, по крайней мере, сказать мне, по чьей просьбе возвращена мне свобода?

– Не вижу к этому никаких препятствий. Вы освобождены по просьбе герцога де Бельгарда.

– Милый герцог – истинный друг! – с волнением вскричал граф.

Майор с величайшим хладнокровием подал графу перо и указал на пустое место в какой-то книге:

– Угодно вам подписать?

Граф быстро пробежал глазами свидетельство о том, что с ним хорошо обращались во время его заключения, и подписал.

– Теперь, – сказал он, – так как я свободен… ведь я свободен, не правда ли?

– Как воздух.

– Стало быть, я могу уйти! Мне кажется, эти мрачные стены меня душат. Я вздохну свободно только тогда, когда почувствую себя на воле.

– Понимаю вас. Я все подготовил, мы отправимся, когда вам будет угодно.

– Мы? – удивленно спросил граф.

– Да, граф, я поеду вместе с вами.

– Зачем?

– Чтобы оказать вам честь.

– Хорошо, – сказал граф с удивлением, – поедем вместе, но у меня здесь кое-какие вещи…

– Они уже отправлены. Идемте.

Майор взял свой саквояж и вышел в сопровождении графа.

– Я ведь вам говорил, что вам понадобится плащ, – сказал, кланяясь, Ла Гренад, когда де Бармон проходил мимо него. – Счастливого пути и успеха!

Майор и граф шли к берегу. Однако одно обстоятельство заставило графа нахмуриться: он заметил печаль на лице солдат и офицеров, наблюдавших за его отъездом. Они перешептывались между собой, указывая на него пальцем. Время от времени он украдкой посматривал на майора, тот казался спокойным и даже улыбался. Наконец они дошли до пристани. Майор посторонился, чтобы пропустить графа, и сел за ним в шлюпку.

Во время переезда с берега на люгер граф и майор молчали. Наконец они поднялись по трапу на палубу. Паруса были немедленно распущены, и люгер полетел по волнам.

– А-а! – вскричал де Бармон, заметив Мигеля Баска. – Раз ты здесь, я точно спасен!

– Надеюсь, – весело отвечал тот, – но пожалуйте, граф, мы должны переговорить.

Они спустились в каюту в сопровождении майора.

– Теперь мы можем говорить… Нам надо рассчитаться.

– Рассчитаться? – с удивлением переспросил граф де Бармон.

– Да. Начнем по порядку. Вы обещали майору пятьдесят тысяч?

– Обещал.

– И позволяете мне их отдать?

– Конечно!

– Хорошо, он получит их. Вы сдержали ваше обещание, – обратился Мигель к майору, – а мы так же честно сдержим наше. Вот, я возвращаю вам ваш брильянт. Деньги я сейчас вам отдам. Кажется, вы так же, как и мы, не желаете возвращаться во Францию.

– Совершенно не желаю, – отвечал майор, радуясь, что ему вернули брильянт.

– Где вы предпочитаете высадиться? Нравится ли вам Англия? Или вы предпочитаете Италию?

– Право, не знаю.

– Быть может, Испания? Мне все равно.

– Почему же не Португалия?

– Хорошо, мы оставим вас в Португалии.

Граф со все возрастающим удивлением слушал этот непонятный для него разговор.

– Что это значит? – спросил он наконец.

– Это значит, капитан, – ответил Мигель Баск, – что король вашего помилования не подписывал, вы пленник и, вероятно, остались бы в заключении на всю жизнь, если бы, к счастью, комендант не согласился освободить вас.

– Комендант! – вскричал граф, делая шаг к майору.

– Не спешите благодарить коменданта, – заметил Мигель Баск, – подождите, пока он вам не расскажет, как все случилось и каким образом он вынужден был освободить вас, хотя, быть может, предпочел бы не делать этого.

– Так говорите же! – Граф в гневе топнул ногой. – Объясните мне, наконец, что происходит! Я ничего не понимаю, слышите вы меня?!

– Он все расскажет вам, капитан. Просто он боится последствий своих признаний, поэтому и не решается начать.

Граф де Бармон презрительно улыбнулся:

– Этот человек не стоит моего гнева. Что бы ни случилось, я не стану ему мстить. Он прощен заранее, даю честное слово.

– Рассказывайте, майор, – сказал Мигель, – а я пока поднимусь на палубу к Нико, или, если вы предпочитаете, к Дрейфу, который довольно хорошо разыграл свою роль в этом деле.

Мигель вышел, майор и граф остались одни. Майор понял, что лучше откровенно во всем сознаться, и во всех подробностях поведал графу о своей измене. Рассказал он графу и о том, каким образом Мигель Баск вынудил его спасти своего капитана, когда, напротив, он, майор, получил плату за то, чтобы погубить его. Хотя имя герцога Пеньяфлора ни разу не было произнесено, граф, однако, угадал, что именно он наносил ему удары. Молодой граф де Бармон

был полон решимости, но все же глубина ненависти герцога Пеньяфлора, его мстительный макиавеллизм пугали его.

В подробном рассказе майора лишь одно обстоятельство осталось для графа неясным: каким образом Мигель Баск узнал о последней задумке его врага, и узнал как раз вовремя, чтобы расстроить ее?

На его вопросы майор не мог ответить ничего вразумительного.

– Ну как, теперь вам все известно? – спросил матрос, внезапно входя в каюту.

– Да, – ответил граф с некоторым оттенком грусти, – все, кроме одного обстоятельства.

– Какого же?

– Мне хотелось бы узнать, каким образом вы открыли так искусно составленный заговор.

– Очень просто, капитан. Вот в двух словах, как все было: Дрейф и я незаметно для майора следили за ним. Когда он вошел в развалины церкви, мы подслушали весь его разговор с незнакомцем. Мы видели, как майор отдал незнакомцу какие-то бумаги, и, едва незнакомец хотел скрыться, я бросился на него, схватил за горло и с помощью Дрейфа отнял эти бумаги…

– Где же они? – с живостью перебил граф.

– Я отдам их вам, капитан.

– Благодарю тебя, Мигель! Продолжай.

– Это все. Я связал незнакомца, заткнул ему рот кляпом и убежал.

– Как?! Ты убежал, бросив связанного человека на пустынном острове?!

– А что же я должен был делать, капитан?

– О! Может быть, лучше было бы его убить, чем оставлять в таком ужасном положении?

– А он-то уж как поступил с вами, капитан! Полноте, жалость к такому хищному зверю была бы глупостью с вашей стороны. Кроме того, черт всегда помогает своим подручным. Не беспокойтесь, я уверен, что он спасся.

– Как же?

– Ведь не вплавь же он добрался до Сент-Онора. Верно, его люди спрятались где-нибудь поблизости. Поняв, что он слишком долго не возвращается, они наверняка отправились на его поиски, так что ему пришлось проваляться на земле всего-то часа два или три.

– Предположим. Но куда ты нас везешь, Мигель?

– Здесь вы распоряжаетесь, капитан. Мы отправимся туда, куда вы скажете.

– Я скажу, но прежде высадим майора. Кажется, он так же желает освободиться от нашего общества, как мы – от его.

В эту минуту послышался голос Дрейфа:

– Мигель, нам навстречу идет большое судно!

– Черт побери! А флаг поднят?

– Поднят. Это норвежское судно.

– Вот прекрасный случай для вас, майор, – сказал граф.

– Эй, матрос! – закричал Мигель, не дожидаясь ответа майора. – Правь на норвежца!

Майор счел бесполезным протестовать. Через два часа оба судна подошли друг к другу. Норвежское судно направлялось в Хельсингборг, и капитан согласился взять еще одного пассажира. Майора посадили в шлюпку и переправили на норвежское судно.

– Теперь, капитан, – спросил Мигель Баск, когда шлюпка возвратилась, – куда держим путь мы?

– К Антильским островам, – печально ответил граф, – только там мы найдем убежище. – И, бросив взгляд на берега Франции, очертания которых начинали теряться в синеватой дымке, он прошептал с горестным вздохом: – Прощай, Франция!

В этих двух словах было сосредоточено все отчаяние, скопившееся в глубине сердца человека, истерзанного злополучной судьбой. Под натиском этого чувства он отправлялся требовать от Нового Света мщения, в котором так упорно отказывал ему Старый Свет.

Глава XII
Начало приключений

Семнадцатое столетие было переходным по отношению к той эре, которую великие мыслители восемнадцатого столетия должны были так великолепно утвердить. Благодаря политике неумолимого кардинала де Ришелье в обществе произошла эволюция, эволюция скрытая, которая подтачивала дело министра, хотя ни о причинах этой эволюции, ни о силе ее он вовсе не подозревал. Мир претерпел огромные изменения, ставшие явными во второй половине семнадцатого столетия.

Это было время, когда испанцы по праву сильного завладели большей частью Америки и создали там множество колоний. Они были властелинами морей, по которым еще не прошлась «голландская метла». Английский флот пока пребывал в стадии формирования. А французский флот, несмотря на все усилия Ришелье, еще не был создан.

И тут появились искатели приключений со всех концов света и всех сословий: от самого высокого до самого низкого. Особенно много среди них было французов. Слетевшись, словно хищные птицы, на неприметный островок в Атлантическом океане, эти авантюристы решили бороться против кастильского могущества и от своего имени объявили Испании беспощадную войну, нападая на испанский флот с неслыханной дерзостью. Как слепень, впившийся в бок льва, они язвили испанского колосса, мужеством и непреклонной волей вынуждая его считаться со своим присутствием.

За несколько лет отчаянные подвиги непрошеных гостей внушили такой страх испанцам и принесли авантюристам такую славу, что на остров со всех уголков света стали стекаться и люди, преследуемые судьбой, и просто искатели приключений. Остров служил им убежищем. Население его увеличивалось столь стремительно, что имело все шансы превратиться со временем в многочисленную и грозную нацию.

Скажем в нескольких словах, кто были эти люди и как началась их странная карьера. Для этого нам надо вернуться к испанским завоеваниям.

Впечатляющие открытия в Новом Свете дали возможность Испании просить у папы Александра VI буллу, отдававшую им в исключительную собственность обе Америки. Опираясь на эту буллу и считая себя единственными властителями Нового Света, испанцы захотели изгнать оттуда соперников. Все иностранные суда, которые они теперь встречали под обоими тропиками, испанцы стали считать корсарскими. Их могущество на море и важная роль, которую они играли тогда на Американском континенте, не давали возможности другим странам должным образом сопротивляться этой чудовищной тирании.

Тогда французские и английские арматоры, подстрекаемые жаждой наживы и не обращая внимания на испанские притязания, послали суда с вооруженными командами к этим богатейшим местам, чтобы захватывать испанские караваны, грабить американские берега и сжигать города. Когда с ними стали обращаться как с пиратами, смелые моряки стали действовать как пираты: они совершали гнусные поступки повсюду, где высаживались на сушу, они захватывали богатую добычу и, презирая международное право, не заботясь, находятся испанцы или нет в состоянии войны с той страной, гражданами которой они являлись, нападали на них повсюду, где только это было возможно.

Занятые своими богатыми владениями в Мексике и Перу, служившими для них источником неисчерпаемого богатства, испанцы допустили непростительную оплошность – прене-

брегли Антильскими островами, простирающимися от Мексиканского залива до залива Маракайбо[5], и устроили колонии только на четырех главных островах этого архипелага.

Скрываясь в маленьких бухтах, пользуясь изрезанностью береговой линии, авантюристы внезапно наскакивали на испанские суда, брали их на абордаж, после чего возвращались на сушу делить добычу. Испанцы, несмотря на огромный флот и усиленные конвои, не могли больше свободно плавать по Антильскому морю[6], которое авантюристы избрали сценой для своих подвигов. Испанские суда избегали ожесточенных схваток с флибустьерами, которые сделались почти неуловимыми благодаря небольшим размерам и легкости своих судов.

Флибустьерами, авантюристами, или морскими разбойниками, люди, для которых только жизнь странников и искателей приключений имела привлекательность и смысл, прозвали себя сами. Но мысль основать постоянное поселение на островах, служивших им временным приютом, долго не приходила им в голову.

Дела обстояли именно так до 1623 года, когда младший сын одного нормандского дворянина, носивший имя д'Эснамбюк, которому право старшинства не оставило надежды сколотить себе состояние никаким иным способом, кроме как приобрести его своим трудолюбием или мужеством, снарядил в Дьеппе бригантину водоизмещением семьдесят тонн, поставил на нее четыре пушки, собрал сорок решительных матросов и отправился гоняться за испанцами, стремясь встретить судно побогаче. Добравшись до Кайманов, островков, находящихся между Кубой и Ямайкой, он внезапно наткнулся на большой испанский корабль с тридцатью пятью пушками и с экипажем в триста пятьдесят человек.

Положение корсаров было отчаянное. Но д'Эснамбюк, не давая испанцам времени опомниться, атаковал их. Битва продолжалась три часа с неслыханным ожесточением. Дьеппцы дрались с такой яростью, что испанцы отчаялись их победить и, потеряв половину экипажа, первыми прекратили битву и позорно бежали. Однако сам корабль авантюристов сильно пострадал и едва мог держаться на воде. Десять человек из экипажа были убиты, другие получили тяжелые ранения.

Поблизости находился остров Сент-Кристофер. Д'Эснамбюк с превеликим трудом добрался до него и укрылся там, чтобы подлатать судно и вылечить раненых. Потом, посчитав, что для успеха его будущих набегов ему нужно надежное убежище, он решил поселиться на этом острове.

Остров Сент-Кристофер, названный когда-то индейцами-карибами Лиамнига, находится в двадцати трех милях от Антигуа и в тридцати милях от Гваделупы и входит в состав Малых Антильских островов. Остров замечательно красив. На нем возвышается гора Мизери – потухший вулкан высотой три тысячи пятьсот футов. Гора занимает всю северо-западную часть острова и плавно спускается уступами, на юге переходя в долину, где расположено небольшое селение, носящее название Нижняя Земля.

Бесплодные горы составляют разительный контраст с плодородными равнинами, которые покрыты необыкновенно богатой растительностью, между тем как горы представляют собой только нагромождение камней, все пространство между которыми сплошь заполнено глиной, удушающей всякую растительность. Воды мало, и она непригодна для питья, так как сильно пропитана солями, к которым люди привыкают с большим трудом. Но важно было не это, а то, что остров Сент-Кристофер имел две великолепные гавани, хорошо укрытые и легко защищаемые, а его извилистые берега служили хорошим убежищем для легких флибустьерских судов.

Высадившись на берег, д'Эснамбюк встретил нескольких французов, живших в согласии с коренным населением – индейцами-карибами. Эти французы не только приняли его с распростертыми объятиями, но даже присоединились к нему и выбрали его своим командиром.

---

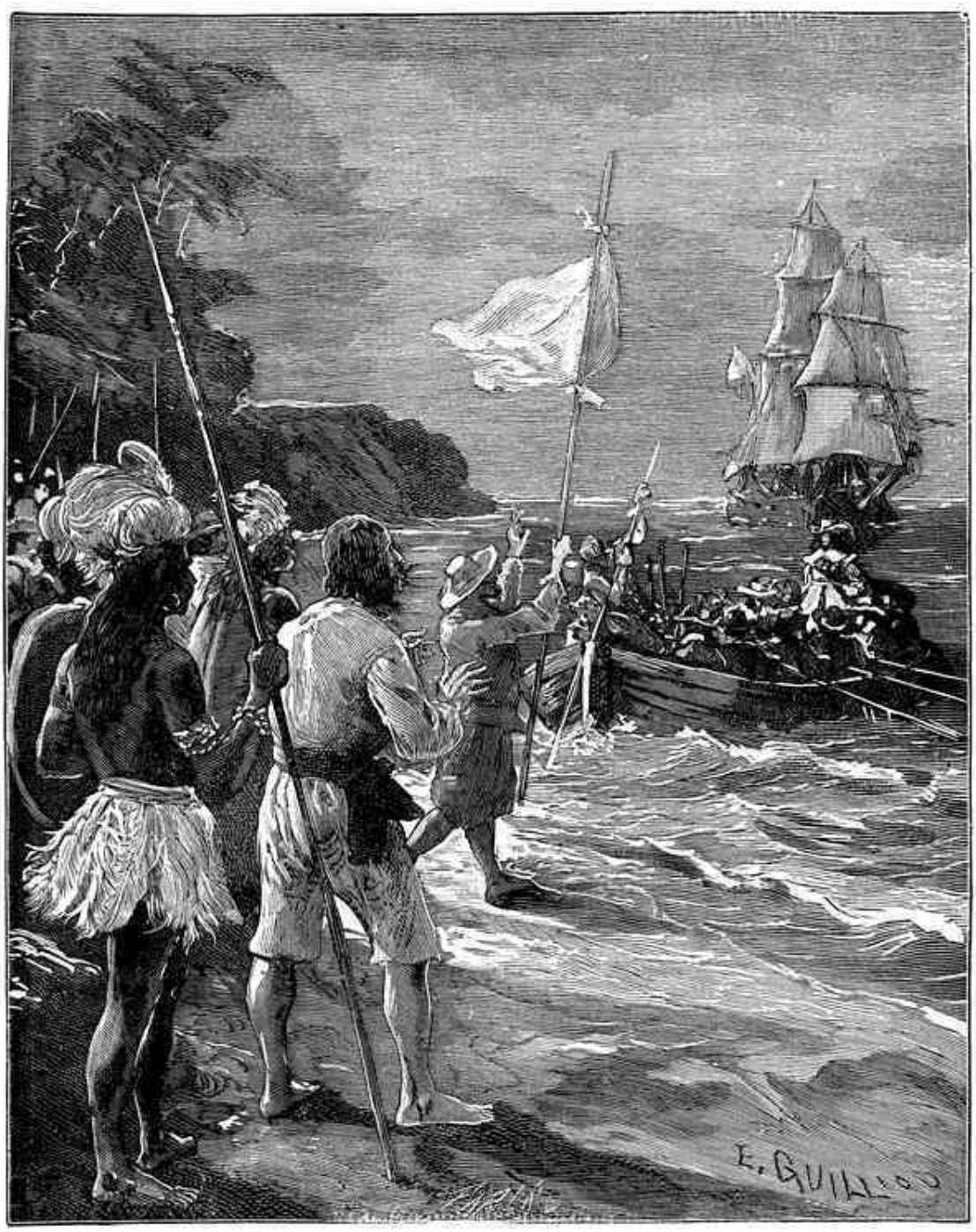
[5] Речь идет о Венесуэльском заливе.

[6] Ныне – Карибское море.

По странной случайности в тот самый день, когда дьеппцы пристали к острову Сент-Кристофер, английские флибустьеры под командой капитана Уорнера, также пострадавшие в битве с испанцами, укрылись на другой стороне острова. У французских и английских корсаров была одна общая цель – сражаться с испанцами и создать убежище, где можно скрываться от врага. Поэтому договориться им было легко. Они поделили остров, поселились рядом и жили в добром согласии, которого ничто не нарушало. Они даже объединили свои силы против индейцев-карибов, которые, испугавшись быстрого роста нового поселения, пытались прогнать приезжих. Флибустьеры напали на них и заставили просить пощады.

Через несколько месяцев Уорнер и д'Эснамбюк отправились первый в Лондон, второй в Париж, чтобы просить разрешения своих правительств на основание новой колонии. Так бывает, что люди, сначала искавшие лишь временного убежища, захотели, чтобы поселение, основанное ими, продолжало расти и развиваться.

Кардинал Ришелье, всегда расположенный покровительствовать планам, ведущим к усилению могущества Франции, принял флибустьера с большим почетом, исполнил его просьбу и для разработки земель в колонии основал компанию, названную Компанией Американских островов. Капитал общества состоял из сорока пяти тысяч ливров, а Ришелье со своей стороны подписался на десять тысяч. Д'Эснамбюк был назначен главой колонистов.



Среди перечня обязанностей, связанных с его должностью, мы должны упомянуть один странный пункт. Согласно этому пункту белые в Америке подвергались временному рабству, еще более жестокому, чем рабство негров. Вот этот пункт, гибельные последствия которого обнаружатся в дальнейшем:

«Никакой работник не может быть принят в колонию, если не обяжется остаться на срок в три года на службе у компании, которая будет иметь право использовать его на всех работах, какие ей покажутся необходимыми, и он не будет иметь права жаловаться или нарушать условия договора, заключенного им».

Этих работников назвали *обязанными* – приличное название для рабов.

Обратное путешествие нового губернатора окончилось плачевно. Корабль, непрерывно терзаемый бурями, добрался до острова только с несколькими умирающими членами команды. Остальных погубили болезни.

Капитану Уорнеру посчастливилось больше: он возвратился со множеством новых колонистов. Некоторое время между двумя колониями царило доброе согласие, но англичане, которых было больше, воспользовались тем, что французы по своей малочисленности не могли им воспротивиться, и основали новое поселение на острове Невис, соседнем с Сент-Кристофером. Однако д'Эснамбюк не отчаивался, он верил в будущее французской колонии и снова отправился просить у кардинала помощи людьми и деньгами, чтобы потеснить своих беспокойных соседей.

Ришелье ответил на его просьбу. По приказу кардинала командир эскадры де Кюссак прибыл к острову Сент-Кристофер с шестью большими, хорошо вооруженными кораблями. Он застал на рейде десять английских судов, три из них захватил, три потопил, а остальные обратил в бегство. Испуганные англичане старались больше не выходить за границы своей территории, и мир восстановился. Де Кюссак, обеспечив колонию людьми и съестными припасами, отправился основывать поселение на острове Синт-Эстатиус, в четырех милях от Сент-Кристофера.

Между тем испанцы, и без того страдавшие от набегов флибустьеров, с чрезвычайным беспокойством смотрели на их постепенное воцарение в американских морях и на Антильских островах. Они поняли: если они не хотят, чтобы их колонии были уничтожены, а торговля замерла, важно не позволять флибустьерам основывать долговременные и хорошо укрепленные поселения в этих местах. Поэтому они задумали принять решительные меры против тех, кого они считали пиратами, и навсегда уничтожить их разбойничьи гнезда, ставшие со временем грозной силой. Вот тогда адмирал дон Фердинанд Толедо, которого мадридский двор назначил командующим сильной флотилией и направил в 1630 году в Бразилию сражаться с голландцами, получил приказ уничтожить по пути поселения, основанные флибустьерами на острове Сент-Кристофер.

Внезапное появление мощной армады кораблей испугало обитателей острова. Даже объединенных сил французских и английских авантюристов, их отчаянного мужества было недостаточно для того, чтобы избежать опасности и отразить такое грозное нападение. В результате ожесточенной битвы множество флибустьеров, особенно французских, было убито. Остальные сели в легкие пироги и укрылись на соседних островах.

К сожалению, мы вынуждены сказать, что англичане постыдно бежали в самом начале сражения, а потом и вовсе решили капитулировать. Половина сдавшихся была отослана в Англию на испанских кораблях, остальные обязались убраться с острова как можно скорее. Это обещание, естественно, было забыто тотчас после отбытия испанского флота. Впрочем, эта экспедиция была единственной серьезной мерой, предпринятой испанцами против флибустьеров.

Французы покинули острова, на которых прятались, и возвратились на Сент-Кристофер. Там они вновь поселились, подравшись прежде с англичанами и заставив их вернуться в прежние границы, потому что те, воспользовавшись случаем, захватили французские земли.

Чтобы доказать, что флибустьеры были не разбойниками, как их старались представить, расскажем лишь следующее: жители острова Сент-Кристофер выделялись среди всех колонистов кротостью нрава и вежливостью обращения. Предания о вежливости первых французов, поселившихся там, сохранились до позднейших времен. В восемнадцатом столетии Сент-Кристофер называли Кротким островом, а на Антильских островах бытовала пословица: «На Сент-Кристофере живут дворяне, на Гваделупе – мещане, на Мартинике – солдаты, на Гренаде – чернь».

Довольно долго дела оставались в том положении, которое мы описали. Флибустьеры, поощряемые испанской трусостью, делались все смелее. Они расширили арену своих подвигов и еще больше возненавидели испанцев. А те, в свою очередь, заклеймили их ворами. На легких пирогах, составлявших весь их флот, флибустьеры подстерегали богатые корабли, плывшие из Мексики, решительно нападали на них и возвращались на Сент-Кристофер с добычей.

Колония процветала, земли на ней обрабатывались с усердием. Эти люди, в сердцах которых не оставалось никакой надежды возвратиться на прежнюю родину, совершали свои подвиги с лихорадочной поспешностью людей, укрепляющих могущество родины новой. И уже через несколько лет после нападения испанцев остров Сент-Кристофер снова сделался цветущей колонией – благодаря плодородию земли, энергии и смышлености жителей, но в особенности благодаря непрерывному труду обязанных работников компании.

Теперь настала пора рассказать, на какую участь были обречены эти несчастные люди, попавшие к колонистам. Мы сказали выше, что компания посылала на острова людей, нанимаемых ею на три года. Все годились для найма: крестьяне, ремесленники, даже врачи, которые думали, что будут заниматься в колониях своей профессией и прельщались обещаниями, которые компания им расточала. Но как только они давали свое согласие, то есть подписывали соответствующие бумаги, компания смотрела на них как на людей, принадлежавших ей телом и душой. А когда они приезжали в колонию, агенты продавали их плантаторам по тридцать или сорок экю за душу – и это днем, в присутствии губернатора! Таким образом они становились настоящими рабами колонистов, обреченными на самые трудные работы. Эти несчастные люди, так недостойно обманутые, подвергались побоям, изнемогали от усталости в убийственном климате, умирали по большей части прежде, чем наступал третий год, который должен был вернуть им свободу. Притеснение зашло так далеко, что многие господа вздумали продлить трехлетнее рабство.

В конце 1632 года колония на острове Сент-Кристофер пережила трудное время, потому что обязанные работники, срок рабства которых кончился и которым хозяева отказывались вернуть свободу, взялись за оружие и приготовились атаковать колонистов с той энергией отчаяния, которой не сможет противостоять никакая сила. Д'Эснамбюк сумел уговорить их разоружиться. Избегнуть кровопролития удалось только после обещания выполнить справедливые требования восставших. Когда впоследствии во Франции узнали о печальном положении работников, нанимаемых агентами компании, стало почти невозможно найти желающих отправляться в колонии. Агенты были вынуждены ходить по площадям и перекресткам и набирать бродяг. Напоив их, они заставляли бедолаг подписывать обязательство, которое те уже не могли нарушить.

В продолжение нашей истории придется говорить об этих работниках. Поэтому добавим еще только несколько слов о несчастных, которых Англия отправляла на острова с теми же самыми условиями. Если участь французских работников была ужасна, то участь английских работников была просто отвратительна. С ними обращались варварски, брали в рабство на семь лет, потом, когда наступала пора вернуть им свободу, поили допьяна и, пользуясь их невменяемым состоянием, заставляли подписывать новое обязательство на такой же срок. Кромвель после разграбления Дрогеды[7] продал таким образом более тридцати тысяч ирландцев на Ямайку и Барбадос.

Однажды около двух тысяч этих несчастных успели спастись. Не искушенные в мореплавании, они пустили корабль по воле ветра и волн, и течение прибило их к Эспаньоле. Не зная, где они находятся, оставшись без провизии, все эти несчастные умерли с голоду. Их кости,

[7] Во время войны с Ирландией в 1640 г. английские войска под командой Кромвеля после ожесточенного штурма взяли ирландскую крепость Дрогеда и устроили в городе жесточайшую резню.

побелевшие от времени, долго оставались на мысе Тибурон, в месте, которое было названо в память об этой ужасной катастрофе бухтой Иберийцев[8]. Название это сохранилось до сих пор.

Да простит нам читатель долгие подробности рассказа о поселении флибустьеров на острове Сент-Кристофер. Но поскольку ужасное общество этих авантюристов обосновалось в этом уголке земли, а мы взялись рассказать их историю, необходимо было объяснить некоторые события, чтобы впоследствии к ним не возвращаться. Теперь мы продолжим наш рассказ, которому предшествующие главы служат, так сказать, прологом, и, перескочив одним прыжком пространство между островом Сент-Маргерит и Антильским архипелагом, окажемся на острове Сент-Кристофер через несколько месяцев после побега – мы не смеем сказать «освобождения» – графа Луи де Бармон-Сенектера.

[8] *Иберния* – античное и средневековое название Ирландии.

Глава XIII
Совет флибустьеров

Жизнь колонии шла по-прежнему. Флибустьеры продолжали совершать ожесточенные набеги на испанцев. Но поскольку организация у них хромала, экспедиции носили разовый характер и не достигали желаемого результата. Испанцы несли весьма ощутимые потери, однако не соответствующие затраченным усилиям флибустьеров.

В один прекрасный день люгер с четырьмя пушками и с экипажем из сорока человек бросил якорь у острова Сент-Кристофер и гордо поднял французский флаг. На этом судне в колонию прибыла новая партия храбрых авантюристов. Они высадились, познакомились с обитателями острова и изъявили желание поселиться здесь. Их предводитель, которого товарищи называли Монбаром и которому были, судя по всему, бесконечно преданы, объявил колонистам, что он так же, как и они, питает глубокую ненависть к испанцам, что за ним идут два захваченных испанских корабля и что капитанам этих кораблей он приказал бросить якорь у берегов Сент-Кристофера. Эти приятные известия были встречены местными жителями радостными восклицаниями, и Монбара, как триумфатора, едва не отнесли на берег на руках.

Как он и объявил, через четыре дня два испанских корабля бросили якорь у острова Сент-Кристофер. Над кастильским флагом, перевернутым в знак унижения, гордо развевался флаг французский. К ужасу, охватившему даже видавших виды колонистов, на бушприте, на блинда-гафелях, на реях этих кораблей висели трупы – по приказанию Монбара экипаж был повешен целиком, не пощадили ни одного юнги.

Предводитель французских авантюристов великодушно передал груз с обоих кораблей колонистам, потребовав взамен только землю, на которой он мог бы построить себе жилище. Это требование, конечно же, было встречено единодушным согласием.

Монбар был молодым человеком двадцати восьми лет, мужественной наружности. Выражение его лица было печально, насмешливо и одновременно жестоко, а матовая бледность придавала ему загадочности. Высокого роста, крепкого сложения, но гибкий и грациозный, он отличался изяществом, благородными манерами и изысканной речью. И его окружение, и те, кого с ним сводил случай, неизменно подпадали под его странное обаяние. Люди чувствовали одновременно и антипатию, и влечение к этому необычному человеку, который, кажется, не прилагая ни малейших усилий, подчинял всех своей воле. Он добивался от людей повиновения одним мановением руки или движением бровей и, по-видимому, жил, только когда находился в гуще битвы, когда трупы валились около него, кровь текла под его ногами, а вокруг, смешиваясь с грохотом пушек, раздавался свист пуль. Его товарищи на расспросы тех, кто, пораженный необычной внешностью Монбара, хотел побольше узнать о нем, говорили, что живет он только тогда, когда, опьянев от запаха порохового дыма и вида сражения, бросается на палубу испанского корабля.

Но, кроме этих скудных сведений, ни малейшей подробности из прошлой жизни Монбара узнать не удавалось. Когда колонисты поняли, что их вопросы остаются без ответа, они перестали задавать их, тем более что прошлая жизнь Монбара их не касалась, да и не слишком-то интересовала.

Авантюрист оставался на острове ровно столько, сколько было необходимо для того, чтобы вполне сносно обустроить свое жилище, после чего в один прекрасный день, не предупредив никого, перебрался на свой люгер вместе с людьми, которых привез с собой, оставив шесть человек на острове, чтобы присматривать за своими новыми владениями, и отплыл бог весть куда.

Через месяц он вернулся, ведя на буксире испанский корабль с богатым грузом и со всей командой, повешенной на реях.

Так продолжалось целый год. Монбар никогда не оставался на острове больше трех дней, потом уходил в море и всегда возвращался с добычей и повешенной на реях командой.

Смелость отважного корсара принесла ему такую шумную известность, что слухи о нем достигли Франции. Тогда дьеппские авантюристы, понимая, сколько пользы можно извлечь из корсарства, снарядили суда и присоединились к Монбару с намерением совершать усиленные набеги на испанцев.

Флибустьерство вступало в новую, организованную фазу. Монбар построил свое жилище на том самом месте, где впоследствии англичане воздвигли батарею. Позиция была выбрана очень удачно: в случае нападения можно было не только легко обороняться, но и отражать натиск неприятеля со значительными для него потерями.

Жилище Монбара, выстроенное из бревен и покрытое пальмовыми листьями, стояло почти на самом краю скалы, откуда можно было видеть большую часть острова и море на много миль вокруг. До скалы, возвышавшейся отвесно на сорок метров над морем, можно было добраться не иначе как по узкой петляющей тропинке, перегороженной через определенные расстояния крепкими палисадами[9] и глубокими рвами, преодолевать которые приходилось по наскоро переброшенным доскам, кои легко было снять в случае тревоги. Две пушки, поставленные на вершине тропинки, надежно защищали подходы.

Дом состоял из пяти комнат, довольно больших, меблированных с роскошью и комфортом, довольно неожиданным на таком отдаленном острове. Подобная обстановка легко оправдывалась ремеслом хозяина: мебель он выбирал для себя из награбленной добычи. На длинном шесте, вбитом в землю перед дверью дома, развевался белый флаг корсаров, который Монбар менял иногда на черный, в середине которого были изображены белого цвета мертвая голова и две кости крест-накрест, – флаг зловещий, показывавший, что побежденные не должны ждать пощады.

Прошло полтора года после прибытия Монбара на остров. И вот однажды жарким днем конца мая несколько человек свирепого вида, с грубыми ухватками, вооруженные с ног до головы, шли, переговариваясь, по тропинке, которая из долины вела на скалу, где возвышался дом Монбара. Было около десяти вечера. Ночь стояла тихая и ясная, мириады звезд сверкали на небе, луна щедро проливала свой свет, воздух был так прозрачен, что даже самые маленькие предметы виднелись на далеком расстоянии. В воздухе не было заметно ни малейшего дуновения ветра, а в кронах деревьев – ни малейшего шелеста. Море, спокойное, как зеркало, с тихим и таинственным шепотом плескалось у песчаного берега. Бесшумно летали светлячки, иногда касаясь путников, которые небрежно отмахивались от них, не прерывая разговора, по-видимому очень для них важного.

Мужчин было пятеро. Все они находились в расцвете сил, движения их были энергичны и резки, лица дышали смелостью и чрезвычайной решимостью. По некоторой сутулости, а также по походке и характерному размахиванию руками в них с первого взгляда можно было узнать моряков, даже если бы их костюмы не свидетельствовали об этом со всей очевидностью. Они говорили по-английски.

– Ба! – воскликнул один из них в минуту, когда мы начинаем прислушиваться к их разговору. – Надо посмотреть. Знаете ведь: не все то золото, что блестит. Притом я был бы рад ошибиться.

– Ты по своей хваленой привычке, – отвечал другой, – уже начинаешь сомневаться.

– Нет, – с живостью отвечал первый, – я только выражаю опасение.

– Наконец-то мы узнаем, в чем дело, – сказал третий, – мы уже одолели половину подъема, хвала Господу!

---

[9] *Палисад* – частокол, полевое деревянное укрепление.

– Этот демон Монбар, – продолжал первый, – отлично выбрал место – какой вид! И при этом к дому не подступиться.

– Да, не думаю, чтобы испанцы отважились на приступ. Только бы, – прибавил этот человек, вдруг остановившись, – не оказалось все впустую! Застанем ли мы Монбара?

– Ручаюсь вам, Красный Чулок, что Монбар дома, будьте спокойны.

– Откуда вам это известно? – осведомился тот, кто носил странное прозвище Красный Чулок.

– Разве вы не видите, что развевается его флаг?

– Это правда, я не обратил внимания.

– Но теперь-то вы видите, я полагаю?

– Вижу, лопни мои глаза!

– А! – воскликнул один из флибустьеров, который до сих пор молчал. – И все-таки для чего нас созывают?.. Вы знаете, брат?

– Понятия не имею, – ответил Красный Чулок, – верно, Монбару пришел в голову какой-нибудь дерзкий план и он хочет втянуть нас в новое дело.

– Он позвал не только нас, но и главарей французских флибустьеров.

– Не понимаю цели этого сборища, – продолжал Красный Чулок, – впрочем, это все равно… Скоро мы узнаем, что к чему.

– Это правда… Ну вот мы и на месте.

Действительно, в эту минуту они дошли до вершины тропинки и очутились на площадке прямо против дома, дверь которого была отворена, как бы приглашая их всех войти. Из двери лился яркий свет, и громкий говор ясно показывал, что в доме собралось многолюдное общество. Англичане подошли и остановились у порога.

– Входите, братья, – послышался изнутри звучный голос Монбара, – входите, вас ждут.

Семь или восемь человек находились в комнате, куда вошли англичане. Это были самые знаменитые предводители флибустьеров. Здесь находились Красивая Голова – свирепый дьеппец, погубивший более трехсот своих обязанных работников и уверявший всех, что они умерли от лености; Пьер Высокий – бретонец, который шел на абордаж, не иначе как переодевшись женщиной; Александр Железная Рука – молодой человек, слабый и изнеженный с виду, с женственными чертами лица, но одаренный поистине геркулесовой силой, ставший впоследствии одним из героев флибустьерства; Рок, прозванный Бразильцем, хотя родился он в Гронингене, городе в Восточной Фрисландии; затем – двое наших знакомцев, Дрейф и Мигель Баск, они прибыли на остров Сент-Кристофер в одно время с Монбаром и пользовались у флибустьеров исключительным уважением.

Пятерых пришедших англичан звали: Красный Чулок, имя, которое уже здесь прозвучало; Морган – молодой человек лет восемнадцати, с надменным лицом и аристократическими манерами; Жан Давид – голландский моряк, поселившийся в английской колонии, и, наконец, Уильям Дрейк, давший клятву нападать на испанцев не иначе как в то время, когда их будет пятнадцать против одного, так было велико презрение, которое он испытывал к этой чванливой нации.

Таким образом тут присутствовало избранное общество всех знаменитых флибустьеров того времени.

– Добро пожаловать, братья, – сказал Монбар, – очень рад вас видеть. Я ждал вас с нетерпением… Вот трубки, табак и ром. Курите и пейте, – прибавил он, указывая на стол посредине залы, где лежали трубки, стояли стаканы, кружки с водой и горшок с табаком.

Флибустьеры сели, закурили трубки и наполнили стаканы.

– Братья, – продолжал Монбар, – я пригласил вас к себе по двум очень важным причинам, одна из которых вытекает из другой. Вы расположены выслушать меня?

– Говори, Монбар, – отвечал Уильям Дрейк от имени всех, – испанцы прозвали тебя Губителем. Я завидую этому прозвищу, брат. Флибустьерству ты приносишь много пользы.

– Об этой-то пользе и пойдет речь, – ответил Монбар.

– Я в этом уверен, брат. Говори, мы слушаем тебя с почтением.

Все приготовились внимательно слушать. Эти люди, закаленные в сражениях, не признававшие других законов, кроме тех, что написали себе сами, не испытывали зависти к Монбару и готовы были обсуждать любые его предложения.

Монбар собрался с мыслями, потом заговорил проникновенным голосом, так пленявшим слушателей.

– Братья, – сказал он, – я не стану говорить долго, потому что все вы люди испытанные, с горячим сердцем и твердой рукой, и с вами долгие речи не только бесполезны, но даже смешны. С самого моего прибытия на Сент-Кристофер я изучаю флибустьерство, его жизнь, нравы и стремления флибустьеров. С огорчением я понял, что наши результаты не оправдывают наших усилий. Что мы делаем? Ничего или почти ничего, несмотря на наше неукротимое мужество! Испанцы насмехаются над нами. Мы одиноки в своей борьбе и слишком слабы для того, чтобы причинить нашим врагам ощутимый урон. Мы понапрасну тратим нашу энергию и проливаем кровь, отнимая у испанцев какие-то жалкие суда. Не так должны идти дела. Это не то мщение, о котором каждый из нас мечтал. Какова причина нашей слабости? Одиночество, о котором я вам говорил. Это одиночество всегда будет сковывать наши усилия.

– Это правда, – проговорил Железная Рука.

– Но что же мы можем сделать? – спросил Жан Давид.

– К несчастью, мы бессильны, – вздохнул Уильям Дрейк.

– Мы авантюристы, а не государство, – заметил Красивая Голова.

На лице Монбара появилась бледная и зловещая улыбка.

– Вы ошибаетесь, братья. Средство найдено. И, если захотим, мы сделаемся государством!

– Говори! Говори! Говори! – закричали авантюристы, вскочив со своих мест.

– Вот мой план, братья, – продолжал Монбар. – Нас здесь двенадцать человек. Мы принадлежим к разным нациям, но у нас одно сердце, мы составляем цвет флибустьерства. Я заявляю об этом громко, не опасаясь опровержения, потому что каждый из нас дал доказательства своей храбрости – и какие доказательства! Ну, соединимся же, составим одну семью. Из нашей доли в добыче выделим сумму на общую казну и, сохранив свободу организовывать отдельные экспедиции, поклянемся никогда не вредить, никогда не идти наперекор друг другу, оказывать помощь, когда это окажется необходимым, трудиться изо всех сил на погибель Испании и, не разглашая договора о нашем товариществе другим братьям, поклянемся соединять наши силы, когда наступит пора, чтобы разом раздавить неумолимого врага. Вот, братья, первое из того, что я хотел вам сказать. Жду вашего решения.

Наступило молчание. Флибустьеры понимали важность того, что предложил им Монбар. В его словах заключалось их будущее. Флибустьеры переглянулись и начали тихо советоваться между собой. Потом Уильям Дрейк взялся говорить от имени всех присутствующих.

– Брат, – сказал он, – ты коротко разъяснил вопрос, который до сих пор всегда оставался не проясненным. Ты прекрасно определил причину нашей слабости и в то же время нашел средство сделать товарищество, образовавшееся случайно и до сих пор почти бесполезное, действительно могущественным и полезным. Но это не все. Товариществу, о котором ты говоришь, необходима голова, которая управляла бы им и, когда наступит пора, обеспечила бы успех всем задуманным предприятиям. Следовательно, необходимо не только чтобы наше товарищество оставалось тайным, необходимо еще и выбрать предводителя, которому мы будем преданы и которому мы будем помогать трудиться для общего блага.

– Вы согласны с этим, братья? – спросил Монбар. – Вы принимаете мое предложение и дополнение, сделанное Уильямом Дрейком?

– Принимаем! – отвечали флибустьеры в один голос.

– Хорошо. Только предводитель, о котором вы говорите, должен быть выбран единогласно, а его власть может быть отнята у него на собрании большинством голосов. Будучи хранителем общей казны, он должен быть всегда готов дать отчет о ее состоянии, и его пребывание на этом посту, если оно не будет возобновлено в результате вторичных выборов, не может превышать пяти лет.

– Это справедливо, – сказал Красный Чулок, – никто лучше тебя не объяснил бы все это, брат.

– Итак, – заметил Жан Давид, – отныне мы будем настоящими братьями. Никакие ссоры, никакие распри не должны возникать между нами.

– Для посторонних мы будем сохранять видимость независимости каждого из нас, – сказал Красивая Голова.

– Да, – подтвердил Монбар.

– Теперь, братья, – сказал Уильям Дрейк, вставая и снимая шляпу, – выслушайте меня. Я, Уильям Дрейк, клянусь моей верой и моей честью в полной преданности Товариществу Двенадцати и заранее обязуюсь подчиниться любому наказанию, какое братья захотят наложить на меня, даже смерти, если изменю тайне товарищества и нарушу свою клятву. Да поможет мне Господь!

После Уильяма Дрейка каждый флибустьер произнес ту же клятву. Все опять сели на свои места.

– Братья, – начал Монбар, – то, что мы сделали до сих пор, ничего не значит, – это только рассвет новой эры. Счастливые дни флибустьерства едва начинаются. Двенадцать человек, таких, как мы, увлеченные одной целью, должны творить чудеса.

– Мы сотворим их, будь спокоен, брат, – сказал Морган, беспечно ковырявший в зубах золотой зубочисткой.

– Теперь, братья, прежде чем я сделаю вам свое второе предложение, было бы хорошо, если бы мы выбрали главу общества.

– Еще одно слово, – сказал Мигель Баск, вставая.

– Говори, брат.

– Я хочу добавить, что каждый член товарищества, который попадет в плен к испанцам, должен быть освобожден другим членом товарищества, каким бы опасностям он ни подвергался.

– Клянемся! – с восторгом вскричали флибустьеры.

– Если только это не будет невозможно, – сказал Морган.

– Для нас нет ничего невозможного, – резко ответил Уильям Дрейк.

– Это правда, брат, ты прав, я ошибался, – с улыбкой заметил Морган.

– Общество будет называться Товариществом Двенадцати. Смерть одного из членов позволит принять другого, который должен быть избран единогласно, – сказал Мигель Баск.

– Клянемся! – снова вскричали флибустьеры.

– Теперь, – заявил один из братьев по имени Бартелеми, – проведем тайные выборы.

– Вот бумага, перья и чернила, – сказал Монбар.

– А вот моя шапка, – сдергивая с головы бобровую шапку, рассмеялся Красный Чулок, – бросайте в нее ваши бумажки, братья.

И флибустьер положил шапку в центре комнаты. Авантюристы в строгом порядке, каждый написав что-то на бумажке, свертывали ее и один за другим бросали в шапку Красного Чулка. Потом все сели на свои места.

– Все отдали голос? – спросил Жан Давид.

– Все, – ответили флибустьеры хором.

Флибустьер вынул из шапки бумажки, сосчитал их. Бумажек было двенадцать.

– Теперь, брат, – сказал Уильям Дрейк Жану Давиду, – считай голоса.

Жан Давид посмотрел на товарищей. Они утвердительно кивнули. Тогда он взял первый попавшийся бюллетень, развернул его и прочел:

– Монбар Губитель.

Потом взял второй бюллетень и развернул.

– Монбар Губитель, – прочел он опять.

На каждом клочке бумаги стояли два слова: «Монбар Губитель» – зловещий вызов, брошенный испанцам, для которых этот человек был самым жестоким врагом. Монбар Губитель встал, снял шляпу и, любезно поклонившись товарищам, сказал:

– Братья, благодарю вас. Я не обману вашего доверия.

– Да здравствует Монбар Губитель! – вскричали в едином порыве флибустьеры.

Страшное Товарищество Двенадцати было создано. Флибустьерство действительно становилось грозным и могущественным.

Глава XIV
Второе предложение

Выбор товарищей в одно мгновение сделал Монбара могущественным. Но ни один мускул не дрогнул на его лице. Ничем не выдал он своего торжества. Монбар дал время улечься восторгу товарищей, а потом заговорил.

– Братья, – сказал он, – речь шла еще и о втором предложении, вы помните?

– Это правда, – сказал Уильям Дрейк, – говори же, брат, мы слушаем тебя.

– Вот мое второе предложение. Только прошу хорошенько все обдумать, прежде чем вы мне ответите, – вы не должны решать сгоряча, потому что, повторяю вам еще раз, это предложение очень серьезно. Вот оно. Я предлагаю вам оставить остров Сент-Кристофер и выбрать другое место убежища, которое будет гораздо удобнее и значительно безопаснее для нас.

Флибустьеры с удивлением смотрели на Монбара.

– Я объясню, – сказать он, поднимая руку, как бы успокаивая товарищей, – выслушайте меня внимательно, братья. То, что вы услышите, представляет интерес для вас всех. Нынешнее наше местопребывание оставляет желать лучшего. Оно слишком удалено от цели наших экспедиций. Затруднения, которые нам необходимо преодолевать, чтобы возвращаться сюда, из-за течений, сносящих наши суда, и встречных ветров, мешающих быстроте их хода, заставляют нас терять драгоценное время. Антильский архипелаг насчитывает более тридцати островов, из которых нам, думаю, легко выбрать тот, который для нас удобнее. Я давно уже думаю об этом. Мои выходы в море не ограничивались преследованием испанцев, я отправлялся также исследовать местность и, кажется, нашел землю, удобную для нас.

– О какой земле ты говоришь? – спросил Жан Давид за всех своих товарищей.

– Я говорю об острове, который испанцы называют Эспаньолой, а мы – Санто-Доминго.

– Брат, – сказал Бартелеми, – да, это огромный остров, с великолепными лесами. Но на нем живут испанцы. Мы попадем прямо в волчью пасть.

– Я сам так думал. Но теперь, когда я все разузнал, то убедился не только в том, что проклятые испанцы занимают не весь остров, но и в том, что на той части острова, которую они не заняли, мы встретим союзников.

– Союзников? – с удивлением вскричали флибустьеры.

– Да, братья. Дело обстоит так. Во время высадки адмирала дона Толедо на остров Сент-Кристофер французы, успевшие спастись от резни, убежали, как вам известно, на соседние острова, а многие отправились дальше. Они добрались до Санто-Доминго. Настоящие смельчаки, не правда ли? Но, повторяю вам, испанцы занимают только половину острова. Когда они только открыли этот остров, то оставили на нем несколько голов рогатого скота. Эти животные размножились, и теперь на равнинах Санто-Доминго пасутся многочисленные стада. Вам известно, что они составляют неоценимый источник провианта во время наших набегов. Кроме того, соседство испанских колонистов дает нам возможность утолять нашу ненависть. Те из наших товарищей, которые несколько лет назад поселились на этой земле, ведут с ними беспрерывную и ожесточенную борьбу.

– Да-да, – подтвердил Красивая Голова, – я понимаю, о чем ты нам толкуешь, брат. Ты прав, но все же будем рассуждать спокойно и хладнокровно, как люди серьезные.

– Говори, – отвечал Монбар. – Каждый из нас имеет право высказывать свое мнение, когда дело касается общих интересов.

– Как мы ни храбры – а мы можем смело этим похвалиться, потому что, благодарение Богу, наше мужество всем известно, – мы, однако, не настолько сильны, чтобы воевать с испанцами на суше. Захватить корабль или сражаться с целой ордой колонистов – разные вещи. Ты согласен с этим, брат?

– Конечно согласен.

– Хорошо, я продолжу. Очевидно, что испанцы до сих пор не видят серьезной угрозы со стороны авантюристов, поселившихся в пустынной части острова. Может, из-за их малочисленности испанцы пренебрегли ими. Но когда они увидят, что поселение, которое они считали временным, становится постоянным и принимает грозные размеры колонии, они не станут ждать. Они соединят все свои силы, неожиданно нападут на нас и всех перережут. И таким образом разом покончат не только с новой колонией, но и с нашими надеждами на мщение.

В словах Красивой Головы был здравый смысл. Речь произвела некоторое впечатление на флибустьеров, они стали поглядывать друг на друга. Но Монбар не дал времени разгореться искре сомнения и, предупреждая возражения, тотчас заметил:

– Ты был бы прав, брат, если бы, как ты предполагаешь, мы основали наше главное поселение на Санто-Доминго. Очевидно, мы были бы тогда раздавлены многочисленным врагом. Но предполагать, что я, питающий неумолимую ненависть к этому презренному народу, мог придумать подобный план, не убедившись сначала в успехе, который он нам принесет, значит плохо меня знать.

– Говори яснее, брат, – сказал Уильям Дрейк, – мы тебя слушаем со всем вниманием.

– У северо-западной оконечности Санто-Доминго находится остров длиной около восьми миль, отделенный от большой земли узким каналом и окруженный скалами, названными Железные берега. Из-за этих скал высадка на остров не возможна нигде, кроме его южной стороны. Там находится довольно удобная гавань с песчаным дном. Суда, зашедшие в эту гавань, будут укрыты от всех ветров, которые, впрочем, никогда не бывают особенно сильными в тех местах. Вдоль берегов есть еще несколько песчаных отмелей, но к ним можно пристать только пирогам. Остров этот называется Тортугой, то бишь Черепашьим островом, потому что своей формой он напоминает это животное. Вот, братья, где я намерен основать наше главное поселение, или, если вы предпочитаете другое название, – нашу штаб-квартиру. Гавани Пор-де-Пэ и Пор-Марго, находящиеся напротив Тортуги, сделают легким сообщение с Санто-Доминго. Укрывшись на нашем острове, как в неприступной крепости, мы сможем легко отразить нападение всего флота Кастильского королевства. Но я не хочу вас обманывать, я должен сказать вам все. Испанцы предусмотрительны: они чувствовали, что если набеги продолжатся и они не успеют нас уничтожить, то превосходное положение этого острова не укроется от нашего внимания и, вероятно, мы постараемся завладеть им. Поэтому они оставили на нем отряд из двадцати пяти солдат под командованием альфереса[10]. Не усмехайтесь, братья, – да, этот гарнизон немногочислен, но его присутствия на острове вполне достаточно для поддержания безопасности. Имеются также определенные затруднения при высадке на берег. Кроме того, этому небольшому отряду легко получить за весьма непродолжительное время подкрепление с Санто-Доминго. Несколько раз, переодевшись, я проникал на Тортугу и осматривал остров очень внимательно. Вы можете вполне доверять моим сведениям.

– Монбар прав, – сказал тогда Рок Бразилец, – я знаю Черепаший остров. Я тоже уверен, что на нем мы найдем убежище гораздо более надежное, чем на Сент-Кристофере.

– Теперь, братья, – продолжал Монбар, – подумайте и отвечайте – да или нет. Если вы примете мое предложение, я постараюсь осуществить свой план по захвату острова. Если вы откажете, об этом больше не будет речи.

Давая возможность собратьям спокойно обсудить его предложение, Монбар вышел из комнаты на террасу, где стал прохаживаться взад и вперед, внешне не проявляя никаких признаков беспокойства.

Прошло несколько минут. Монбар все прохаживался по террасе. Вдруг неподалеку послышался легкий свист, свист до того тихий, что только такой тонкий слух, каким был ода-

[10] *Альферес – здесь*: подпоручик.

рен флибустьер, мог его различить. Монбар сделал несколько шагов в том направлении, откуда подали сигнал, и в ту же секунду человек, лежавший на земле и так слившийся с темнотой, что его невозможно было сразу заметить, поднял голову. В отблесках лунного света стало различимо смышленое лицо кариба.

– Омопуа? – спросил флибустьер.

– Я жду, – коротко ответил индеец, поднимаясь в полный рост.

Омопуа, он же Прыгун, был молодым человеком лет двадцати пяти, высоким и пропорционально сложенным. Кожа его имела золотистый оттенок флорентийской бронзы. Он был почти наг, только легкие холщовые штаны прикрывали ноги до середины икры. Длинные черные волосы, ровно разделенные пробором, спускались ему на плечи. Кроме длинного ножа и штыка, заткнутого за пояс, никакого оружия у него не было.

– Пришел тот человек? – спросил Монбар.

– Пришел.

– Прыгун его видел?

– Видел.

– Он считает себя узнанным?

– Только глаз злейшего врага мог узнать его.

– Хорошо. Мой брат проводит меня к нему.

– Я провожу бледнолицего вождя.

– Где я найду Прыгуна через час после восхода солнца?

– Прыгун будет дома.

– Я приду.

В это время Монбара позвали. Прощаясь с карибом, он сказал:

– Я полагаюсь на обещание индейца.

– Да, если вождь сдержит свое обещание.

– Сдержу.

Расставшись с флибустьером, кариб мгновенно исчез в темноте. Монбар, погруженный в раздумья, с минуту оставался неподвижным. Потом резким движением провел рукой по лбу, словно для того, чтобы убрать следы волнения, и быстро возвратился в дом.

Обсуждение закончилось, флибустьеры расселись по своим местам, Монбар также сел, выжидая с притворным равнодушием, чтобы заговорил кто-нибудь из товарищей.

– Брат, – начал Жан Давид, – мы трезво обдумали твое предложение. Товарищи поручили мне сказать, что они принимают его. Только они желают знать, какими средствами намерен ты добиться осуществления своего плана.

– Братья, благодарю вас за ваше согласие, – ответил Монбар, – а способы, которыми я намерен захватить Черепаший остров, позвольте пока сохранить в тайне: успех экспедиции обязывает меня к этому. Знайте только, что я не хочу ущемлять ничьих интересов и намерен один подвергнуться любому риску.

– Ты не так меня понял, брат, или я плохо объяснил, – возразил Жан Давид. – Если я спросил, каким образом ты намерен действовать, то меня побуждало к тому не пустое любопытство. В таком важном для всего нашего сообщества деле мы должны умереть или победить вместе с тобой. Мы хотим или разделить с тобой торжество, или принять поражение.

Монбар был невольно растроган этими великодушными, благородными словами. Повинуясь внезапному порыву, он протянул руки флибустьерам, и те решительно пожали их. Потом он сказал:

– Вы правы, братья, мы все должны участвовать в этом великом предприятии. Мы все отправимся на Черепаший остров. Только – поверьте, я говорю вам не из честолюбия, – предоставьте мне руководить экспедицией.

– Разве ты не наш предводитель? – вскричали флибустьеры.

– Мы будем тебе повиноваться по флибустьерским законам, – сказал Жан Давид, – тот, кто задумал экспедицию, имеет право командовать. Мы будем твоими солдатами.

– Решено, братья! Сегодня же в одиннадцать утра я отправляюсь на торги, где выставят на продажу работников, прибывших из Франции третьего дня. Я навещу губернатора, чтобы предупредить его о подготовке к новому набегу, и набор экипажей начнется тотчас же.

– Мы непременно там будем, – сказал Красивая Голова, – мне надо купить двух работников взамен пары бездельников, которые умерли от лени.

– Решено, – сказал Бартелеми, – в одиннадцать мы все будем в Нижней Земле.

В обсуждениях прошла вся ночь, и солнце, хотя еще и было за горизонтом, начинало высвечивать небо широкими перламутровыми полосами, которые мало-помалу переходили в пурпур, давая знать, что дневное светило вот-вот появится.

– Кстати, – обратился с равнодушным видом Монбар к Моргану, провожая его и других флибустьеров, – если ты не очень дорожишь своим карибом, не знаю, как его зовут…

– Прыгун.

– А! Отлично. Итак, я говорил, что, если тебе все равно, я был бы признателен, если бы ты уступил его мне.

– Он тебе нужен?

– Да, я думаю, что он будет мне полезен.

– Раз так, возьми его, брат. Я уступаю его тебе, хотя это хороший работник и я им доволен.

– Благодарю. Во сколько ты его ценишь?

– Вот еще! Не мне с тобой торговаться, брат. Я видел у тебя хорошее ружье – отдай его мне и возьми индейца, и будем квиты.

– Подожди.

– Что?

– Я хочу отдать тебе ружье прямо сейчас, а ты пришли ко мне индейца… Или, если у меня будет время, я сам зайду за ним сегодня.

Флибустьер вернулся в дом, снял со стены ружье и отдал его Моргану. Тот с неподдельной радостью повесил ружье через плечо.

Когда все разошлись, Монбар надел толстый плащ, шляпу с широкими полями, полностью скрывавшими его лицо, и, обернувшись к Мигелю Баску, сказал:

– Важное дело заставляет меня отправляться в Нижнюю Землю. Ступай к губернатору, кавалеру де Фонтенэ, и, не вдаваясь ни в какие подробности, скажи ему, что я готовлю новую экспедицию.

– Хорошо, – ответил Мигель.

– Потом плыви к люгеру и вместе с Дрейфом приготовь там все к отплытию.

Дав эти указания, Монбар вышел из дома.

Кавалер де Фонтенэ, так же как и д'Эснамбюк, место которого в качестве губернатора острова Сент-Кристофер он занял два года тому назад, был младшим сыном нормандского дворянина, приехавшим на острова искать счастья. Прежде чем сделаться губернатором, он долгое время участвовал в набегах флибустьеров. Именно такой человек и был нужен на губернаторском посту: он предоставлял флибустьерам свободу действовать так, как они считали необходимым, никогда не требовал от них отчета, понимал их с полуслова и брал десятую часть добычи – добровольную дань, которую ему платили в благодарность за покровительство, оказанное от имени короля.

Взошло солнце. Свежий морской ветерок тихо шелестел листвой, пели птицы. Монбар шел большими шагами, не смотря по сторонам, погруженный в раздумья.

При входе в селение Нижняя Земля он, вместо того чтобы пойти прямо, направился по узкой тропинке через табачную плантацию к горе Мизери. Он шел довольно долго и наконец остановился перед голым ущельем, у входа в которое виднелась жалкая хижина, покрытая

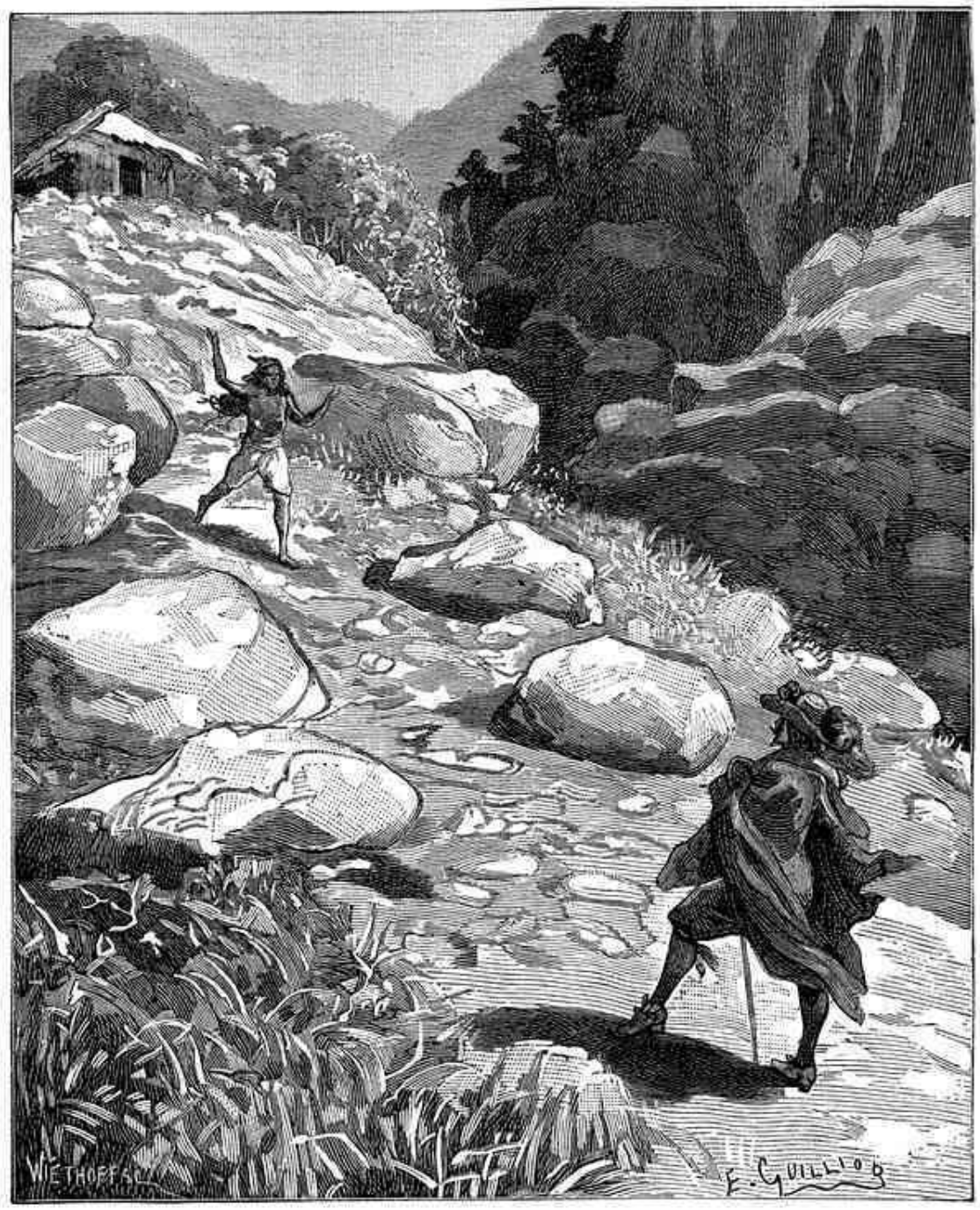
пальмовыми листьями. На пороге хижины появился человек. Заметив Монбара, он радостно вскрикнул и с быстротой лани бросился к нему по скалистому склону. Это был кариб Прыгун. Подбежав к флибустьеру, он упал перед ним на колени.

– Встань, – велел авантюрист, – к чему благодарить меня?

– Мой господин сегодня сказал, что теперь я принадлежу не ему, а тебе.

– Я же обещал!

– Это правда, но белые всегда обещают и никогда не держат своих обещаний.



– Ты видишь доказательство обратному. Твой господин продал тебя мне, это правда, а я даю тебе свободу. У тебя теперь только один властелин – Бог.

Индеец встал, приложил руку к груди и зашатался. Лицо его побледнело, он пребывал в сильном душевном волнении, которое, несмотря на все усилия, не мог преодолеть. Монбар, спокойный и мрачный, молча смотрел на его. Наконец индейцу удалось заговорить. Голос с хрипом вырывался из его горла.

– Прыгун был вождем своего народа, – сказал он, – испанец унизил его, при помощи измены сделав рабом и продав, как вьючную скотину. Ты возвращаешь Прыгуну то звание, которого он никогда не должен был лишаться. Хорошо. Ты теряешь плохого раба, но приобретаешь преданного друга. Моя жизнь принадлежит тебе.

Монбар протянул ему руку, кариб почтительно поцеловал ее.

– Ты хочешь остаться здесь или возвратиться на Гаити?[11]

– Родные Прыгуна и остальной его народ блуждают на равнинах Бохио[12], – ответил индеец, – но куда пойдешь ты, туда пойду и я.

– Хорошо, веди меня к тому человеку, ты понимаешь, о ком я говорю?

– Да.

– Ты уверен, что он испанец?

– Уверен.

– Ты не знаешь, что привело его на остров?

– Не знаю.

– В каком месте он остановился?

– У одного англичанина.

– Стало быть, в английской колонии?

– Нет, в Нижней Земле.

– Тем лучше. Как зовут этого англичанина?

– Капитан Уильям Дрейк.

– Капитан Дрейк?! – с удивлением вскричал Монбар. – Это невозможно!

– Он там.

– Стало быть, капитан его не знает?

– Не знает. Этот человек пришел к нему и попросил гостеприимства, капитан не мог ему отказать.

– Это правда. Ступай ко мне в дом, возьми платье, ружье или любое другое оружие, которое тебе понравится, и приходи. Я буду у капитана Дрейка, а если меня там не окажется, то встретимся на пристани. Ступай.

Монбар направился к Нижней Земле, а кариб пошел прямо к дому Монбара.

Нижняя Земля была, по сути, штаб-квартирой французской колонии. В то время, когда происходит наша история, это было довольно жалкое селение, выстроенное без всякого порядка, сообразно прихоти или удобству каждого домовладельца. Но издали оно выглядело весьма живописно именно благодаря хаотичному расположению домов, построенных на берегу моря перед великолепным рейдом, заполненным кораблями и бесчисленным множеством пирог. Батарея из шести пушек, стоявшая на узком мысе, защищала вход на рейд. Странные обитатели этого городка, такого грязного и на первый взгляд ничтожного, вели бурную жизнь. Узкие, темные улицы были наполнены разношерстной публикой, которая сновала взад и вперед с озабоченным видом. Трактиры открыты были на всех площадях и перекрестках, странствующие купцы хриплым голосом расхваливали свой товар, а публичные глашатаи в сопровождении толпы, которая постепенно увеличивалась за счет праздношатающихся, объявляли при звуке труб и барабанов о продаже в этот день новых наемных работников, прибывших накануне на корабле компании.

---

[11] Так карибы называют Санто-Доминго; это значит «Большая Земля».

[12] Другое название, которое карибы дают Санто-Доминго.

Монбар, никем не узнанный, пробрался через толпу к дому Уильяма Дрейка. Дом этот, довольно красивый и опрятный, возвышался на морском берегу недалеко от особняка губернатора. Флибустьер отворил дверь, которая, по местному обычаю, была не заперта, и вошел внутрь.

Глава XV
Шпион

В первой комнате, которую можно было назвать и залой, и кухней, находились два человека. Это были работник капитана Уильяма Дрейка и какой-то незнакомец. Самого капитана не было. При виде незнакомца глаза флибустьера сверкнули.

Незнакомец сидел посреди комнаты за столом и спокойно завтракал куском холодной говядины, приправленной перцем. Еду он запивал бордо, которое, скажем мимоходом, хотя и стало популярным в Париже только в царствование Людовика XV благодаря герцогу де Ришелье, возвратившемуся из провинции Гиень, где он был губернатором, уже давно ценилось в Америке. Незнакомец был человеком довольно высокого роста, бледнолицым, похожим на отшельника, худым и угловатым. Но его манеры указывали на высокое положение в обществе, а простой, более чем скромный костюм не мог скрыть благородного происхождения.

Когда флибустьер вошел, незнакомец искоса, не поднимая головы, бросил на него взгляд из-под густых ресниц и продолжил завтрак.

У флибустьеров все было общее. Каждый брал у другого, видел тот или нет, все, что было нужно, – оружие, порох, одежду, пищу. И тот, у кого делался заем, не должен был обижаться или выражать даже самое легкое недовольство. Подобная вольность в обращении с чужим имуществом не только допускалась и терпелась, но считалась правом, которым все пользовались без малейшего зазрения совести.

Монбар, осмотрев комнату, взял стул и, бесцеремонно сев напротив незнакомца, сказал работнику:

– Подай-ка мне завтрак, я голоден!

Работник тотчас повиновался. С чрезвычайным проворством он подал флибустьеру обильный завтрак, потом стал позади его стула, чтобы прислуживать.

– Друг мой, – небрежно сказал флибустьер, – благодарю, но я не люблю, чтобы кто-либо стоял позади меня, когда я ем. Ступай, встань перед дверью и не пускай сюда никого без моего приказа, – прибавил он, бросив на работника многозначительный взгляд. – Никого! Ты слышишь? – прибавил он, делая ударение на эти слова. – Если бы даже пришел твой господин. Ты понял?

– Понял, Монбар, – ответил работник и ушел.

При имени Монбар незнакомец чуть заметно вздрогнул, бросил тревожный взгляд на флибустьера, но тотчас взял себя в руки и продолжил трапезу с величайшим спокойствием, по крайней мере внешним. Монбар, в свою очередь, расправлялся с завтраком, не обращая никакого внимания на человека, сидевшего напротив. Так продолжалось несколько минут. Только звон ножей и вилок нарушал тишину, между тем как в душе каждого из сидящих за столом мужчин бушевали страсти. Наконец Монбар поднял голову и посмотрел на незнакомца.

– Вы на редкость немногословны, – сказал он добродушным тоном человека, который, скучая, желает начать разговор.

– Я? – поинтересовался незнакомец с самым невозмутимым видом.

– Смею вам заметить, – продолжал флибустьер, – вот уже четверть часа, как я имею честь находиться в вашем обществе, а вы еще не сказали мне ни одного слова, даже не поздоровались, когда я вошел.

– Извините, – сказал незнакомец, слегка наклонив голову, – это получилось непреднамеренно. Кроме того, не имея удовольствия знать вас…

– Вы в этом уверены? – с иронией перебил Монбар.

– По крайней мере, я так думаю. И поэтому, не имея ничего сказать вам, я предположил, что бесполезно начинать пустой разговор.

– Как знать! – возразил флибустьер. – Самые пустые разговоры часто становятся очень интересными уже через несколько минут.

– Сомневаюсь, что это произошло бы в нашем случае. Позвольте же мне прервать беседу на этих словах. Кроме того, мой завтрак окончен, – сказал незнакомец, вставая, – и серьезные дела требуют моего присутствия в другом месте. Извините, что я так скоро оставляю вас, и поверьте, я весьма сожалею.

Флибустьер не двинулся с места. С грациозной небрежностью откинувшись на спинку стула и поигрывая ножом, он сказал кротко и вкрадчиво:

– Извините, всего лишь одно слово…

– Говорите скорее, – отвечал незнакомец, останавливаясь, – уверяю вас, я очень тороплюсь.

– О! Я задержу вас всего на несколько минут, – продолжал Монбар все с той же насмешкой.

– Если вы так сильно этого желаете, я вам не откажу. Но уверяю вас, я спешу.

– Нисколько в этом не сомневаюсь. Особенно вы торопитесь уйти из этого дома, не правда ли?

– Что вы хотите сказать? – надменно спросил незнакомец.

– Я хочу сказать, – отвечал флибустьер, вставая и загораживая дверь, – что притворяться бесполезно, вы узнаны.

– Я узнан? Я вас не понимаю… Что это значит?

– Это значит, – грубо сказал Монбар, – что вы шпион и изменник и через несколько минут будете повешены!

– Я? – вскричал незнакомец с очень хорошо разыгранным удивлением. – Вы сошли с ума! Это ошибка. Приношу свои извинения.

– Я не сошел с ума и не ошибаюсь, сеньор дон Антонио де Ла Ронда.

Незнакомец вздрогнул, смертельная бледность покрыла его лицо, но он тотчас же взял себя в руки и воскликнул:

– Повторяю, это какое-то сумасшествие!

– Милостивый государь, – проговорил Монбар все еще спокойно, но по-прежнему загораживая собой дверь, – я утверждаю, вы опровергаете. Очевидно, один из нас лжет. Уверяю вас, что я не лгу. Стало быть, лжете вы, и, чтобы разрешить последние сомнения на этот счет, я

прошу вас выслушать меня. Но прежде не угодно ли вам сесть. Нам надо поговорить несколько минут, и замечу, что не слишком прилично разговаривать, уподобившись боевым петухам, готовым наскочить друг на друга.

Невольно подчиняясь устремленному на него сверкающему взору флибустьера и его резкому повелительному тону, незнакомец сел или, лучше сказать, рухнул на стул.

– Теперь, – Монбар уселся на прежнее место, поставил локти на стол и чуть подался вперед, – теперь, – продолжил он невозмутимо, – чтобы разом рассеять все иллюзии, которые вы могли сохранить, и доказать вам, что я знаю гораздо больше, чем вы желали бы, позвольте мне в двух словах рассказать вам вашу историю.

– Милостивый государь… – попытался перебить его незнакомец.

– О! Не бойтесь, – прибавил флибустьер с сарказмом, – я не стану долго испытывать ваше терпение. Так же как и вы, я не желаю тратить время на пустые разговоры. Но заметьте между прочим, как скоро наш пустой разговор сделался, что я и предвидел, интересным. Не правда ли, это странно?

– Я жду, чтобы вы объяснились, – холодно отвечал незнакомец, – потому что до сих пор я не понял ни одного слова из всего, что вы сказали.

– Ей-богу, вы пришлись мне по сердцу! Я не ошибся на ваш счет. Храбрый, холодный, скрытный, вы достойны быть флибустьером и вести с нами жизнь, полную приключений.

– Вы оказываете мне большую честь, но все это мне не объясняет…

– Потерпите немного! Как вы нетерпеливы! Остерегайтесь, ваше ремесло требует хладнокровия, а его-то в эту минуту вам и недостает.

– Вы очень остроумны. – Незнакомец насмешливо поклонился своему собеседнику.

Эта усмешка показалась флибустьеру оскорбительной. Он ударил кулаком по столу:

– Вот ваша история в двух словах. Вы андалузец, родились в Малаге, младший сын и, следовательно, были назначены в духовное звание. Однако такое будущее вас не привлекало. И в один прекрасный день вы сели на испанский корабль, отправлявшийся на Санто-Доминго. Как видите, мне известно многое, дон Антонио де Ла Ронда.

– Продолжайте, – флегматично произнес незнакомец, – вы меня чрезвычайно заинтересовали.

Монбар пожал плечами и продолжал:

– Прибыв на Санто-Доминго, вы успели за короткое время, благодаря вашей красивой внешности, а особенно вашему тонкому живому уму, найти себе могущественных покровителей, так что уже через три года вы настолько возвысились, что сделались одним из самых влиятельных людей в колонии. К несчастью…

– Вы сказали, к несчастью? – перебил незнакомец с насмешливой улыбкой.

– Да, – невозмутимо отвечал Монбар, – к несчастью, фортуна повернулась к вам спиной, и до такой степени…

– До такой степени?..

– …что, несмотря на ваших друзей, вас арестовали и угрожали судом за кражу двух миллионов пиастров, – цифра внушительная, поздравляю вас. Сознаюсь, что всякий другой на вашем месте пропал бы: Совет по делам Индий[13] не шутит, когда речь идет о деньгах.

– Позвольте мне вас прервать, милостивый государь, – сказал незнакомец с нарочитой непринужденностью, – вы рассказываете эту историю чрезвычайно красноречиво, но, если вы будете продолжать таким образом, она продлится до бесконечности. Разрешите мне закончить ее в нескольких словах.

---

[13] Речь идет о созданном в 1524 г. Королевском верховном совете по делам Индий, назначавшем должностных лиц всех рангов, как светских, так и духовных, в испанских колониях, контролировавшем деятельность колониальной бюрократии и являвшемся высшей судебной инстанцией по всем вопросам, связанным с жизнью колоний.

– Ага! Теперь вы сознаетесь, что она правдива?

– Еще бы! – отвечал незнакомец весьма самоуверенно.

– Вы сознаетесь, что вы дон Антонио де Ла Ронда?

– Для чего мне отпираться, раз вы это знаете?

– Стало быть, вы признаете, что обманом забрались в колонию с целью…

– Я сознаюсь во всем, в чем вам будет угодно, – с живостью сказал испанец.

– Стало быть, вы заслуживаете виселицу и будете повешены через несколько минут.

– Ну уж нет! – возразил испанец, не теряя хладнокровия. – Вот в этом-то мы с вами не сходимся, милостивый государь. Ваше заключение лишено всякой логики.

– Что?! – вскричал Монбар, удивляясь внезапной перемене в тоне испанца.

– Я сказал, что ваше заключение нелогично.

– Неужели?

– Я докажу это, – продолжал испанец. – Теперь ваша очередь выслушать меня.

– Хорошо, надо быть сострадательным к тому, кто скоро умрет.

– Вы очень добры, но, слава богу, до этого еще далеко. От стакана до губ большое расстояние, гласит мудрая пословица моей родины.

– Продолжайте, – сказал флибустьер с нетерпением.

Испанец даже не дрогнул.

– Для меня очевидно, милостивый государь, что вы желаете предложить мне какое-то условие.

– Я?

– Конечно. Вот почему, узнав во мне шпиона – а должен сознаться, что я действительно шпион, вы видите, я с вами предельно откровенен, – для вас ничего не могло быть легче, чем приказать повесить меня на первом же дереве без всякого суда.

– Да, и я это сейчас сделаю.

– Нет, вы не сделаете этого, и вот почему: вы думаете, по причинам, мне неизвестным, – я не хочу обижать вас предположением, будто вы почувствовали ко мне сострадание, когда мои соотечественники так справедливо называют вас Губителем, – вы думаете, повторяю, что я могу быть вам полезен для успеха вашего плана, и, следовательно, вместо того, чтобы велеть меня повесить, как вы сделали бы это при всяких других обстоятельствах, вы пришли прямо сюда, чтобы поговорить со мной с глазу на глаз. Ну же! Я сам этого желаю. Говорите, я вас слушаю. В чем заключается ваше дело?

Произнеся эти слова с самым непринужденным видом, дон Антонио откинулся на спинку стула, вертя в пальцах сигару. С минуту флибустьер смотрел на него с нескрываемым удивлением, потом, расхохотавшись, сказал:

– Ну хорошо. По крайней мере, между нами не будет недосказанности. Да, вы угадали, я хочу сделать вам предложение.

– Об этом нетрудно было догадаться. Так в чем оно состоит?

– Боже мой! Все очень просто. Вам только надо переменить вашу роль.

– Очень хорошо. Я вас понимаю. То есть вместо того, чтобы изменять вам в пользу Испании, я буду изменять Испании в вашу пользу.

– Видите, как все легко.

– Действительно легко, но чертовски опасно. Положим даже, что я соглашусь, но какая мне будет от этого польза?

– Во-первых, вас не повесят.

– Быть повешенным, утопленным или расстрелянным – почти одно и то же. Я желал бы выгоды посущественнее и поочевиднее.

– Черт побери! Вы привередливы! Разве спасти себя от петли ничего не значит?

– В ситуации, когда нечего терять, смерть скорее благодеяние, чем бедствие.

– Да вы, оказывается, философ!

– Нет, черт побери! Я просто отчаянный человек.

– Это часто одно и то же. Но вернемся к нашему делу.

– Да, вернемся.

– Я предлагаю вам свою долю добычи с первого корабля, который я захвачу. Вы согласны?

– Это уже лучше. К несчастью, корабль, о котором вы мне говорите, похож на журавля в небе. Я предпочел бы что-нибудь посущественнее.

– Вижу, что мне придется уступить. Служите мне хорошенько, и я награжу вас так щедро, как не смог бы и сам испанский король.

– Решено, я рискну. Теперь скажите мне, каких услуг вы требуете от меня?

– Я хочу, чтобы вы помогли мне захватить врасплох Черепаший остров, на котором вы долго жили и с которым вы, кажется, сохранили связи.

– Прежде всего позвольте одно замечание.

– Какое?

– Я не могу ручаться за успех этого смелого предприятия.

– Это замечание справедливо, но будьте спокойны: чем лучше будет защищен остров, тем лучше он будет атакован.

– Предположим… Но что дальше?

– Это я вам скажу после, когда придет время, сеньор, а теперь мы должны заняться другими делами.

– Как вам угодно.

– Как я уже имел честь сказать вам вначале, я знаю, что вы человек хитрый и скользкий. Способный обвести вокруг пальца кого угодно. Так как я хочу избежать этого, сделайте одолжение, отправляйтесь сейчас же на мой люгер.

– Пленником? – с досадой осведомился испанец.

– Нет, не пленником, любезный дон Антонио, а как заложник, с которым будут обращаться, исходя из соображений безопасности.

– Но слово дворянина…

– Годится между дворянами, это правда, но с негодяями, как вы нас называете, оно, по-моему, не имеет никакого смысла. Даже вы, испанский идальго, считаете для себя возможным нарушать ваше слово без малейшего зазрения совести, когда вас побуждают к этому выгоды.

Дон Антонио потупил голову и ничего не ответил. В душе он был согласен со словами флибустьера, но показать этого никак не хотел. Монбар с минуту наслаждался смущением испанца, потом три раза ударил по столу рукояткой ножа. Немедленно вошел работник.

– Я слушаю, Монбар.

– Скажи мне, мой храбрый товарищ, – обратился к нему авантюрист, – не видел ли ты краснокожего кариба, не бродит ли он вокруг этого дома?

– Монбар, краснокожий кариб спрашивал меня несколько минут назад, здесь ли вы. Я ответил утвердительно, но не хотел нарушать ваш приказ и не впустил его, несмотря на его просьбу.

– Очень хорошо. Человек этот не сказал, как его зовут?

– Напротив, он тотчас сказал, что его зовут Прыгун.

– Это тот, кого я ждал. Впусти его. Он, должно быть, ждет у дверей. И сам приходи вместе с ним.

Работник вышел.

– Чего вы хотите от этого человека? – спросил испанец с беспокойством, которое не укрылось от проницательных глаз авантюриста.

– Этого индейца я назначу вам в караульные, – сказал Монбар.

– Стало быть, вы действительно хотите задержать меня?

– Безусловно, сеньор.

В эту минуту вошел работник вместе с карибом, который был одет в национальный костюм и с головы до ног, с позволения Монбара, обвешан оружием.

– Прыгун и ты, друг мой, выслушайте хорошенько, что я вам скажу. Видите этого человека? – Флибустьер указал на испанца, все такого же бесстрастного.

– Видим, – ответили они.

– Встаньте по обе стороны от него, доставьте на люгер и сдайте матросу Мигелю Баску, приказав ему от моего имени не спускать глаз с этого человека. Если по пути к люгеру он попытается бежать, стреляйте в него без всякого промедления. Вы меня поняли?

– Поняли, – ответил работник, – положитесь на нас, мы ручаемся за него головой.

– Хорошо, полагаюсь на ваше слово… Милостивый государь, – прибавил флибустьер, обращаясь к дону Антонио, – прошу вас отправиться с этими людьми.

– Я повинуюсь силе.

– Да, я понимаю. Но успокойтесь, ваш плен будет непродолжителен и не жесток. Я сдержу обещание, данное вам, если вы со своей стороны сдержите ваше. Ступайте же. До свидания!

Испанец ничего не ответил, встал между караульными и вышел вместе с ними из дома.

Глава XVI
Продажа невольников

Монбар поднялся, надел плащ и уже хотел выйти из дома, когда на пороге очутился лицом к лицу с капитаном Дрейком.

– А-а! Ты здесь, брат? – воскликнул Дрейк.

– Да, я завтракал.

– И правильно делал.

– Пойдешь со мной на рынок невольников?

– Нет, мне никто не нужен.

– И мне не нужен. Но ты ж знаешь, что тотчас после продажи начнется набор.

– Да, правда! Дай мне только сказать несколько слов моему работнику, и я пойду с тобой.

– Твой работник ушел.

– Я же велел ему не уходить!

– Но я дал ему поручение.

– А-а, тогда другое дело.

И оба флибустьера вышли из дома.

– Ты не спрашиваешь, какое поручение я дал твоему работнику, – заметил Монбар через несколько минут.

– А для чего мне спрашивать? Тебе виднее.

– Это касается тебя гораздо больше, чем ты думаешь.

– Каким образом?

– Ты оказал гостеприимство одному незнакомцу, не так ли?

– Да. Но при чем здесь…

– Сейчас поймешь. Этот незнакомец, которого ты не знаешь… Ты ведь не знаешь его?

– Нет. Что мне за дело до него? В гостеприимстве отказывать нельзя.

– Это правда, но я узнал этого человека.

– Да? И кто же это?

– Ни больше ни меньше как испанский шпион.

– Вот тебе раз! – сказал капитан, останавливаясь.

– Что такое?

– Ничего-ничего! Я только пойду прострелю ему голову, если ты еще этого не сделал.

– Нет, брат, я убежден, что этот человек окажется нам очень полезен.

– Каким же образом?

– Можно при желании извлечь выгоду даже из испанского шпиона. Пока что я отправил его с твоим работником и моим человеком на люгер, где его будут стеречь. Так что он от нас не ускользнет.

– Надеюсь… Спасибо, брат! Ты избавил меня от негодяя.

Разговаривая таким образом, оба флибустьера дошли до площади, где проходила торговля работниками.

Справа находился большой дощатый сарай, продуваемый всеми ветрами. Посреди сарая стоял стол для секретарей компании, которые производили продажу и составляли контракты. Для губернатора было приготовлено кресло возле довольно высокого помоста, куда каждый работник или работница всходили поочередно для того, чтобы покупатели могли свободно их рассмотреть. Эти несчастные европейцы, обманутые агентами Компании, заключили соглашения, последствий которых не понимали, и были убеждены, что по приезде в Америку, по истечении не слишком продолжительного срока, они получат свободу и смогут зарабатывать себе на пропитание как захотят. Среди наемников находились и сыновья разорившихся родителей,

и кутилы, для которых труд был делом презренным и которые воображали, будто в Америке, стране золота, богатство само свалится им на голову.

Несколько дней назад корабль компании привез полторы сотни наемников. Среди них находилось несколько женщин, по большей части молодых и хорошеньких, но развратных. Полиция задержала их на улице, и без всякого суда они были отправлены в Америку. Женщины эти также должны были в результате торгов достаться колонистам, но не как невольницы, а как жены. Союзы эти, заключенные по цыганскому обычаю, должны были длиться определенное время, не больше семи лет, если только не последует взаимного согласия супругов для продолжения брака. Но этого не случалось почти никогда: по окончании срока пары расходились и каждый имел право вступать в новый брак.

Работники были привезены с корабля на остров уже два дня назад. Эти два дня были им даны для того, чтобы они могли немного прийти в себя, оправиться от усталости, накопленной во время продолжительного морского путешествия, погулять и подышать живительным воздухом, которого они были так долго лишены.

К тому моменту, когда подошли два флибустьера, торги длились уже полчаса и в сарае собралась целая толпа колонистов, желавших купить невольников – мы вынуждены употреблять подобное слово, потому что эти несчастные, оборванные люди были не кем иным, как рабами. При появлении Монбара толпа расступилась, и ему довольно легко удалось в сопровождении капитана занять место возле губернатора, кавалера де Фонтенэ, где уже находились самые знаменитые авантюристы. Здесь же был и Мигель Баск.

Кавалер де Фонтенэ учтиво приветствовал Монбара, он даже встал со своего места и сделал два шага в его сторону, что было с удовольствием встречено флибустьерами. Уважение, оказанное самому знаменитому флибустьеру, касалось и всех остальных. Обменявшись несколькими учтивыми словами с губернатором, Монбар наклонился к Баску:

– Ну что?

– Испанец на люгере, – ответил Мигель, – под присмотром Дрейфа.

– Стало быть, я могу не беспокоиться?

– Совершенно!

Торги тем временем продолжались. Все работники были проданы, кроме одного, который стоял в эту минуту на помосте возле агента компании, исполнявшего роль аукциониста. Ему было поручено восхвалять достоинства человеческого товара, выставленного на продажу. Последний работник был малый небольшого роста, коренастый, крепкого сложения, лет двадцати шести, с жесткими, решительными чертами умного лица. Его серые глаза светились отвагой и весельем.

– Жан-Франсуа Но, родившийся в провинции Пуату, в местечке Сабль-д'Олоне, – начал агент компании, – двадцати пяти лет, сильный и здоровый матрос. Сорок экю за Олоне, сорок экю за три года, господа!

– Тот, кто меня купит, не прогадает, – сказал Жан-Франсуа Но.

– Сорок экю, – продолжал агент, – сорок экю, господа!

Монбар обратился к работнику:

– Негодяй! Ты матрос, и, вместо того чтобы присоединиться к нам, ты продал себя? Какое ничтожество!

Олоне засмеялся:

– Вы не понимаете! Я продал себя потому, что это было необходимо. Для того, чтобы моя мать могла сводить концы с концами во время моего отсутствия.

– Как это?

– Что вам за дело? Вы пока что не мой господин, а если даже и станете им, то я не буду обязан отчитываться вам о своих делах.

– Да ты смельчак, как я посмотрю.

– Мне самому так кажется. И я хочу сделаться таким же флибустьером, как и все вы, но для этого мне еще нужно поучиться ремеслу.

– Сорок экю! – вскричал агент.

Монбар внимательно рассматривал работника, который слегка присмирел под его взглядом. Оставшись весьма довольным результатами осмотра, Монбар обернулся к агенту:

– Хватит кричать! Я покупаю этого человека.

– Олоне присужден Монбару Губителю за сорок экю, – провозгласил агент.

– Вот деньги. – Флибустьер бросил на стол горсть серебра. – Пойдем, – приказал он Олоне, – теперь ты мой работник.

Тот спрыгнул с помоста и с радостным видом подбежал к Монбару.

– Так это вы Монбар Губитель? – с любопытством спросил он.

– Ты, кажется, меня допрашиваешь, – рассмеялся флибустьер, – однако твой вопрос кажется мне вполне естественным, и на этот раз я тебе отвечу: да, это я.

– Раз так, я благодарю, что вы купили меня, Монбар! С вами я наверняка быстро стану знаменитым.

По знаку своего нового господина он почтительно стал позади него.

Начиналась самая увлекательная для авантюристов часть торгов – продажа женщин. Несчастные женщины, по большей части молодые и хорошенькие, дрожа, поднимались на помост и, несмотря на свои усилия держаться с достоинством, краснели и опускали головы от стыда. Слезы текли по их лицам, когда они ловили на себе взгляды распаленных мужчин. Компания имела особенно большие барыши на женщинах, потому что получала их даром, а продавала дорого. Мужчины обычно шли с молотка по цене от тридцати до сорока экю, не более. Женщины же продавались с аукциона за большие деньги. Только губернатор имел право остановить торги, когда цена казалась ему достаточной.

Женщин всегда отдавали покупателям под непристойные выкрики и скабрезные шутки. Так приветствовали флибустьеры своих собратьев, которые не боялись пускаться по брачному океану, полному подводных камней.

Красивая Голова, свирепый флибустьер, о котором мы уже говорили, купил, как и намеревался, двух работников взамен двух умерших, по его выражению, от лености, но в действительности от его побоев. Потом, вместо того чтобы вернуться домой, он поручил купленных работников слуге, а сам остался, чтобы поглазеть на продажу женщин. Друзья подшучивали над ним, но он, устремив глаза на помост, только презрительно пожимал плечами и стоял, сложив руки на дуле своего длинного ружья.

Место на помосте заняла молодая женщина, нежная, стройная, почти ребенок, с белокурыми кудрявыми волосами, падавшими на ее белые худощавые плечи. Гладкий лоб, большие голубые глаза, наполненные слезами, свежие щеки, крошечный ротик делали ее еще моложе, нежели она была в действительности. Ей было восемнадцать лет. Тонкий и гибкий стан, кроткий вид – словом, все в ее восхитительной наружности имело обольстительное очарование, составлявшее полный контраст с решительными и пошлыми ухватками женщин, появлявшихся на помосте до и после нее.

– Луиза, родившаяся на Монмартре, восемнадцати лет. Кто берет ее в жены на три года за пятнадцать экю? – В голосе агента компании слышалась насмешка.

Бедная девушка закрыла лицо руками и заплакала.

– Двадцать экю за Луизу! – сказал какой-то авантюрист, подходя к помосту.

– Двадцать пять, – немедленно откликнулся другой.

– Велите ей поднять голову, чтобы лицо было видно! – грубо закричал третий.

– Ну, малютка, не упрямься, – сказал агент, заставляя Луизу отнять руки от лица, – дай посмотреть на себя, это для твоей же пользы, черт побери! Двадцать пять экю!

– Пятьдесят! – внезапно произнес Красивая Голова со своего места.

Взоры всех устремились на него. До сих пор Красивая Голова выказывал глубокое пренебрежение к женщинам.

– Шестьдесят! – закричал один авантюрист, который вовсе не собирался покупать эту девушку, а только хотел подзадорить своего товарища.

– Семьдесят! – сказал другой с тем же намерением.

– Сто! – закричал Красивая Голова с гневом.

– Сто экю, господа! Сто экю! Луизу на три года! – бесстрастно сказал агент.

– Полтораста.

– Двести!

– Двести пятьдесят!.. Триста! – закричали в одно и то же время несколько авантюристов, постепенно подступая все ближе к помосту.

Красивая Голова побледнел от бешенства. Он боялся, что Луиза достанется кому-нибудь другому. Он вдруг вообразил, что ему непременно нужна женщина для ведения хозяйства. Луиза понравилась ему с первого взгляда, и он захотел ее купить.

– Четыреста экю! – закричал он вызывающе.

– Четыреста экю! – повторил агент компании монотонным голосом.

Наступило молчание. Четыреста экю составляли порядочную сумму. Красивая Голова торжествовал.

– Пятьсот! – вдруг воскликнул резкий и звучный голос.

И торг вновь разгорелся.

Агент компании весело потирал руки, повторяя:

– Шестьсот! Семьсот! Восемьсот! Девятьсот!

Зрителями овладело какое-то неистовство, авантюристы в раже набавляли цену. Девушка плакала. Красивая Голова был в бешенстве, похожем на помешательство. Сжимая ружье судорожно подергивающимися пальцами, он чувствовал безумное искушение послать пулю в самого решительного из противников. Однако присутствие кавалера де Фонтенэ удерживало его.

– Тысяча! – закричал он в бешенстве.

– Тысяча двести! – немедленно отозвался самый резвый из конкурентов.

Красивая Голова топнул ногой, перекинул ружье через плечо, надвинул шляпу на лоб и медленными, торжественными шагами – так передвигались бы статуи, если бы они умели ходить, – подошел и стал рядом со своим докучливым противником. Тяжело ударив о землю прикладом ружья в нескольких дюймах от ноги этого наглеца, он посмотрел вызывающе и закричал прерывающимся от волнения голосом:

– Полторы тысячи!

Конкурент в свою очередь гордо поднял голову, отступил на шаг, взвел курок своего ружья, а потом спокойно сказал:

– Две тысячи!

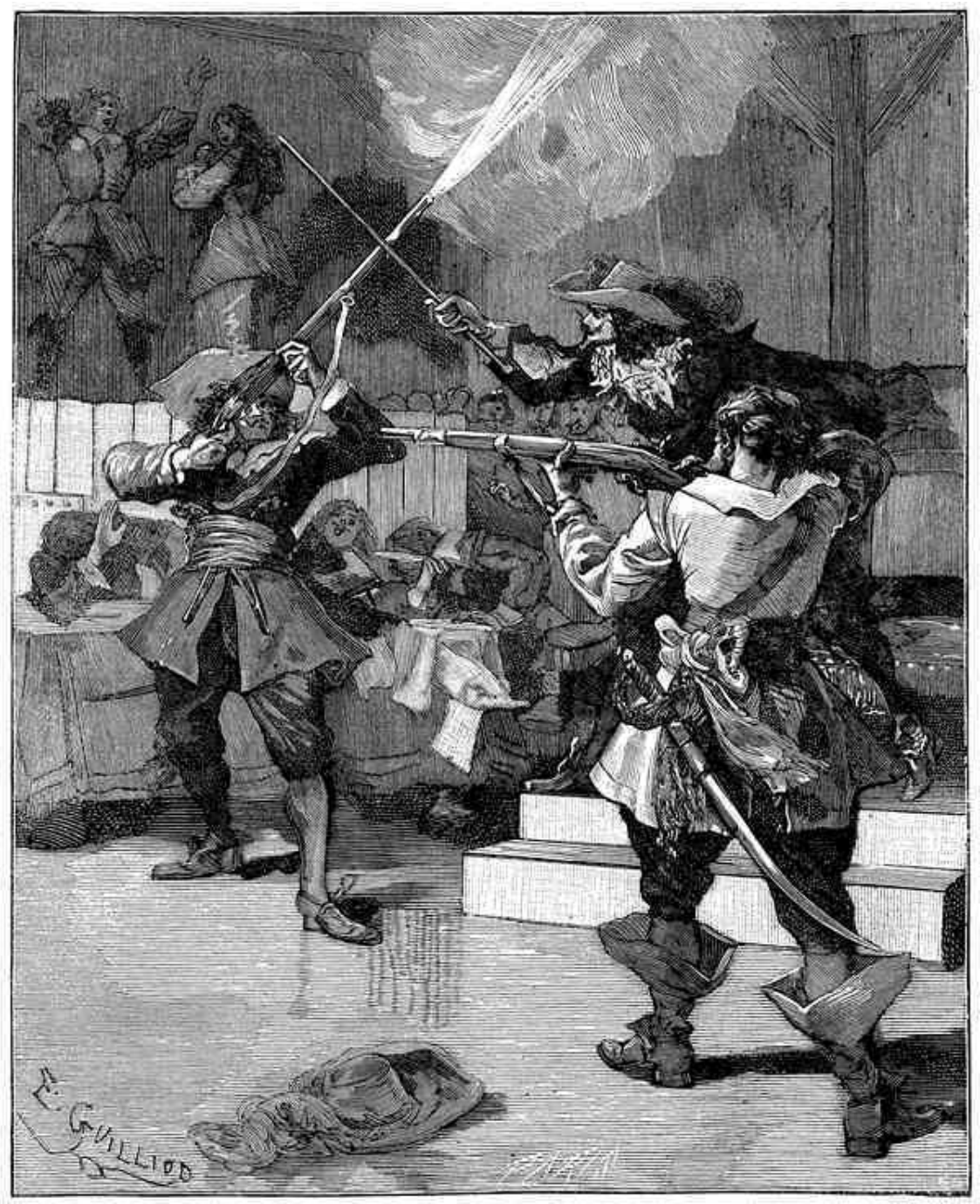
Понимая, что дело зашло слишком далеко, остальные участники торга благоразумно отступили. Борьба превратилась в ссору, которая угрожала стать кровавой. Мертвая тишина повисла над собравшимися. Противостояние двух этих людей парализовало всякое веселье, остановило все шутки. Губернатор с участием следил за развитием событий и готовился вмешаться. Авантюристы расступились, оставляя большое пространство вокруг соперников.

Красивая Голова также сделал несколько шагов назад, поднял ружье на плечо и прицелился в своего противника.

– Три тысячи! – сказал он.

– Три тысячи пятьсот! – закричал другой, спуская курок.

Раздался выстрел.



Но губернатор стремительным движением трости ударил по стволу ружья, и пуля ушла в крышу сарая. Красивая Голова все это время оставался неподвижен. И только когда звук выстрела затих, он опустил свое ружье.

– Милостивый государь! – с негодованием обратился губернатор к стрелявшему флибустьеру. – Вы поступили бессовестно, вы чуть не совершили убийство.

– Господин губернатор, – холодно ответил флибустьер, – когда я выстрелил, в меня прицеливались. Стало быть, это была дуэль.

Губернатор колебался, довод был не лишен логики.

– Это не имеет значения, – продолжал он через минуту, – законы о дуэли не были вами соблюдены. Я наказываю вас исключением из числа конкурентов. Я приказываю, – обратился

он к агенту компании, – чтобы женщина, явившаяся причиной этого неприятного спора, была присуждена мсье Красивая Голова за три тысячи экю.

Агент поклонился с довольно угрюмым видом. Торги шли весьма лихо, и он надеялся достичь цифры еще более значительной. Но возражать кавалеру де Фонтенэ было нельзя, приходилось покориться.

– Луиза присуждена за три тысячи экю! – обратился агент к Красивой Голове со вздохом сожаления не о женщине, а о деньгах.

– Очень хорошо, господин губернатор, – сказал проигравший флибустьер со зловещей улыбкой, – я должен смириться с вашим приговором, но с Красивой Головой мы еще увидимся.

– Надеюсь, Пикар! – холодно ответил дьеппец. – Теперь разговор между нами будет вестись до пролитой крови.

В это время Луиза сошла с помоста, а ее место заняла другая женщина. Вся в слезах, девушка остановилась возле Красивой Головы, отныне ее повелителя. Кавалер де Фонтенэ бросил сострадательный взгляд на бедняжку, для которой, по всей вероятности, начиналась тяжелая жизнь с человеком весьма крутого нрава, и сказал ей как можно мягче:

– Милостивая государыня, с нынешнего дня на три года вы становитесь законной супругой Красивой Головы. Вы обязаны его любить, повиноваться ему и оставаться верной. Таковы законы колонии. Через три года вы имеете право оставить его или продолжать жить с ним, если он на это будет согласен. Подпишите бумагу.

Несчастная девушка, ослепленная слезами, вне себя от отчаяния, подписала бумагу, которую ей подал губернатор, потом бросила горестный взгляд на безмолвную и равнодушную толпу, где у нее не было ни одного друга.

– Что я теперь должна делать? – спросила она губернатора тихим дрожащим голосом.

– Вы должны следовать за человеком, который на три года сделался вашим мужем, – ответил кавалер де Фонтенэ сочувственно.

Красивая Голова дотронулся до плеча Луизы. Девушка вздрогнула.

– Ты должна следовать за мной, – сказал Красивая Голова, – господин губернатор объяснил тебе, что теперь я твой муж на три года, и до окончания этого срока у тебя нет другого господина, кроме меня. Слушай же и запомни хорошенько мои слова: то, что ты делала и кем была до сих пор, меня не касается. – Голос его был мрачным, и бедная девушка все больше холодела от ужаса. – Но начиная с нынешнего дня и с этой минуты ты зависишь от меня, от меня одного, я вверяю тебе мою честь, которая становится твоей честью, и если ты ее опозоришь, если ты забудешь свой долг, вот что тебе напомнит о нем! – сказал он, с силой ударив ружьем о землю. – А теперь ступай за мной.

– Будьте поласковей, Красивая Голова! – Кавалер де Фонтенэ не смог удержаться от восклицания. – Она еще так молода.

– Я буду справедлив, господин губернатор. Благодарю за то, что честно рассудили нас. А теперь мне пора. Пикар, приятель, ты знаешь, где меня найти.

– Я непременно найду тебя. Попозже. Не хочу мешать твоему медовому месяцу, – ответил Пикар с насмешкой.

Красивая Голова ушел в сопровождении своей жены. Торги пошли своим чередом. Оставшиеся женщины, к великому сожалению агентов компании, были раскуплены за цену гораздо ниже той, за которую была продана Луиза. Флибустьеры уже хотели уходить, но в это время Монбар взошел на помост и обратился к толпе:

– Братья, остановитесь, я должен сообщить вам нечто важное.

Авантюристы замерли, кто где стоял.

Глава XVII
Набор

Флибустьеры снова столпились около помоста, с нетерпением ожидая, что скажет Монбар.

– Братья, – начал Монбар – я готовлю новую экспедицию, для которой мне нужны триста смельчаков. Кто из вас хочет отправиться в набег с Монбаром Губителем?

– Все! Все! – закричали флибустьеры с энтузиазмом.

Губернатор сделал движение, намереваясь уйти.

– Извините, кавалер де Фонтенэ, – обратился к нему Монбар, – я прошу вас задержаться. Я задумал очень серьезную экспедицию и сейчас продиктую договор о разделе добычи, который я попрошу вас, губернатора колонии, подписать прежде наших товарищей. Кроме того, я должен сделать вам предложение.

– Я останусь, если вы просите, Монбар, – ответил губернатор, усаживаясь на прежнее место. – Однако позвольте узнать, что за предложение?

– Вы владелец двух бригантин, каждая водоизмещением двадцать тонн?

– Да, это так.

– В настоящую минуту эти бригантины вам не нужны, не так ли? Ведь вы, кажется, отказались от набегов. А мне они будут очень и очень кстати.

– Считайте, что с этой минуты бригантины в вашем распоряжении, – любезно ответил губернатор.

– Благодарю вас за ваше одолжение, но в такой экспедиции никто не может предвидеть, что случится, поэтому я хочу купить эти два корабля за четыре тысячи экю наличными.

– Хорошо, если вы этого желаете. Я рад доставить вам удовольствие, отныне оба корабля принадлежат вам.

– Я буду иметь честь вручить вам четыре тысячи экю через час.

Они поклонились друг другу, потом флибустьер повернулся к авантюристам, которые ждали, сгорая от нетерпения. Покупка двух судов еще более подогрела их любопытство.

– Братья! – сказал Монбар звучным и ясным голосом. – Вот уже два месяца, как мы не предпринимали никаких экспедиций, ни одно судно не отправлялось в набег. Разве вам не надоела праздная жизнь, которую мы ведем? Разве вы не начинаете чувствовать нехватку денег? Разве ваши кошельки не начинают пустеть? Друзья, решайтесь. Если вы отправитесь со мной, то уже через две недели ваши карманы наполнятся испанскими пиастрами и хорошенькие девушки, теперь к вам суровые, станут расточать вам очаровательные улыбки! Долой испанцев, братья! Пусть те из вас, кто хочет следовать за мной, назовут свои имена Мигелю Баску, моему матросу. Только помните: раз добыча богата, то и опасность велика. И я желаю набрать людей, решившихся или победить, или храбро умереть, не прося пощады и самим не щадя врага. Я, Монбар Губитель, не щажу испанцев и не требую пощады от них!

Речь Монбара была встречена одобрительными возгласами. Он знал, как нужно говорить с авантюристами, когда нужно было увлечь их.

Началась вербовка. Мигель Баск сел за стол на место агента компании, и принялся записывать имена флибустьеров. Они толпились около него и, предвидя, что экспедиция окажется прибыльной, все до единого хотели принять в ней участие.

Но Мигель получил строгие инструкции от своего капитана. Он знал, что в людях недостатка не будет: их окажется даже больше, чем нужно. Поэтому Мигель был разборчив и безжалостно отказывал тем из флибустьеров, чья репутация людей – мы не скажем храбрых, все были храбры как львы, – но людей безумно отважных еще не установилась. Несмотря на исключительную придирчивость Мигеля Баска, триста человек скоро были записаны. Это были самые

храбрые флибустьеры, совершившие неслыханно дерзкие подвиги, такие люди, с которыми предпринять и исполнить невозможное было чем-то вроде детской игры.

Первыми записались, как было оговорено заранее, члены Товарищества Двенадцати. Де Фонтенэ, сам бывший флибустьер, не только знал репутацию каждого, но и видел в деле всех этих людей. Наблюдая за записью, он не мог опомниться от удивления и ежеминутно повторял Монбару, стоявшему рядом со спокойной улыбкой:

– Но что же вы задумали? Уж не собираетесь ли вы захватить Санто-Доминго?

– Может быть, – уклончиво отвечал флибустьер.

– Однако мне кажется, что я имею право на ваше доверие, – сказал губернатор обиженным тоном.

– Да, на самое полное доверие, но только вам известно, что первое условие успеха подобной экспедиции – тайна.

– Это правда.

– Я ничего не могу сказать, но не мешаю вам догадаться.

– Догадаться? Но как?

– Может быть, договор о разделе добычи объяснит вам кое-что?

– Так составьте же этот договор.

– Потерпите еще немного… Ну вот, сюда идет Мигель. Закончен набор?

– Еще бы! У меня записались триста пятьдесят человек.

– Черт побери! Это много.

– Никак нельзя было отказать. Все хотят идти с Монбаром.

– Что ж, делать нечего, – улыбнулся Монбар. – Дай мне твой список.

Мигель подал. Флибустьер огляделся и, приметив агента компании, который, распираемый любопытством, остался, чтобы присутствовать при наборе, сказал ему:

– Милостивый государь, вы, кажется, агент компании?

– Да, – ответил тот, поклонившись, – имею честь.

– Если так, позвольте попросить вас оказать мне услугу.

– Говорите, я буду рад помочь вам.

– Милостивый государь, мы с моими товарищами люди не ученые, лучше управляемся со шпагой, чем с пером. Не будете ли вы так любезны на несколько минут послужить мне секретарем и написать договор о разделе добычи. Буду иметь честь продиктовать вам этот договор, а мои товарищи потом его подпишут.

– Рад, что вы удостаиваете меня своим доверием, – сказал агент, поклонившись.

Он сел за стол, взял бумагу и приготовил перо.

– Тишина, господа! – воскликнул кавалер де Фонтенэ, перекинувшись несколькими словами с Монбаром.

Все разговоры тотчас прекратились, и воцарилась полная тишина. Де Фонтенэ продолжал:

– Экспедиция флибустьеров, состоящая из двух бригантин и одного люгера, выйдет с острова Сент-Кристофер под командой Монбара, которого я назначаю именем его величества короля Людовика Четырнадцатого командующим эскадрой в чине адмирала. Эта экспедиция, цель которой остается в секрете, состоит из трехсот пятидесяти отборных флибустьеров. Капитанами кораблей назначаются трое: Мигель Баск, Уильям Дрейк и Жан Давид. Им велено во всем руководствоваться приказаниями, которые они получат от адмирала. Каждый капитан сам назначит офицеров своего экипажа. Теперь, – обратился губернатор к Монбару, – продиктуйте договор.

Флибустьер поклонился и, обратившись к агенту компании, который ждал, подняв и голову, и перо, спросил:

– Вы готовы?

– Я жду ваших приказаний.

– Пишите.

Ни одна экспедиция никогда не выходила из гавани, не составив заранее договора о разделе добычи. Этот так называемый фрактовый, или фартовый, договор, где права каждого строго оговариваются и неукоснительно соблюдаются, служит законом для людей, с которыми трудно бывает договориться на суше. Но они безропотно покоряются самым строгим требованиям флотской дисциплины. Как только они ступают ногой на корабль, вчерашний капитан, сделавшийся сегодня матросом, без ропота покоряется своему подчиненному положению, которое продолжается во время кампании и кончается по возвращении, когда каждый член экспедиции вновь оказывался в равных со всеми правах.

Мы дословно приводим сей необычный фартовый договор, потому что по этому подлинному документу читатель легче поймет важность и значимость предстоящего флибустьерам дела. Монбар диктовал спокойным голосом, среди благоговейного молчания присутствующих, которое лишь изредка прерывали крики одобрения.

«Договор командующего эскадрой адмирала Монбара, капитанов Мигеля Баска, Уильяма Дрейка, Жана Давида с Береговыми братьями, подчинившимися им по доброй воле.

Командующий эскадрой будет иметь право на получение ста долей.

Каждый капитан получит двадцать долей.

Каждый брат получит четыре доли.

Эти доли будут считаться после того, как доля короля будет взята из всей добычи.

Хирурги, кроме своей доли, получат по двести пиастров в возмещение затрат на лекарства.

Плотники, кроме своей доли, будут иметь право на вознаграждение за свой труд, каждый – по сто пиастров.

Всякое неповиновение будет наказано смертью, несмотря на имя и звание того, кто окажется виновным.

Братья, отличившиеся во время экспедиции, будут награждены следующим образом:

тот, кто собьет неприятельский флаг с крепости и водрузит флаг французский, будет иметь право, кроме своей доли, на пятьдесят пиастров;

тот, кто возьмет в плен неприятеля, кроме своей доли, получит по сто пиастров за каждого;

гренадеры за каждую гранату, брошенную в крепость, получат по пять пиастров;

тот, кто захватит в сражении неприятельского офицера, будет вознагражден, если он рисковал своей жизнью, лично командующим эскадрой.

Сверх того причитаются, кроме доли, премии раненым и изувеченным:

за потерю обеих ног – полторы тысячи экю или пятнадцать невольников, по выбору изувеченного, если невольников окажется достаточное количество;

за потерю обеих рук – тысячу восемьсот пиастров или восемнадцать невольников, по выбору;

за одну ногу, без различия, правую или левую, – пятьсот пиастров или пять невольников;

за потерю одного глаза – сто пиастров или одного невольника;

за одну руку, без различия, правую или левую, – пятьсот пиастров или пять невольников;

за оба глаза – две тысячи пиастров или двадцать невольников;

за один палец – сто пиастров или одного невольника;

если кто-нибудь получит опасную рану на теле, тому полагаются пятьсот пиастров или пять невольников.

Разумеется, все эти награды будут вычтены из всей добычи перед разделом долей.

Добыча со всякого неприятельского корабля, взятого в море или на рейде, будет разделена между всеми членами экспедиции, если только она не будет оценена более десяти тысяч экю, – в таком случае тысяча экю будет вычтена и дана экипажу корабля, который подошел к неприятельскому кораблю первым; экспедиция выкинет французский флаг, кроме того, командующий эскадрой выкинет на большой мачте трехцветный флаг – синие-бело-красный.

Ни один офицер или моряк, участвующий в экспедиции, не может оставаться на берегу без позволения командующего эскадрой под страхом быть объявленным дезертиром и преследуемым за бегство».

Когда этот последний пункт договора, который так же, как и предшествующие, все выслушали в глубоком молчании, был записан агентом компании, Монбар взял документ и зачитал его целиком громко и внятно.

– Согласны вы с этим договором, братья? – спросил он флибустьеров.

– Да! Да! – закричали все, размахивая шляпами. – Да здравствует Монбар! Да здравствует Монбар!

– И вы клянетесь, как клянемся я и мои офицеры, повиноваться без ропота и строго исполнять все пункты этого договора?

– Клянемся! – вновь воскликнули все.

– Хорошо, – продолжал Монбар, – завтра с восходом солнца начнется отправка на корабли. Все должны быть на своих местах до десяти часов утра.

– Будем.

– Теперь, братья, позвольте вам напомнить, что каждый из вас должен быть вооружен ружьем и саблей, иметь мешок с пулями и по крайней мере три фунта пороха. Повторяю – экспедиция, предпринимаемая нами, очень важна, и вы должны не забыть выбрать себе матросов, чтобы они помогали вам в случае болезни или ран и завещали вам свою долю в добыче, которая без этой предосторожности достанется королю. Вы меня поняли, братья? Воспользуйтесь на свое усмотрение несколькими часами свободы, которые еще остаются у вас, но не забудьте, что завтра на рассвете я жду вас на судах.

Флибустьеры, ответив громкими криками, вскоре разошлись. Остались только губернатор, Монбар, его капитаны и новый работник Олоне, которого Монбар купил несколько часов тому назад и который, вместо того чтобы печалиться, казался, напротив, очень довольным всем, что с ним происходило.

– Больше у меня распоряжений для вас нет, господа, – сказал Монбар, – вы знаете так же хорошо, как и я, что нужно делать. Киньте между собой жребий, потом отправляйтесь на корабль, осмотрите все и приготовьтесь сняться с якоря по первому сигналу. Вот единственное приказание, которое я должен вам отдать… Ступайте.

Три капитана поклонились и тотчас ушли.

– Ах! – с сожалением заметил кавалер де Фонтенэ. – Любезный Монбар, я никогда не могу смотреть на приготовления к экспедиции без зависти и печали.

– Еще бы! Каждая экспедиция увеличивает ваше богатство.

– Что мне до этого? Мною движет не корысть. Впрочем, теперь не время рассуждать об этом. Отправляйтесь, и если вы будете иметь успех, в чем я лично не сомневаюсь, мы, может быть, вдвоем предпримем экспедицию, о которой потом долго будут говорить.

– Для меня большая честь иметь такого товарища, – ответил флибустьер, – ваши необыкновенные заслуги и непоколебимое мужество станут порукой нашему успеху. Я всегда готов исполнить любое ваше приказание, если только Богу будет угодно, чтобы я и на этот раз добился успеха и вернулся целым и невредимым.

– До свидания! Желаю вам удачи.

– Благодарю вас.

Так разговаривая, они вышли из сарая, пожали друг другу руки и после прощального поклона разошлись. Флибустьер в сопровождении своего нового работника направился к дому. В ту минуту, когда он выходил из города, к нему подошел какой-то человек и поклонился.

– Чего вам нужно? – спросил авантюрист, бросив на него оценивающий взгляд.

– Сказать вам одно слово.

– Какое?

– Вы капитан Монбар?

– Вы, должно быть, не здешний, если задаете такой вопрос.

– Это не имеет значения, отвечайте.

– Я капитан Монбар.

– Вам письмо.

– Письмо, мне? – переспросил Монбар с удивлением.

– Вот оно, – проговорил незнакомец, подавая Монбару письмо.

– Давайте.

– Ну все, теперь данное мне поручение исполнено, прощайте.

– Но позвольте мне, в свою очередь, сказать вам одно слово.

– Говорите.

– От кого это письмо?

– Я не знаю, но, прочтя это письмо, вы, вероятно, узнаете.

– Да, это правда.

– Стало быть, я могу идти?

– Никто вас не удерживает.

Незнакомец поклонился и ушел. Монбар распечатал письмо, быстро пробежал его глазами и побледнел. Потом прочел опять, но на этот раз медленно и как бы оценивая каждое слово. Потом, обернувшись к работнику, стоявшему неподвижно рядом, спросил:

– Ты ведь матрос?

– Матрос, и, я думаю, искусный.

– Хорошо, ступай за мной.

Флибустьер поспешно вернулся в город и направился к морю. Он как будто искал чего-то. Через минуту мрачное выражение его лица прояснилось. Он заметил тонкую легкую пирогу, выброшенную на берег.

– Помоги мне столкнуть эту пирогу в море, – приказал он работнику.

Тот повиновался. Как только пирога оказалась на воде, Монбар впрыгнул в нее, сопровождаемый своим работником.

– Поставь мачту, чтобы мы могли распустить парус, – велел Монбар.

Олоне молча сделал, что ему было приказано. В одно мгновение парус был распущен, и легкая пирога полетела по волнам.

Долго они плыли таким образом, не обмолвившись ни единым словом и оставив далеко за собой все корабли на рейде.

– Ты говоришь по-испански? – внезапно спросил Монбар.

– Как уроженец Старой Кастилии, – ответил тот.

– О! – с удивлением воскликнул Монбар.

– Это легко объяснить, – продолжал Олоне, – я ходил с байонцами и басками на ловлю китов и несколько лет занимался контрабандой на испанском берегу.

– Тебе нравятся испанцы?

– Нет, – отвечал Олоне, нахмурив брови.

– Верно, у тебя есть на то причина?

– Есть.

– Можешь сказать?

– Почему бы и нет?

– Так говори.

– У меня было свое судно, на котором я занимался контрабандой. Я трудился шесть лет, чтобы скопить сумму, необходимую для покупки этого судна. Однажды, когда я пытался провезти запрещенный товар, меня захватил испанский таможенный люгер. Судно мое пошло ко дну, мой брат был убит, я сам опасно ранен и попал в руки к испанцам. Вместо того чтобы перевязать мои раны, они отдубасили меня и оставили лежать без сознания. Мне удалось хитростью, перетерпев неописуемые мучения, голод, холод и тому подобное, что было бы слишком долго перечислять, перебраться во Францию. Я был свободен, но мой брат погиб по милости испанцев. Вот и вся моя история.

– Печально, мой милый… Стало быть, тебя привела к нам ненависть, а не только желание обогатиться?

– Ненависть прежде всего.

– Хорошо! Садись на мое место и правь, а я пока кое-что обдумаю. Мы идем к Невису. Держи курс на юго-восток, вон к тому мысу.

Олоне сел на руль, Монбар закутался в плащ, надвинул шляпу на глаза, опустил голову на грудь и застыл, неподвижный, как статуя. Пирога продолжала плыть, подгоняемая ветром.

Глава XVIII
Невис

Невис отделен от острова Сент-Кристофер каналом всего в полмили шириной. Возник этот очаровательный плодородный остров, по всей вероятности, в результате вулканического взрыва. Об этом говорит кратер, содержащий горячий источник с водой, сильно пропитанной серой. Издали остров имеет вид расширяющегося конуса. И действительно, весь остров – не что иное, как очень высокая гора, подножие которой омывается волнами. Склоны этой горы, сперва отлогие, становятся мало-помалу крутыми, растительность исчезает, а вершина, покрытая снегом, теряется в облаках.

Во время высадки испанцев на Сент-Кристофер многие флибустьеры искали приюта на этом острове. Некоторые, прельстившись живописными видами, окончательно здесь обосновались, но между поселениями были слишком большие расстояния, и обитатели острова не могли помогать друг другу в случае нападения неприятеля. Но плантации, которые они разбили на острове, преуспевали и обещали скоро давать значительную прибыль.

Хотя легкая пирога флибустьера, подгоняемая попутным ветром, двигалась быстро, до острова пришлось добираться довольно долго: прежде чем достичь нужного места, следовало войти в пролив и проплыть его во всю длину.

Солнце начинало уже клониться к закату, когда пирога наконец вошла в небольшую песчаную бухту.

– Привяжи лодку, спрячь весла в траве и ступай за мной, – приказал Монбар.

Олоне повиновался с присущей ему быстротой.

– Взять ружье? – спросил он хозяина.

– Возьми, это не повредит, – ответил Монбар, – флибустьер никогда не должен ходить без оружия.

– Хорошо, буду помнить.

Они прошли по едва заметной тропинке, которая от берега шла покато и кончалась узкой эспланадой[14], посреди которой, недалеко от скалы, была раскинута легкая палатка. У входа в палатку сидел человек, читавший молитвенник. На человеке этом был строгий костюм францисканцев. Он казался уже немолодым, был бледен, худощав, лицо его, со строгими чертами отшельника, было умным и кротким. При звуке тяжелых шагов авантюристов он живо поднял голову, и печальная улыбка мелькнула на его губах. Поспешно закрыв книгу, он встал и сделал несколько шагов навстречу пришедшим.

– Господь да будет с вами, дети мои, – сказал он по-испански, – если вы пришли с чистыми намерениями. Если нет – да внушит Он вам чистые мысли.

– Отец мой, – сказал флибустьер, отвечая на его поклон, – я тот, кого флибустьеры на острове Сент-Кристофер называют Монбаром Губителем, намерения мои чисты. Приехав сюда, я исполнил ваше желание видеть меня, если вы действительно фра[15] Арсенио Мендоса, тот, кто несколько часов назад прислал мне письмо.

– Я действительно тот, кто вам писал, сын мой. Меня зовут фра Арсенио Мендоса.

– Если так, говорите, я готов выслушать вас.

– Сын мой, – произнес монах, – то, что я хочу вам сообщить, чрезвычайно важно и касается только вас. Может быть, лучше было бы выслушать вам это одному.

– Я не знаю, о каких важных вещах хотите вы сообщить мне, фра Арсенио. В любом случае знайте, что этот человек – мой работник и обязан быть глух и нем, если я ему прикажу.

---

[14] *Эспланада* – открытое пространство между цитаделью крепости и городскими строениями.

[15] Частица, присоединяемая к имени католического монаха в значении «брат».

– Хорошо, я буду говорить при нем, раз вы этого требуете, но повторяю, нам лучше остаться вдвоем.

– Пусть будет по-вашему… Удались, но встань так, чтобы я мог тебя видеть, – обратился Монбар к работнику.

Олоне отошел на сто шагов и оперся на ружье.

– Неужели вы опасаетесь измены со стороны бедного монаха? – сказал францисканец с печальной улыбкой. – Это значило бы предполагать во мне намерения, очень далекие от моих мыслей.

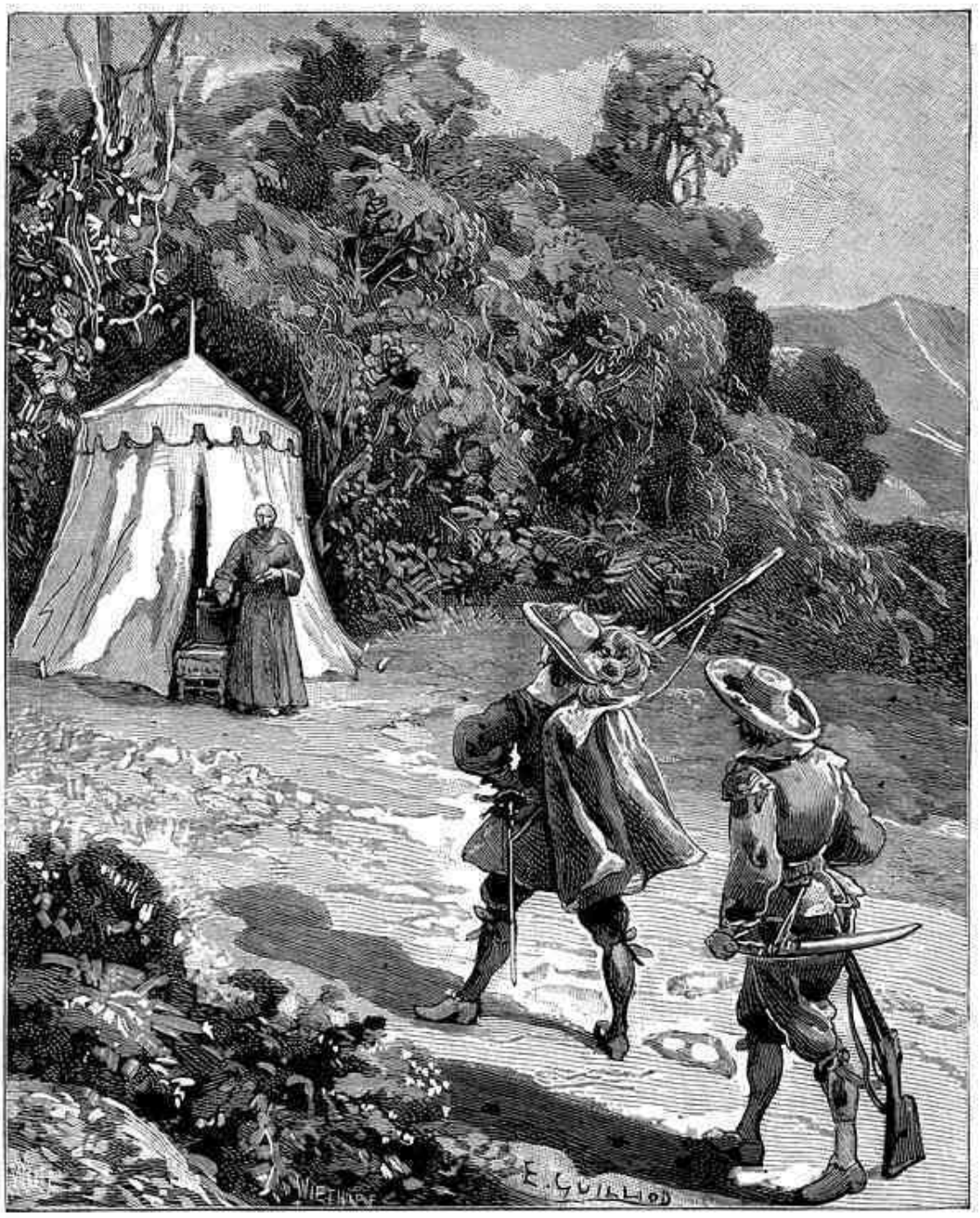
– Я ничего не предполагаю, фра Арсенио, – резко ответил флибустьер, – а только имею привычку остерегаться, находясь лицом к лицу с человеком вашей нации, духовным или светским.

– Да-да, – сказал монах печально. – Вы питаете неумолимую ненависть к моей несчастной родине, поэтому вас и называют Губителем.

– Какие бы чувства я ни испытывал к вашим соотечественникам, какое бы имя ни дали они мне, я полагаю, вы не для того пригласили меня сюда, чтобы обсуждать этот вопрос.

– Действительно, не по этой причине я позвал вас, вы правы, сын мой. Хотя, может быть, я и об этом мог бы сказать вам многое.

– Должен заметить, что время уходит, – я не могу оставаться здесь долго, и если вы не поспешите объясниться, к величайшему моему сожалению, я вынужден буду вас покинуть.



– Вы будете сожалеть об этом всю жизнь, сын мой, будь она даже так продолжительна, как жизнь библейского патриарха.

– Может быть, хотя я очень в этом сомневаюсь. Из Испании я могу получить только неприятные известия.

– Не исключено. Во всяком случае, вот что я должен сообщить вам…

– Я слушаю.

– Как вам подсказывает моя одежда, я монах францисканского ордена.

– По крайней мере, внешне, – сказал флибустьер с иронической улыбкой.

– Вы сомневаетесь в этом?

– Почему бы мне не сомневаться? Разве вы первый испанец, который не побоялся осквернить святую одежду для того, чтобы удобнее было шпионить за нами?

– К несчастью, ваши слова справедливы, это случалось слишком часто… Но я действительно монах.

– Верю, пока не получу доказательств противного. Продолжайте.

– Я духовник многих знатных дам на острове Эспаньола. Среди них одна, молодая и прекрасная, недавно приехавшая на остров со своим мужем, погружена в неизбывную печаль.

– А-а! Но чем же я могу помочь, фра Арсенио, позвольте вас спросить?

– Не знаю. Только вот что я хочу вам рассказать… Дама эта, как я вам уже говорил, молода и прекрасна. Она много жертвует на нужды церкви. Доброта ее неисчерпаема. Большую часть времени проводит она в своей молельне, стоя на коленях перед образом Божьей Матери. Молитву она сопровождает слезами. Невольно заинтересованный этой искренней и глубокой скорбью, я несколько раз, пользуясь правом, которое мне дает мое звание, старался проникнуть в это истерзанное сердце и вызвать в моей духовной дочери доверие, которое позволило бы мне подать ей утешение.

– И вам это удалось?

– Нет, не удалось.

– Позвольте заметить, что до сих пор я не вижу в этой истории, очень печальной, но похожей на историю многих женщин, ничего интересного для меня.

– Подождите, сын мой.

– Продолжайте.

– Однажды эта дама показалась мне печальнее обычного. Я снова принялся уговаривать ее открыть мне свое сердце. Побежденная моими просьбами, она сказала мне слова, которые я передаю вам буквально: «Отец мой, я несчастное, падшее существо. Страшное проклятие тяготеет надо мной. Только один человек имеет право знать тайну, которую я скрываю в моем сердце. От этого человека зависит мое спасение. Он волен осудить меня или простить, но каков бы ни был его приговор, я без ропота покорюсь его воле и буду считать себя счастливой, если смогу любой ценой искупить свой тяжкий проступок».

По мере того как монах произносил эти слова, лицо флибустьера, и без того бледное, все более мертвело. Судорожный трепет пробегал по его телу, и, несмотря на все усилия казаться спокойным, он был вынужден прислониться к одному из кольев палатки, чтобы не упасть.

– Продолжайте, – сказал он хриплым голосом. – Женщина назвала вам имя этого человека?

– Назвала, сын мой. «Увы! – сказала она мне. – К несчастью, человек, от которого зависит моя участь, самый непримиримый враг моего народа. Это один из главарей тех свирепых флибустьеров, которые поклялись вести против Испании беспощадную войну. Я с ним никогда не встречусь, разве только в каком-нибудь разграбленном городе, сожженном по его приказанию. Человек, о котором я говорю, не кто иной, как страшный Монбар Губитель».

– А-а! – Флибустьер прижал руки к груди. – Она так сказала?

– Да, сын мой, она произнесла эти слова.

– И тогда?..

– Тогда, сын мой, я, бедный монах, пообещал ей отыскать вас, где бы вы ни были, и повторить вам ее слова. Я должен был опасаться только одного: умереть, не увидевшись с вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.